



*Con nuestros mejores deseos y un afectuoso
saludo,*

Príncipe de Asturias

Princesa de Asturias

*“С наилучшими пожеланиями и пламенным
приветом”.*

Филипп, принц
Астурийский

Летиция, принцесса
Астурийский

Фото для общества “Украина – Испания”

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

ЮРИЙ БЕЛОВОЛОВ

**РЕФОРМЫ КАРЛА III
В ИСПАСКИХ КОЛОНИЯХ АМЕРИКИ
(XVIII век)**

Донецк – 2006

*Посвящается Их Высочествам
Принцам Астурийским
Дону Филиппу Бурбону и Донье Летиции,
наследникам испанского престола XXI века*

УДК 94. 001. 73 / 460 / “17”

ББК Т 3 / 7 / 4 – 03

Б 435

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

- доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой международных отношений и внешней политики Донецкого национального университета Крапивин А.В.
- доктор исторических наук, профессор кафедры новой и новейшей истории Одесского национального университета имени Ильи Мечникова Демин О.Б.
- доктор исторических наук, профессор кафедры всемирной истории и международных отношений Луганского национального педагогического университета имени Тараса Шевченко Бурьян М.С.

Беловолов Ю.Г. Реформы Карла III в испанских колониях Америки /XVIII век/. – Монография. – Донецк, 2006. – 231 с. с иллюстр.

ISBN 978-966-639-298-8

Монография посвящена реформам испанского короля Карла III в XVIII веке. При поддержке образованных людей, сторонников реформирования страны, монарх осуществил глубокие реформы в административной, политической, социально-экономической и военной структурах Испании и американских колоний, которые нанесли серьезный ущерб аристократической и религиозной олигархиям и способствовали достижениям молодой буржуазии и ее стремлениям укрепить промышленный потенциал и возродить сельское хозяйство.

Решающее значение в колонизации территории вице-королевств в Америке имел испанский, а точнее креольский элемент в формировании культурного облика колоний, а впоследствии и государств Латинской Америки.

ISBN 978-966-639-298-8

БЕЛОВОЛОВ Ю.Г., 2006

УДК 94. 001. 73 / 460 /

ББК Т 3 / 7 / 4 – 03

Б 435

YURIY BELOVOLOV

**LA SIGNIFICACIÓN DE LAS REFORMAS DE
CARLOS III EN COLONIAS ESPAÑOLAS DE
AMERICA (SIGLO XVIII)**

Donetsk, Ucrania – 2006

*A sus Altezas Reales
Principes de Asturias
Don Felipe de Borbon y Princesa Letizia,
Herederos del Trono español del siglo XXI*

УДК 94.001.73 / 460 / “17”

ББК Т 3 / 7 / 4 – 03 /

Б 435

Recensores :

- doctor en ciencias historicas, profesor titular, el Jefe de Catedra de Relaciones Internacionales y Politica Externa de la Universidad Nacional de Donetsk Krapivin A.V.
- doctor en ciencias historicas, profesor titular de la Catedra de Historia Moderna y Contemporanea de la Universidad Nacional de Odesa “Ilia Mechnykov” Diomin O.B.;
- doctor en ciencias historicas, profesor titular, el Jefe de la Catedra de Historia Universal y Relaciones Internacionales de la Universidad Nacional Pedagogico en Lugansk “Taras Shevchenko” Burian M.S.

Belovolov Yu.G. La Significacion de las reformas de Carlos III en colonias espanolas de America /el siglo XVIII/. – Monografia. – Donetsk, 2006. – 231 pag. con ilustr.

ISBN 978-966-639-298-8

La monografia esta consagrada a las reformas de Carlos III en España durante el siglo XVIII. Con apoyo de la Gente Ilustrada, con los partidarios de emprender una reforma, el Monarca ha realizado profundas reformas en la estructura administrativa, politica, social-economica y militar en España y sus colonias. Fueron reformas que causaron una derrota a las oligarquias aristocraticas y religiosas y favorecian a los logros de la joven burguesia y a sus propositos de favorecer el potencial industrial y resucitas la agricultura.

El factor decisivo en la colonizacion de los territorios de los vice-reinos en America tuvo lugar un elemento no tan castellano como criollo en formacion de un aspecto cultural de las colonias y, despues, en los paises de America Latina.

ISBN 978-966-639-298-8

BELOVOLOV YURIY G.

УДК 94. 001.73 / 460 / “17”

ББК Т 3 / 7 / 4 – 03 /

Б 435

ВВЕДЕНИЕ

В XVIII веке Испания представляла собой государство, стремившееся противопоставить идеологию Просвещения обществу, которое изменилось со времён конкисты, однако продолжало оставаться под влиянием архаических форм. После долгих лет слабости королевской власти Карл III восстал против оппозиции, обскурантизма и отсталости. Начало реформы совпало с первыми годами его правления.

Экономические и финансовые реформы, проведённые по инициативе соратника короля графа Энсенады, вызывали активность средних слоёв испанского общества. С целью усовершенствования правительства и административных органов городов были предприняты значительные усилия. Было принято решение сделать финансовую систему более эффективной и гибкой.

Соратники короля и проводники его реформ — Хосе де Гальвес, Флоридабланка, Форнер, Кабаррус, Кампоманес — были убеждены в том, что реформы могут осуществиться только при поддержке короля.

Хосе де Гальвес был назначен министром колоний в 1776 г., одновременно исполняя обязанности губернатора Совета для Индий. Он был прекрасно осведомлен в американских делах, находясь в Новой Испании в качестве визитера с 1765 по 1771 г. Под его руководством были осуществлены первые реформы в Америке: учреждены интендантства, принят Регламент о Свободной торговле, создано Вице — королевство Буэнос-Айрес, Комендантство Внутренних провинций, Капитан-генеральство в Каракасе, на Кубе, в Гвате-

мале, на Филиппинах, а также осуществлена фортификация, внедрено сельское хозяйство [1].

В течение двух десятилетий, с 1760 по 1780 год была выработана программа реформ, направленных на решение основных проблем. Прежде всего, необходимо обратить внимание на аграрную реформу, ослабившую социальную напряжённость 1760-1766 годов. Согласно декрета 1765 г. была разрешена торговля зерном внутри страны. Вошли в практику серия декретов о распределении брошенных земель или принадлежавших городским советам с целью улучшения их обработки. Декреты 1766-1770 годов стимулировали развитие мелкой крестьянской собственности, хотя большая часть распределённых земель в Эстремадуре, Андалузии и Новой Кастилии оказались в руках знати. С целью урегулирования высокой ренты, которую крестьяне платили за землю, устанавливалась квалифицированная рента. В Андалузии были созданы колонии немецких крестьян для обработки пустующих земель и повышения урожайности. Для ирригации земель завершено строительство канала в Арагоне. Аграрная реформа способствовала социальной стабильности, росту богатства и благосостоянию государства.

Карл III был одним из лучших королей, которых имела когда-либо Испания. Он был принципиален, твёрд и верен избранным идеалам. После смерти своей жены Марии Амалии Саксонской, умершей год спустя после его восшествия на испанский престол (до 1759 года он был монархом королевства Обеих Сицилий, принадлежавшего испанской короне) Карл отказался вступать в новый брак или обзавестись дамой сердца. Работящий, честный и добросовестный, у него не было других забот,

кроме благополучия своих подданных. И делал это он так, как предписывала ему профессия монарха.

Королева Амалия тяжело приобщалась к обычаям и природе Испании. Её приводила в уныние страна, климат, жилища, еда, сами люди. Её раздражала болтовня женщин, по её мнению: «самых глупых созданий в мире. Она тосковала по королевству Обеих Сицилий, которое называла ... «праздником души, именинами моего сердца». В Испании ей нравились только бои быков. «Наблюдая хладнокровие и достоинство тореро, – писала она Тануччи, министру-регенту в Неаполь, – я избавилась от страха и получила большое удовольствие от этого представления» [2, 494]. Несмотря на ординарную внешность и капризность королевы, когда она умерла, король воскликнул: «Это первое неудовольствие, которое она вызвала во мне за 22 года нашего брака». Предчувствуя свой близкий конец, королева однажды сказала: «Моя жизнь не будет достаточно долгой, чтобы увидеть результаты реформ, которые предпринимаем» [3, 252].

Будучи глубоко религиозным человеком, король принял непростое решение, изгоняя Орден иезуитов из Испании и колоний, но в то же время он не позволял, чтобы антирелигиозные тенденции, характерные для эпохи реформ, несмотря на вольтерьянство некоторых своих министров, могли внедриться в высшие государственные сферы.

По королевскому декрету 1779 г. были даны преимущественные права для текстильных фабрик Испании. Чрезмерная регламентация ограничивала количество выпускаемых товаров и запрещавшая усовершенствование орудий труда в середине века и новое

время, что препятствовало свободному развитию текстильной и других отраслей промышленности. Королевский декрет 1787 г. предоставил фабрикантам право самим определять количество выпускаемой продукции, игнорируя регламентацию. Результатом этого было повышение – с одной стороны – заработка рабочих, а с другой – расширение экспорта продукции [4, 303-316].

Ещё во времена Филиппа V существовали королевские текстильные фабрики в Гвадалахаре, шёлковые – в Талавере, стекольные – в Гранхе, ковровые – в Мадриде. При Карле III их число пополнилось текстильными – в Авиле и фарфоровыми – в Ретиро. Важную роль сыграла частная инициатива, поощряемая протекционистскими законами монархии [5, 521].

Таким образом, начала проникать в Испанию промышленная революция в результате технических изобретений, преобразивших экономическую структуру Англии, Голландии и Франции.

Реформы Карла III были важны также и для Испанской Америки. В 1768 г. была внедрена система интенданств и созданы административные единицы, укрепились торговые пути. По декретам 1765 и 1778 г. была упразднена монополия Торговой хунты г. Кадиса и открыты 13 портов на побережье для прямой торговли с Америкой. Эти факторы стали решающими в возрождении экономики Каталонии. Задачи колониальных реформ: покончить с рутиной, сместить автохтонные группы политических и религиозных органов и противопоставить им универсальность законов. Шла речь о проведении тройной модернизации: экономики, судебной и административной систем [6, 507].

Свободная торговля с Америкой использовалась, прежде всего, каталонцами. Все морские провинции Испании получили более или менее полезный импульс вследствие регламента 1763 г., но ни одна из них не развернула деятельность подобно Каталонии. В 1792 г., спустя всего лишь после 14 лет свободной торговли, каталонский экспорт в колонии достиг 200 миллионов реалов [2, 507].

Кроме указанных реформ Карл III реформировал городскую полицию Мадрида, в ведомстве которой находилось освещение, очищение и мощение улиц, осуществлявшихся под руководством сицилийского инженера Сабаттини, отличившегося на поприще урбанизации Неаполя. Реформа предусматривала также запрещение прогона свиней по улицам Мадрида, принадлежавших монастырю Сан-Антонио Абад, и строительство выгребных ям для нечистот. Корпус инвалидов, созданный Филиппом V, был реорганизован Карлом III и превратился в разновидность городской полиции. Строились важные административные сооружения, такие как Дом печати, Министерство внутренних дел, церковь Сан-Франсиско Великого. Таким образом, Мадрид утрачивает категорию обширной деревни и приобретает, наконец, черты столицы [2, 494].

То, что касается церкви, корона вмешивается непосредственно с целью укрепить дисциплину в религиозных орденах. Было сокращено число монахов, подтверждено королевское право, которое ограничивало публикацию папских энциклик и право убежища. Карл III потребовал поднять образовательный уровень лиц, назначаемых на церковные должности, и улучшить образование священников. Эти меры были приняты

для того, чтобы дезавуировать наиболее грубые пред-
рассудки населения. Были ограничены права Инкви-
зиции. Святой престол модернизировал Инквизицию,
но в 1778 г. она обладала ещё достаточной властью.

Реформаторская политика Бурбонов, положитель-
ная во многих аспектах, без сомнения имела свою
черную страницу в отношениях с церковью. Эти
отношения были обусловлены попытками абсолютной
монархии добиться полной автономии по отношению к
церковной иерархии, и возвести политический
принцип, принадлежащий королю, в разряд церковных
дел недуховной юрисдикции. В условиях растущего
абсолютизма ограничивалась юридическая власть
церкви, ставя под сомнение церковный авторитет.
Государство, которое всегда получало часть церковной
десятины и доходы, предназначенные епископату,
пользовалось также правом назначения на должность
каноников – все это санкционировалось самой властью
Рима в Конкордате с короной, подписанном в 1755
году. Вмешательство Короны распространялось на
вопросы духовности изданием указа об объединении
провинциальных приходов во всей Америке.
Созываются и начинают свою деятельность приходы в
Мехико (1771), Лиме (1772) и Чаркас (1773).

Но самой показательной демонстрацией абсолю-
тизма Бурбонов по отношению к церкви явилось
изгнание иезуитов, когда Карл III, следуя примеру
Франции и Португалии, издал декрет 27 февраля 1767
года. Процедура, мотивы которой исходили лично от
короля, была скрупулезно исполнена во всех уголках
империи и более двух тысяч иезуитов, проживавших в

Америке, были перенаправлены в Испанию, а их имущество конфисковано.

Последствия изгнания иезуитов из Америки имели тяжелые последствия для душевного состояния изгоняемых и для деятельности самих членов компании. Креольское общество было поражено закрытием колледжей и университетов, в которых воспитывалась американская молодежь, и расценивало принятые меры как тираническую позицию.

С другой стороны были оставлены на произвол судьбы миссии Компании на севере Мексики и в Парагвае. Неизбежный упадок этого оригинального института был связан с сокращением жителей селений, в которые, вместо религиозных месс, были привнесены городские порядки и производственная деятельность многих тысяч индейцев.

Смерть Гальвеса 17 июля 1787 г. совпала с ликвидацией Универсального секретариата колоний, разделенного на два органа самим Карлом III: один из которых возглавил Антонио Порлиер (вопросы религии, благодеяния и юстиции), второй – возглавил Антонио Вальдес (правительство, экономика, торговля и мореплавание) [7].

Кроме церковной десятины корона располагала другими церковными доходами, которые абсолютизм Бурбонов постоянно увеличивал. Так в 1750 г. папа Бенедикт XIV предоставил королю полное владение прибылью от Буллы Святого креста вне зависимости от Генерального Камиссара. Бурбоны присвоили себе полные права назначения на вакантные церковные должности, а также на должности муниципальных священников. Государство, кроме того, взимало месячную

плату со всех доходов церкви, а с 1777 г. — половину жалованья с тех, чьи доходы превышали 300 песо. В конце концов, Короне отходило имущество епископства, которое оставалось после смерти епископа [8].

Политика монарха и некоторых его министров связывалась с необходимостью привлечь более образованные элементы обедневших дворян-идальго с целью создать обновлённую и объективную администрацию. В ходе реформ возникли разногласия между классом идадьго — с одной стороны — и аристократами колледжей и университетов и знатью — с другой. Эта враждебность в правительственных кругах и в обществе никогда не прекращалась. Большая часть знати занимала всё более враждебную позицию по отношению к реформам. Только лишь арагонская партия, состоящая из либеральных аристократов реформистского направления, формировалась вокруг Аранды.

Бунт против Эскилаче иллюстрирует противостояние во внутренней политике Карла III. Следует подчеркнуть, что городская реформа не встретила поддержки населения. «Мои поданные, — говорил король, — уподобляются созданиям, которые плачут, когда им умывают лицо» [2, 511]. Как подчёркивал испанский историк Ферран Сольдевила: «Они (испанцы — Ю.Б.) далеко не всегда принимались плакать, злобствовать и жаловаться. Эскилаче, автор многих реформ, был основным объектом враждебности народа... и не только народа, но также ещё в большей степени, аристократии и высшего клира Испании» [2, 511]. Карл III встретился со значительными трудностями во внутренней политике, отсутствием органов контроля над населением, с тем, что одежда испанцев с широко-

полыми шляпами и длинными плащами препятствовала идентификации жителей, а в особенности преступников. Главная причина бунта против Эскилаче состояла в протестах населения Мадрида против заграничного министра (Карл привёз его с собой из Неаполя), отдавшего распоряжения укоротить плащи и носить небольшие шляпы-треуголки [9, 65]. Бунт против Эскилаче означал проявление раскола в испанском обществе. Маркиз Энсенада и Орден Иезуитов были признаны основными зачинщиками беспорядков в Мадриде и провинции.

Король и его министры свою внешнюю политику направляли на укрепление престижа Испании перед колониальными амбициями англичан и стремились вырвать остров Менорку из рук английской короны. Король поддерживал престиж страны перед мусульманскими державами и добился навигации для Испании по Средиземному морю.

Международные отношения в течении XVIII в. определялись надеждами на равновесие между нациями, нарушенное появлением двух новых европейских держав – России и Пруссии, а также империалистической политикой Великобритании, основанной господством на морях и торговой экспансией. Династическими союзами с Французской короной и защитой заморских территорий от Англии характеризовалась внешняя политика Испании XVIII века. Четыре больших вооруженных конфликта века оказали влияние на Америку: война за испанское наследство (1700-1713), война за Австрийское наследство (1740-1748), Семилетняя война (1756-1763) и война за американские колонии против Англии (1776-1783). Войны послужи-

ли подлинным отвлекающим средством для испанской Короны, которая после пережитых унижений внедрила в практику наиболее важные реформы в Америке, что касается войны колоний за независимость и образование США(1776-1783). Эти события явились кульминационным пунктом возрождения испанской империи Бурбонов [10].

Династические союзы и союз с Наполеоном покончили с территориальными приобретениями в Америке при Карле III. По договору Сан Ильдефонсо (1801 г.) Испания отдала Луизиану Французской Республике, которая не спешила оккупировать Испанию. А США, обеспокоенные возможностью потерять выход в море по Миссисипи, предложили Наполеону купить Новый Орлеан или зону восточного берега реки. К их удивлению он продал всю Луизиану США за 60 млн. франков [11].

При Карле III испанский язык утверждается в стране как язык административный и всеобщего образования. Если в 1701 г. Индекс образования составлял 17,37%, то ко времени Карла III возрос до 25,62% [12, 783]. Правительство впервые в истории страны внедрило университетское образование, были созданы исторические архивы: Колониальный в Севилье и Королевский в Арагоне. Созданы коллегии и институты, минералогические училища, два экономических и один научный институт: Семинарий Вергары в стране Басков и Институт имени Ховельяноса.

Следует подчеркнуть, что современные реформы в Испании имеют глубокие корни, берущие своё начало с XVIII века, со времён Карла III. Нынешний король Хуан Карлос I Бурбон с 1975 г. возглавил демократи-

ческие преобразования, которые превратили Испанию в богатую и процветающую страну. В 1969 г. Хуан Карлос был провозглашён наследником престола диктатором Франко и 23 ноября 1975 г. стал королём Испании. Короля называют «двигателем перемен», «лучшим испанским послом в мире», «гарантом демократии». Эти определения свидетельствуют о той роли, которую играет король в истории страны. Больших усилий стоило королю превратить Испанию в демократическое государство. Для многих стран, в том числе и для Украины, Испания является историческим примером перехода к демократии мирным путём.

В наши дни фигура Хуана Карлоса является символом единения испанцев независимо от их религиозных, партийных или классовых симпатий. Желание быть королём всех испанцев было продемонстрировано ещё при жизни Франко и в его первом обращении к нации как короля Испании. Как во времена Карла III Испания превратилась в могучее государство, так и реформы Хуана Карлоса I означали разрыв с прошлым, переход к глубоким качественным переменам. Конституция, принятая 6 декабря 1978 г., стала воплощением консенсуса основных политических партий [13, 27].

Конституция подвела итоги важного этапа ликвидации остатков франкистской политической системы, стала результатом важных социально-экономических преобразований. В условиях крайнего политического, социального и идеологического противостояния корона стала гарантом демократических ценностей — случай в истории уникальный. Испанская демократия прошла через попытку реставрации франкизма — военного

путча 23 февраля 1981 г., когда группа военных захватила здание палаты депутатов.

Приход к власти социалистов во главе с Филиппе Гонсалесом в 1982 г. и их продуктивная деятельность в области внутренней и внешней политики, хорошо налаженные и доступные всем медицина, образование, пенсионное обеспечение, всё это гарантировало всестороннюю поддержку реформам, проводимым Хуаном Карлосом. Как сказал Ф.Гонсалес «с доном Хуаном Карлосом начался надёжный и всеохватывающий процесс восстановления прав и свобод для всех испанцев в обновлённом и свободном обществе».

Верным спутником жизни и соратником монарха является королева София, для которой семья всегда была и остаётся основным объектом её забот и радостей. Важное место в её жизни занимает помощь больным и инвалидам, молодым талантам, делающим первые шаги на поприще литературы и искусства.

Следует подчеркнуть, что София, греческая принцесса — прямой потомок ушедших в историю королевских и царских династий Германии, России и Греции. В её жилах течёт кровь представителей королевских домов Дании, Швеции, Норвегии и Англии, сохранивших власть благодаря признанию демократических норм и поддержке своих подданных. Всегда привлекательная и радушная, королева создаёт вокруг себя ауру доброжелательности и доверия. Она проста в обращении, но вместе с тем это неординарная личность, со своим независимым характером, высоким интеллектом и художественным изысканным вкусом. Образ королевы всегда вызывает у испанцев поклоне-

ние у мужчин и восхищение у женщин. Королева всегда элегантна, улыбчива, внимательна.

Реставрация монархии была сопряжена с определёнными проблемами морального свойства. Молодая супруга наследника престола понимала, что восстановление монархии зависело от доброй воли Франко, и твёрдо верила в необходимость его умиротворения. Годы спустя Хуан Карлос писал: «...были необходимы тонны терпения и такта, добрая воля, чтобы избежать каких бы то ни было разногласий в моих отношениях и моего отца с Франко, которые могли бы стать драматическими для монархии». Одним из условий женитьбы Хуана Карлоса на христианке Франко потребовал её обращения в католическую веру. Принцесса, воспитанная в христианской вере, после бракосочетания приняла католичество.

По мнению журналистов, королева обладает твёрдостью характера и независимостью ума. Но в день похорон Дона Хуана, графа Барселонского, отца Хуана Карлоса, умершего в 1993 г., испанцы впервые за 20 лет её правления увидели плачущую королеву [14, 31].

Рождение в июле 1991 г. её первого внука, Фелипе Хуана Фроилана де Тодос Лос Сантос, сына инфанты Елены и Хайме де Маричалара, выходца из испанской дворянской фамилии, глубоко взволновало королеву. Хуан Карлос глубоко ценит моральную поддержку, оказанную ему королевой 23 февраля 1981 г., когда мятежники захватили парламент, и монархия подверглась тяжёлому испытанию на прочность. Впоследствии король говорил: «...она беспокоилась обо всём и обо всех. В те тяжёлые изнурительные часы неизвестности она находилась рядом со мной, не сводя

с меня глаз и взглядом, твёрдым и решительным, подбадривала меня в то момент, когда я говорил по телефону с капитанами-генералами» (военными, поднявшими мятеж – Ю.Б.) [15, 26].

В свой 60-летний юбилей (2 ноября 1998 г. – Ю.Б.) королева сохранила необходимые качества, богатый жизненный опыт для того, чтобы управлять в наступившем XXI столетии.

О духовной близости Королевской семьи к народу свидетельствует то, что частная жизнь королевы небезразлична испанцам. Самый популярный журнал «Эпоха» опросил почти 34000 испанцев, предлагавших различные кандидатуры невест для наследного принца Фелипе [16, 6].

Автор этих строк, работавший в Колониальном архиве в Севилье в 1995 г., своими глазами наблюдал огромный энтузиазм жителей города 18 марта, когда Его Величество король Хуан Карлос вёл свою дочь в Кафедральный собор для совершения таинства бракосочетания. Севильцы с вечера 17 марта занимали очередь на тех улицах, по которым должен был проехать свадебный кортеж после венчания.

Вероятно, справедливым является утверждение французского просветителя Монтескье, что каждый народ имеет тех руководителей, которых заслуживает.

С середины 80-х годов Испания вступила в период, названный «испанским экономическим чудом», который был достигнут благодаря политике Испанской социалистической рабочей партии (ИСРП), возглавляемой Фелипе Гонсалесом с 1982 г. Социалисты добились знаменательных результатов не только в социаль-

ной политике и экономических преобразованиях, но также и в интеграции в европейские структуры.

Стремительный экономический прогресс позволил Испании с 1 января 1986 г. войти в состав членов Европейского союза. Испания вошла в систему валютной интеграции. Стабилизация песеты благодаря бюджетным накоплениям обрушила на Испанию «валютный дождь». В результате этого в 1992 г. Испания заняла третье место среди европейских держав по накоплению валютных резервов [17, 203-204].

В 1996 г. Испания осуществила процесс «усыновления» республиканцев, участвовавших в войне 1936-1939 гг. Преодоление старых барьеров в политике и экономике представляет собой одно из наиболее существенных феноменов современного международного сообщества.

По мнению экс-главы испанского правительства Хосе Мария Аснара: «...испанская политика должна строиться на двусторонних и многосторонних отношениях в мире и особенно в Европейском союзе [18, 177]. «Второе превращение, – как считает Х.М.Аснар, – это современная модель социально-экономического и международного развития и вхождения Испании в новое качественное состояние».

Главный лозунг народной партии выражался в следующих словах: «Государство должно служить для общества, но не общество – для государства». Этой идеей была пронизана программная платформа Народной партии, изложенная Х.М.Аснаром в его книге: «Испания: второе превращение».

Новый курс нынешнего испанского правительства Хосе Луиса Родригеса Сапатеро открывает перспек-

тиву для дальнейшего совершенствования испанской демократии.

В 2004 г., после долгих лет оппозиции, социалисты сумели одержать победу на национальных выборах 14 марта над правившей с 1996 г. Народной партией. 16 апреля депутаты нового парламента подтвердили полномочия Сапатеро и избрали его новым премьер-министром Испании. Новый глава испанского правительства Хосе Луис Родригес Сапатеро родился 4 августа 1960 г. в городе Леоне в профессорской семье. Получил юридическое образование, после чего некоторое время работал в университете. Женившись на Сонсолес Эспиносе, он стал отцом двух дочерей. Принадлежность к Соцпартии имеет в семье Сапатеро глубокие корни. Будучи ее членом, дедушка Хосе Луиса погиб во время войны с франкистами. Сам Сапатеро стал активистом Соцпартии в 17 лет, в 26 – членом парламента, в 39 – лидером ИСРП, а в 44 – уже победителем на национальных выборах и главой правительства Испании.

17 апреля 2004 г. на церемонии принесения присяги и вступления в должность нового премьера присутствовали глава испанского государства король Хуан Карлос, королева София, а также бывший премьер-министр Хосе Мария Аснар. На следующий день, 18 апреля, новый кабинет министров, включающий восемь женщин и восемь мужчин, также был приведен к присяге в присутствии испанского монарха [19].

Выступая перед парламентом по случаю утверждения своей кандидатуры, Сапатеро изложил свой план борьбы с терроризмом, традиционно осудив

все виды терроризма, и отдав должное стойкости испанцев перед лицом этой угрозы.

Подводя итоги своего годичного пребывания у власти, глава испанского правительства Хосе Луис Родригес Сапатеро подтвердил проблемы, стоящие перед испанским обществом – это внешняя политика, территориальные проблемы и отношения с басками.

Первые сто дней пребывания на посту главы испанского правительства Сапатеро были отмечены отказом от политики Аснара на сближение с США. Был взят курс на сближение с президентом Венесуэлы Уго Чавесом, с Лигой арабских государств, с Шираком и Шредером, со странами Латинской Америки и разумные, то есть равноправные отношения, с Соединенными Штатами [20].

Что касается политики Сапатеро по отношению к стране басков, то новое испанское правительство избрало новый курс. Заявления главы испанского правительства Хосе Луиса Сапатеро 10 февраля сего года во дворце Монклоа – резиденции правительства – о начале переговорного процесса с террористической организацией ЭТА нашли положительный отклик как испанской общественности, так и среди политических партий за исключением Народной партии, подвергшей резкой критике антитеррористическую политику социалистов. Баскская Националистическая партия (БНП) поддержала оптимизм главы правительства в его стремлении исключить политику насилия. «Если правительство Сапатеро придет к консенсусу с ЭТА, если ЭТА пойдет на перемирие, если будет достигнут мир в стране Басков, – заявил член парламента правящей партии Хосе Антонио Рубалькаба, – мы выразим

свое восхищение его политикой... и поддержим Сапатеро во всем, что в конечном счете приведет к прекращению насилия в Эускади» (Стране Басков – Ю.Б.). Заявление Сапатеро, прозвучавшее во дворце Монклоа о близком начале мирного процесса поддержали баскские националисты и социалисты. К этому также склоняется подавляющее большинство баскского общества.

Председатель Объединения баскских предпринимателей Алечу Эчеверрия на собрании мадридской общественности выразил свой оптимизм по поводу мирного процесса в Басконии.

Политические страсти, захлестнувшие страну, способствовали активизации отношений между баскскими профсоюзами: Объединением баскских профсоюзов – LAB и UGT – Всеобщим союзом трудящихся Испании. Это событие стало феноменом в развитии испанской демократии. Посредническую роль в начавшемся переговорном процессе заняла Баскская церковь во главе с епископом города Сан-Себастьян, монсеньором Уриарте, который воспользовался пребыванием в Басконии ирландского священника Алека Рейда, инициатора мирного процесса в Северной Ирландии.

Попытка правительства Хосе Мария Аснара в 1998 г. начать мирный процесс с ЭТА закончилась неудачей. Существо дела заключалось в том, что Батасуна – Баскская Националистическая партия, – играющая ведущую роль в союзе с ЭТА, отказалась от стратегии примирения. Таким образом, мирный процесс, предпринятый Аснаром, завершился провалом. В настоящее время Батасуна ищет точки соприкосновения с правительством социалистов. Правительство Сапатеро отдает себе отчет в сложности

переговорного процесса, однако готово его начать, будучи уверенным, что окончательная договоренность с ЭТА может быть достигнута на пути диалога.

Заявление Сапатеро о прекращении извечного противостояния государства с ЭТА в ходе опроса общественного мнения правительство социалистов получило 8 из 10 пунктов в рейтинге популярности по сравнению с Народной партией Аснара.

Лидер баскских социалистов Паткси Лопес подчеркнул, что «путевой лист» миротворческого процесса был обозначен в Декларации, принятой Конгрессом депутатов, нижней палатой испанского парламента в мае 2005 г., в котором предусматривался любой диалог с террористами в условиях окончательного отказа от использования оружия этой организацией. На эту резолюцию указала Хосеба Аскаррага – советник баскской Юстиции, предложившая перейти от слов к делу в наименее короткий срок. Единственный голос «против» прозвучал из уст представителя Народной партии, депутата Игнасио Астарлоа, обвинившего Сапатеро в стремлении «подменить сценарий разгрома ЭТА капитуляцией правового государства» [21]. В своей деятельности правительство «выбрасывает на помойку результаты, полученные в Антитеррористическом Пакте», – подчеркнул депутат [22].

На встрече с журналистами председатель правительства Испании Хосе Луис Родригес Сапатеро осветил основные события двухлетней деятельности своего пребывания у власти. Отвечая на вопросы журналистов об итогах деятельности своего правительства, Сапатеро в качестве основной концепции назвал мир, заявив, что достижение мира стало

политическим приоритетом его правительства. Деятельность правительства социалистов была наполнена важными событиями. Остались позади два года реформ и правовой стабильности, ожесточенной критики со стороны основной оппозиционной партии Хосе Марии Аснара и церковной олигархии.

В качестве первых миротворческих шагов Сапатеро стало возвращение испанского военного контингента из Ирака и начало переговорного процесса с Баскской террористической организацией ЭТА. «Мир – по мнению Сапатеро, – является одним из основных столпов нашей политики. Мы начали свою деятельность возвращением своих войск из Ирака, веря в то, что наша страна должна разрешать конфликты мирным путем. Спустя два года мы добиваемся прекращения огня со стороны ЭТА и интенсивно работаем для достижения прочного мира с целью навсегда закрепить его, будучи уверенными, что, наконец, прошло время конфронтации». «Понимая, что совершенно непросто разрубить этот гордиев узел, мы используем все силы для разрешения этой проблемы» [23].

Решение о выводе войск из Ирака было принято еще до победы на выборах 14 марта 2004 г., решение, которое отвечало желаниям подавляющего большинства испанцев. Освещая этот вопрос, глава правительства заявил: «Мы знаем, что это решение не понравится Администрации Буша, но мы – суверенный народ. Приняв такое решение, я выразил всеобщую волю испанского общества, выразившего желание выйти из этой несправедливой, аморальной и преступной войны».

Находясь в оппозиции, во время дебатов в период избирательной кампании, Сапатеро неоднократно

ставил перед Аснаром вопрос о выводе войск из Ирака. Выведение испанского военного контингента из Ирака способствовало политической стабилизации внутри страны и повышению престижа страны не только в арабских государствах, но и в мире, за исключением США и их союзников. Вместе с тем Испания сохраняет стабильные хорошие отношения с США.

Отвечая на вопрос о личных отношениях с президентом США, Сапатеро ответил: «Я не имел персональных отношений с Бушем, как Аснар» [24].

Принятие в июне 2005 г. закона об однополых браках вызвало острую реакцию со стороны религиозных кругов, организовавших уличные демонстрации протеста против решения правительства. Комментируя принятый закон, Сапатеро сказал: «Я основывался на огромном доверии к испанцам, вступившим в однополые браки. Испания является самым толерантным обществом в мире и я очень горжусь этим. Суть в том, чтобы все граждане обладали равными правами» [25].

По поводу административного Устава Каталонии существует почти единодушное мнение аналитиков, что это стало «черным днем» последних двух лет. Его принятие каталонским правительством в сентябре этого года вызвало шестимесячные дебаты, которые разъединили правительство и оппозицию, поставило отношения между политическими партиями на грань зондирования.

«Устав каталонского парламента, – по мнению Сапатеро, – это импульс в направлении децентрализации и модернизации страны. Децентрализация усилит единение, если будет осуществлена гармонично. Это показало государство Автономии, насчитывающей уже

25 лет. Надеемся на следующие четверть века гармонии с уважением к Конституции Испании и солидарности среди нас всех» [26].

Дебаты по поводу реформы просвещения, начавшиеся осенью 2005 г., завершились принятием закона в апреле 2006 г. Оппозиционная Народная партия выступила против этого закона. Закон повлек за собой демонстрации протеста родителей при поддержке церковных кругов. «Было очевидно, что реформа образования вызовет разногласия, и что мы не встретим общей поддержки, – подчеркнул Сапатеро. – Невероятно сложно достичь консенсуса, когда одни требуют всеобщего религиозного образования учащихся, а другие этого не желают. Если одни стремятся, чтобы система образования была бы единой на всей территории страны, то другие считают, что наша система образования должна также уважать идентичность, традиции и культуру каждой автономии. Поэтому очень трудно добиться согласия в системе образования» [27].

Экономическая политика правительства направлена на высокие темпы экономического роста и повышение занятости при достаточно высокой инфляции.

«Находясь в оппозиции, мы критиковали тех, кто пытался заставить нас поверить в «экономическое чудо» при Аснаре, – заявил Сапатеро. – В настоящее время, когда дела в Испании идут, не только хорошо, но и намного лучше, мы приписываем это не только рабочим, но и предпринимателям» [28].

Процесс строительства единой Европы был парализован отказом Франции, Дании и Голландии поддержать европейскую Конституцию в 2005 г. Вместе с тем,

выражая оптимизм по этому поводу, Сапатеро заявил, что «Евроконституция не умерла, она еще спит. И надеюсь, что если кто и обладает легитимностью и силой, чтобы вдохнуть политический стимул в Евросоюз, так это будет Испания. Это мы продемонстрировали очень хорошо 20 февраля 2005 г., поддержав Евроконституцию. Евросоюз строится на условиях мира и большого прагматизма. Мы состязаемся в том, чтобы внести новые идеи в Европу, которая станет местом процветания, мира, толерантности и социальных прав» [29].

Вызов, с которым встретилось правительство со стороны оппозиции и церкви и противостояние побудило ряд политиков сделать вывод о том, что нынешнее правительство является наиболее левым в истории испанской демократии.

Сапатеро, дед которого был республиканцем и погиб в 1936 г., с детских лет воспитывался в атмосфере уважения к человеку и его принципам. Как считает глава правительства: «Правые рассматривали человека как потребителя на рынке труда, как панацею от всех бед, а государство — как неодолимое препятствие. Левые видят в человеке гражданина в открытом обществе в качестве средства индивидуального развития, а в государстве — гаранта стабильности. Поэтому я считаю себя левым. Таким же образом я считаю, что необходимо выполнять свои обязательства и следовать своим принципам, думаю, что наиболее разумным является ни менять свои жизненные устои, ни допускать, чтобы власть тебя изменила» [30].

Проблема иммиграции в последние годы стала головной болью испанских правительств так же, как и нынешнего правительства Сапатеро. Программа его

правительства не предусматривала решение проблемы иммиграции, но год спустя Сапатеро назвал ее сложнейшей социально-экономической и политической необходимостью. Касаясь данной проблемы, Сапатеро заявил: «В результате принятых мер более полумиллиона иммигрантов обрели статус работающих с правами и обязанностями. Кроме того, эти меры приобрели благожелательный эффект, выделив из статуса нелегалов многих граждан, которые хотят жить и работать в нашей стране, уважая ее законы. Это касается не только иммигрантов, но и предпринимателей» [31].

При поддержке монархии Хуана Карлоса современная Испания нащупала исторический пульс и внедрила систему свобод и демократии, атмосферу сосуществования и толерантности. Личность монарха представляет собой позитивный образ Испании для других стран и символ единения всех испанцев. Украина не располагает личностью или политической силой, которая могла бы сплотить украинскую нацию. Поддержка, полученная короной со стороны всех социальных сил общества, позволили Хуану Карлосу стать «королём всех испанцев». Для других стран, как и для славянских стран СНГ, Испания представляет собой исторический пример перехода к демократии мирным путём.

Возрождение Испании произойдёт путём завершения процесса консолидации нации, повышения благосостояния испанцев и укрепления международного престижа государства.

ГЛАВА I. ПЕРВЫЕ РЕФОРМЫ

С начала XVIII в. и до окончания войны за испанское наследство, которая имела отрицательные последствия для интересов и чести Испании, короли династии Бурбонов взяли на себя миссию восстановить полный суверенитет и возродить торговую монополию колоний с Европой. Начало этой политике было положено Филиппом V и Фердинандом VI, успех которой и позволил Карлу III стать во главе монархии, которая восстановила свой престиж и, располагая ресурсами и средствами воздействия, вмешалась в противостояние ведущих держав: Англии и Франции и повлияла на равновесие сил в Европе и вне ее [1].

С позиции сохранения престижа как сторонницы Франции Испания не могла быть в стороне, в столь решительном конфликте она должна была вмешаться. Это заставило Карла III помимо своей воли разделить с Францией горечь поражения. В действительности Франция фактически была уже побеждена, когда Испания в 1762 году попыталась повлиять на баланс сил.

Поражение в Семилетней войне заставило правительство обратить серьезное внимание на необходимость создания эффективной оборонительной системы в колониях, на наличие подготовленной армии и оборонительных средств не только в период вооруженного противостояния, но и в мирное время, когда оно может прибегнуть к помощи военно-морских экспедиций. Значительный вклад в укрепление военно-морских сил внес Хуан де Арриага и Ривера, возглавивший эскадру

в колониях. Он прослыл усмирителем волнений в Вене-суэле, занявший там позже место губернатора с 1749 г.

После его возвращения в Испанию он был назначен в 1752 году главой морского интендантства в Кáдисе, а после ухода в отставку Маркиза Энсенады был назначен министром военно-морского ведомства в 1754 году и министром заморских провинций Совета для Индий. С его назначением утвердилась традиция, когда оба названных министерства были сосредоточены в одних руках, как при Энсенада. По примеру последнего Арриага заботился о строительстве флота и в особенности военных кораблей с высокими бортами. Благодаря своей коммуникабельности и личным способностям добиваться единства мнений и решений с другими министрами, его влиянию на Карла III обеспечили ему долгую карьеру, продолжавшуюся в течении 22 лет вплоть до его кончины в 1776 году [2].

К этой когорте 1760 года, к которой принадлежали Кальво Вилар, Валл и Арриага, в качестве наиболее способного следует назвать Эскилаче, итальянца по происхождению, сошедшего в порту Барселона на испанскую землю вслед за Карлом, прибывшим из Неаполя, чтоб занять испанский престол в 1759 году. Карл III в течение ряда лет был дружен с Эскилаче в Италии. В то же время остальных советников король знал только понаслышке, со слов королевы – матери Изабеллы Фарнезио.

Вместе с ними Карл III создал совет Кастилии, наиболее влиятельный орган монархии, начавший вникать в деятельность Совета для Индий, сохранившего только тень своего могущества к концу правления Фердинанда VI.

Предметом особого внимания министра Арриаги, кроме переселенческой политики, проводимой Советом для Индий, являлось строительство кораблей, которых он называл «летающими крепостями» ввиду их способности появляться в определенном месте и в необходимый момент.

Королем была поставлена задача сформировать, вместо того чтобы тратить огромные средства на экипировку и отправку войск в колонии, боеспособную армию на территории вице-королевств в Америке.

Эту истину подтвердил военный крах Гаваны, и для Арриаги стало объяснимо поражение Испании в войне, которая не имела возможности направить в колонии войска и артиллерию в достаточном количестве. Непреложная истина также была в том, что боеспособные вооруженные силы можно было создать только при наличии солидных денежных средств.

Поэтому вполне объяснимым стало требование маркиза Эскилаче обратить внимание на необходимость изыскания денежных средств в противоположность доктрине Арриаги на строительство новых кораблей флота. Потребность в создании государственной казны существовала всегда, в этом не было ничего нового, но из сути доктрины изыскания денежных средств родился реформизм. Должны были быть найдены источники накопления для финансирования военной реформы.

Эти источники были найдены в первые месяцы реформы: установление твердой цены на табак в 24 реала за фунт; отчуждение 50% заработной платы в пользу казны с обладателей вакантных должностей внутри Испании; отчисления в пользу казны доходов с религиозных организаций. Согласно указа короля от 29

июня 1760 года со всех доходов, поступающих в пользу церкви, религиозных организаций и конгрегаций взимаются обычные налоги, за исключением вновь создаваемых организаций.

Эскилаче, который возглавлял два министерства — финансов и обороны, принял деятельное участие в американских делах. Важным событием в дальнейшем развитии колонизаторской политики Испании явилось создание (октябрь 1763 г.) Совета Министров по инициативе Гримальди, Арриаги и Эскилаче. Это был первый шаг к интеграции колоний с Испанией, к унифицированному государству, означавшем, в любом случае, переход к глубоким структурным изменениям монархии, к серьезной реформе, которую нельзя было бы принять в случае ее скоротечности. Вместе с тем она могла бы стать симптомом новой политической концепции.



На обложке сборника «Королевских ордонансов о создании армейских и провинциальных интендантств вице-королевства Новая Испания» была изображена аллегория о роли Америки, сыгравшей главную роль в страстном желании имперского возрождения Бурбонов на основе богатых и хорошо управляемых колоний.

Молодая Америка окружена элементами индейской флоры и фауны, опирающаяся на рог изобилия и голову каймана на фоне табачных листьев, свидетельствующих о разнообразии ее богатств.

На заднем плане – охраняющее Америку государство Карла III и у ее ног – Имперский Лев..

Реформизм в Америке – как считает академик Королевской академии истории Деметрио Рамос Перес – начался с визита на Кубу герцога Риклы, Амбросио Фунес де Вильдияндо в 1763 году во главе военного контингента. Заняв пост капитана-генерала острова, он разработал проект системы защиты наиболее применимый для Америки. Его проект совпадал с критериями Арриаги о невозможности оперативной защиты американских пространств путем переброски из Испании регулярных войск ввиду большого расстояния и огромных расходов, связанных с этим.

Проект Риклы завершался выводами, что всевозможные средства защиты, такие как: крепости, войска и корабельная поддержка с моря представляются бесполезными, если нельзя рассчитывать на участие в защите самих жителей, соответствующим образом подготовленных в военном отношении. Предполагалось формирование провинциальной милиции, хорошо экипированной и дисциплинированной, типа той, которая была создана при Филиппе V, но обученной офицерами-

ветеранами и способной действовать в качестве настоящих воинских подразделений. Отряды будущей милиции приобретали ранг воинских подразделений с соответствующим жалованием и специальной униформой [3].

Местные власти опасались появления негативных мнений со стороны населения, поскольку создание новых военных формирований предполагало дополнительные налоги. Должны были произойти налоговые перемены путем компенсационных решений торгового характера.

Согласно проекта Риклы, принятого королем Карлом III, в то время, как О'Рейли начал создавать с помощью жителей Гаваны и офицеров, прибывших из Испании, милицейские подразделения пехоты и кавалерии, наиболее важные должности распределялись среди самых богатых креолов как знак признания их заслуг перед Короной. К должностям и званиям присовокуплялось еще и воинское довольствие, все это особенно было заманчивым для молодых представителей креольских семей.

Одной из первых реформ, осуществленных Александро О'Рейли в период его визита на Кубу после возвращения острова Испании по Парижскому миру, была военная реформа. Реформа способствовала формированию городской милиции, призванной усилить сравнительно небольшие регулярные войска. В составе регулярной милиции было 6700 человек пехоты, в составе 8 батальонов белых, мулатов и темнокожих, а также 800 человек кавалерии и драгунов в составе двух подразделений [4].

По инициативе Александро О'Рейли Министру Совета для Индий Хулиану Арриаге 21 декабря 1763

было послано письмо о создании батальона пехоты свободных негров Гаваны, который был использован в войне против Англии в связи с независимостью США в период военной компании Пансаколы [5].

Уже в 1764 году были сформированы подразделения в провинции Лас-Вильяс, в городах Пуэрто Принсипе и Сантьяго-де-Куба.

Так рождалась модель новой армии, которая нашла отражение в Регламенте милиции Кубы, опубликованном в 1765 году.

Совет министров изучил точку зрения, высказанную креолами на собрании в Гаване, где собралось более 30 крупных помещиков и торговцев, принявших решение установить налог – Алькабала в размере 6% с каждой торговой сделки и налог на водку – 2 песо за баррель [6]. Доходы предполагалось использовать на проведение военной реформы.

Алькабала, согласно «Словаря управления и законодательства колоний» Мануэля Хосе де Айалы, был один из денежных налогов Кастилии, состоявший в уплате определенного процента стоимости какого-либо товара при его продаже. Существовали три вида алькабалы: фиксированная, взимаемая при продаже на местных рынках; дель виенто (ветренная) при продаже товара иностранцами и морская – при продаже импортных товаров в портах [7].

По инициативе Эскилаче король Карл III принимает решение создать на Кубе новый орган: военное и финансовое интендантство, главная задача которого состояла в пунктуальном взыскании денежных налогов, в контроле над военными расходами, на жалованье и продовольствие, транспорт, строительство укрепле-

ний, содержание госпиталей и т.д., то есть органа, непосредственно связанного с центральной властью, но подчиненного капитану-генералу. Это была первая модель той административной единицы, которая со временем сыграла главную роль на континенте.

Прежде чем исследовать проведение военной реформы в Новой Испании, необходимо рассмотреть преобразования в венном деле, осуществленные королем в Испании.

В годы правления Фердинанда VI в начале 50х гг. XVIII века, на территории Испании было 33 батальона провинциальной милиции. В каждом батальоне было 8 рот. Все батальоны размещались в провинциях и носили названия провинциальных столиц. Командовали ими профессиональные военные. Батальоны пополнялись за счет крепких, пригодных к войне солдат. Карл III увеличил количество батальонов до 43 и для содержания их ввел налог в 2 реала с каждой фанеги [8] соли на территории всего королевства для строительства казарм, создания вооружения, обмундирования, инструментария и т.д. [9]. Учредил городскую милицию, состоявшую из ремесленников и мастеровых, которые строили защитные сооружения в прибрежных городах, как, например, в Ларедо, а также милиция служила для предотвращения уличных беспорядков, в особенности после провозглашения закона об общественном порядке 1766 года. Эти силы один раз в году привлекались на короткое время для войсковых учений.

В 1764 году по указанию Карла III был основан военный колледж в Сеговии, который пользовался широкой известностью в Европе. Граф Гасола,

генерал-лейтенант артиллерии Карла III создал школу для производства мин, пиротехники и для защиты городов. Гасола способствовал литейному делу: при литье пушек добавлялась медь из рудников Америки в Риотинто, Мексики и Перу, железо из Бискайи и Астурии. В 1783 году Франсиско Хавьер Ровира изобрел дальнобойную гаубицу с разрывающимися снарядами.

В войне, которую вела Испания против Французской революции в 1793-1795 гг., в донесениях французских генералов в Конвент говорилось, что испанская артиллерия была великолепной [10].

Корпус военных инженеров был отделен от артиллерии с 1711 года. Его реорганизацией и подготовкой занялись в 1718 и 1728 гг., так что уже в 1728 году было 128 военных инженеров. Карл III создал военные школы в Барселоне и Кáдисе и таким образом в 1768 году уже имелось в наличии 150 военных инженеров. В 1774 году офицеры обучались по специальностям: «Военные работы в городе и в полевых условиях и картография», «Дороги и гражданские сооружения», «Гидравлика» и др.

Отношения колониального министерства финансов с финансовой администрацией военного ведомства начинаются с первых моментов испанского завоевания, адаптируясь к обстоятельствам места и времени; они интенсивно развивались и более тесно были связаны с администрацией крепостей в тех случаях, когда действия корсаров заставляли просыпаться военных от летаргического сна [11].

Противостояние Испании с Англией после соглашения, подписанного между Испанией и Францией в 1761 г., привело к атаке англичан против Кубы, гарни-

зон которой смог противостоять сильной английской эскадре (26 судов, 15 фрегатов и 200 транспортных судов), подошедшей к Гаване 7 июня 1762 г. После интенсивной бомбардировки губернатор сдал город 12 августа. Как он, так и маркиз Королевского транспорта были осуждены военным трибуналом и сурово наказаны [12].

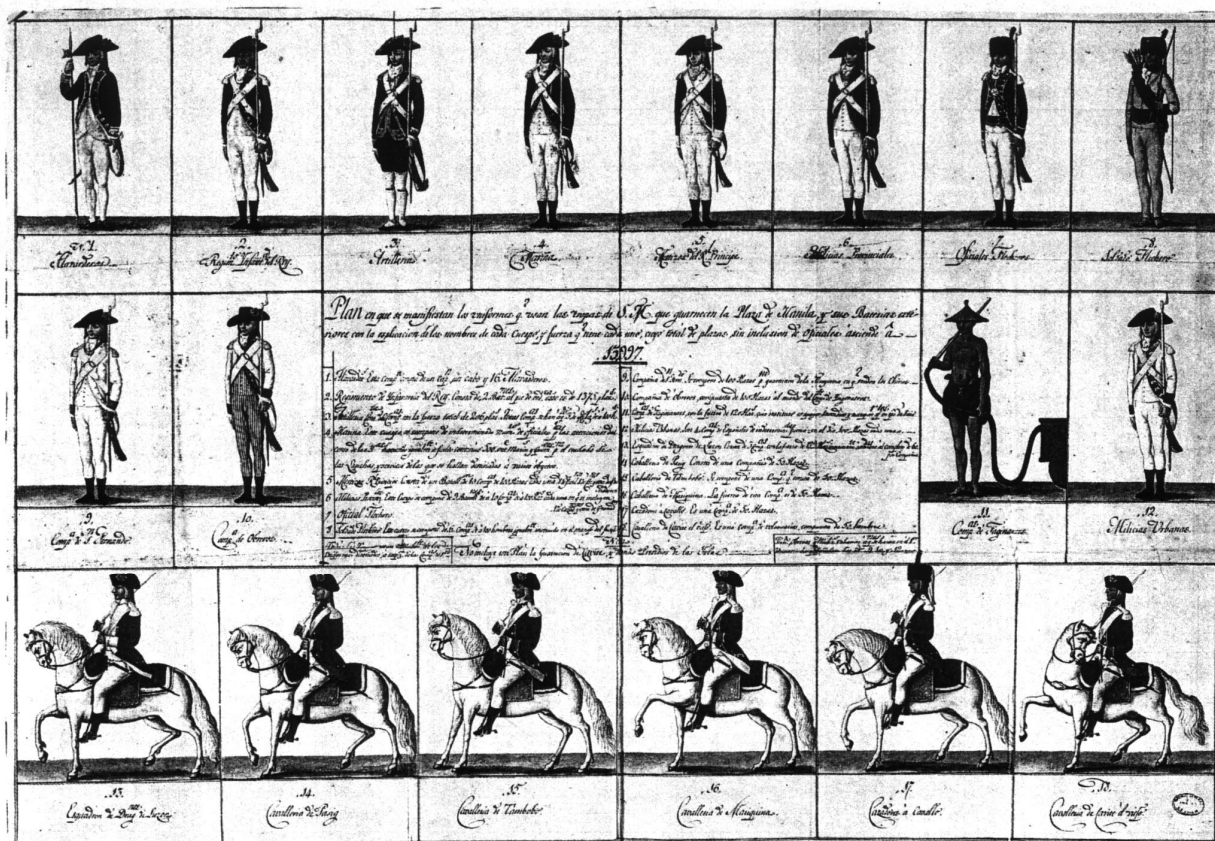
План, направленный губернатором Филиппин Франческо де ла Торре министру Совета для Индии, демонстрирует осаду города Манилы английской эскадрой адмирала Корникса. Город капитулировал 22 сентября, после чего в течение 3-х дней англичане подвергли его грабежу. Партизанская война, вспыхнувшая на острове Лусон под руководством Симона де Анда, продолжалась на Филиппинах до подписания Парижского мира (1763), по которому Испания вновь возвратила Манилу и Кубу [13].

Военная реформа Карла III после войны с Англией и мира 1763 года была направлена на формирование регулярных войск и дисциплинированной милиции.

Военные реформы Бурбонов состояли в возрождении империи и собственного достоинства, посредством укрепления военной мощи. Для этого уделялось серьезное внимание обмундированию военнослужащих с целью идентификации каждого подразделения.

Приведенный рисунок демонстрирует военный гарнизон Манилы на Филиппинах. Главное внимание уделялось подразделениям кавалерии и конкретно егерям, стрелкам, созданным в испанской армии Филиппом V в 1701 г. с целью преследования и уничтожения противника в момент его отступления.

Отдельным подразделением являлась пожарная команда для тушения пожаров, укомплектованная за счет индейцев, соответствующим образом обмундированных.



В Перу реформирование армии падает на плечи вице-короля Амата, который проводит ее настолько искусно, что испанский исследователь Карлос Перейра в своей книге «История Испанской Америки» резюмировал его деятельность двумя фразами: «милитаризировал страну и изгнал иезуитов» [14]. Как в указанных вице-королевствах, так и на остальных испано-американских территориях также создаются воинские контингенты и строятся необходимые оборонительные сооружения, чтобы противостоять растущей мощи Англии и угрозе с ее стороны [15].

Естественно, что вся тяжесть проблемы падает на финансовую деятельность королевских чиновников. В

ордонансах короля в Буэнос-Айресе шла речь о реорганизации военной администрации и с этой целью проводятся нововведения, предлагаемые визитерами-инспекторами.

Военная реформа в Новой Испании была проведена при непосредственном участии генерального инспектора войск вице-королевства Хосе де Эспелета. Его военная карьера была довольно успешной, она совпала с реформами Карла III. Эспелета в качестве помощника О'Рейли участвовал в создании и профессиональной подготовке милиции на Кубе и в Порто-Рико (1763-1765), прошел годичные курсы в Академии офицеров в Áвиле (1775-1776), руководимой О'Рейли, ставшей детищем Карла III. В свои 43 года 29 он отдал военной службе. Участвовал в семилетней войне (португальская кампания 1762-1763 гг., в высадке в Алжире (1775 г.) и в войне против Англии в Мексиканском заливе (1775-1783 гг.). С 1781 он — бригадир королевских войск, получивший это повышение за кампанию против Пансаколы и взятие города 8 мая 1781 года [16].

Примером для подражания были формирования милиции на Кубе и в Порто-Рико, созданные Эспелетой. «Нельзя найти, — писал Эспелета, — какое-либо войско милиции, лучше сформированное, более обученное, чем подразделения, созданные на островах Куба и Порто-Рико [17].

Прибыв в Новую Испанию, Эспелета встретил неудовлетворительное состояние войск. Милиция зависела от офицеров-ветеранов в обучении, хотя последние по уровню подготовки не отвечали необходимым требованиям. Офицеры же милиции не имели лицензии для вступления в должность командира. Офицеры-ве-

тераны пребывали постоянно в отлучках без разрешения старших командиров, даже отсутствовали на построениях во время инспекторских проверок.росло число офицеров, находившихся без увольнительных документов в столице вице-королевства. Сплошь и рядом офицеры находились вне своих подразделений в отлучках, не связанных со служебными делами.

Офицеры милиции подчинялись офицерам-ветеранам армии, которые в немолодом возрасте не стремились в отставку, хотя и желали того с нетерпением ввиду крайне скудной пенсии для удовлетворения своих жизненных потребностей. Особенно это имело место среди офицеров-драгун.

Что касается повышения по службе, офицеры провинциальной милиции подвергались дискриминации. Многие из них не получали продвижения по службе по 20 и более лет, оставаясь в должности лейтенантов, адъютантов и т.д. Подобные случаи имели место также и в частях провинциальной пехоты Кордовы, Тласкалы и Пуэблы, Толуки и в самой столице.

С 1764 года растет число офицеров в частях драгун г. Пуэбла и кавалерии в Керетаро. Если среди основных причин, влияющих на плохое состояние войск в Новой Испании был беспорядок и нарушение дисциплины командирами, то причины всего этого крылись в невыполнении королевских ордонансов и милицейских регламентов [18].

Инспекторы имели полномочия арестовать или отстранить от должности любого офицера инспектируемого подразделения. Оставить без наказания означало нарушить ордонансы и дать плохой пример под-

чиненным. Поэтому наказание следовало сразу же за нарушением.

Если, согласно реформе, солдат-пехотинец в 1764 году получал 8 песо в месяц, то через 3 года, в 1767 году зарплата возросла до 11 песо и до 1785 года этот уровень оставался без изменений. Солдату-драгуну, в отличие от пехотинца, получавшего 10 песо ежемесячно, этого было явно недостаточно, чтобы приобрести форму, которая изнашивалась гораздо быстрее от постоянных упражнений с лошадью, а также для покрытия расходов на подковы, торбы для корма, сбрую и т.д.

Дезертирство было широко распространено и вело за собой экономические издержки, поскольку дезертиры уводили с собой лошадей, уносили седла, утварь, оружие и даже кольца от кормушек.

Эспелета считал уровень жалования солдатам явно недостаточным ввиду растущих цен на предметы первой необходимости.

В 1768 году командиры драгунских частей, офицеры и солдаты выдвинули королю требования повышения жалованья и уравнивания его с пехотой.

Важным источником накопления средств для осуществления военной реформы была торговля. Еще до принятия Регламента о свободной торговле 1778 г. Короной были предприняты шаги в направлении либерализации торговли между Испанией и островами Карибского бассейна. Создавался торговый режим по декрету от 16 октября 1765 года, который заменял систему единственного порта в Испании на разрешение торговать с девятью портами полуострова коммерсантам Кубы, Санто-Доминго, Пуэрто-Рико, Тринидада и Маргариты.

Из всех реформ, которые просвещенный абсолютизм внедрил в экономическую систему, которая узаконивала отношения метрополии со своими владениями, без сомнения самой важной была реформа о свободной торговле. Осуществление реформы растянулось на несколько лет. Декрет 1765 года предусматривал, во-первых, свободу американских провинций установить взаимную торговлю. Эта свобода была неполной, поскольку отдельные районы были исключены из ее ареала до конца XVIII века., а также не все товары и сырье могли быть включены в так называемый «режим свободной торговли». Во-вторых, всем портам Испании предоставлялась свобода для торговли с колониями, но с увеличением монопольного права торговли Севильи и Кадиса; в-третьих, предоставлялась свобода американским испанцам для плавания с портов всех колоний в означенные порты Иберийского полуострова [19].

Эти льготы направлялись на укрепление торговли и увеличение прибылей государства. Декрет имел большое значение, поскольку подрывал монопольное право торговли испанских купцов с колониями и одновременно упразднял вековой регламент, который предусматривал соблюдение всевозможных формальностей, обязательных условий и длительных ожиданий, являвшим собой непреодолимые препятствия для торговцев и судовладельцев. Декрет был направлен на реформирование торговли островов Куба, Санто-Доминго, Пуэрто-Рико, Тринидад и Маргарита, которые были освобождены от королевского разрешения, которое ранее было необходимо для взаимного мореплавания между портами этих островов. В то же время либера-

лизация торговли для островов представляла собой прецедент для других американских территорий.

Успех реформаторского эксперимента на Кубе вдохновил правительственных чиновников на внедрение нововведений в Новой Испании.

Рикла возвратился в Испанию с сознанием исполненного долга. Что касается О'Рейли, он предложил использовать его опыт военной реорганизации в Новой Испании. Однако за год до этого с такой целью в Мехико был направлен генерал Хуан де Вильяльба, назначенный генеральным комендантом и войсковым инспектором вице-королевства. Поэтому О'Рейли был направлен в Пуэрто-Рико.

С назначением Вильяльбы начинается вторая фаза реформы Эскилаче, ставшей повторением кубинской модели, хотя было очевидно, что речь идет о совершенствовании процесса реформирования.

Вместе с Вильяльбой в 1764 году группа ветеранов и кадровых офицеров направилась в Новую Испанию для обучения создаваемых подразделений милиции.

Однако миссия Вильяльбы оказалась гораздо сложнее, чем Риклы ввиду низкой дисциплины в войсках, отсутствия вооружения и недостатка денежных средств. Над ним стоял вице-король, который не желал быть смещенным со своего военного поста, в то время, как Рикла был наделен всей полнотой власти на Кубе.

Развязка была несколько иной. Вице-король Новой Испании Круильяс был смещен. Предстояло смещение Вильяльбы, функции которого были вручены новому вице-королю, Маркизу де Круа, который занял этот пост в августе 1766 года.

Хосе Армона, который был доверенным лицом и сотрудником Эскилаче, был направлен в Новую Испанию в качестве визитера с целью учредить табачную монополию, возродить горнорудное производство и укрепить хозяйства помещиков-креолов, то есть создать новые источники денежных доходов. Однако, во время плавания Армона умирает. Вместо него в колонию был направлен Хосе де Гальвес, занимавший в Мадриде должность придворного алькальда и пользовавшегося поддержкой Гримальди, государственного секретаря. Гальвес прибыл в Веракрус в июле 1765. Его миссия визитера-инспектора продолжалась до 1771 года. Эскилаче использовал влияние Гримальди с целью привлечь его к своей политике военно-экономического укрепления Испании.

В ходе реформ на Кубе возник конфликт между интендантом Альтарриба и капитаном-генералом Рикла ввиду трудностей, возникших при создании нового специализированного органа – военного и финансового интендантства по старой схеме сосредоточения власти в одних руках. Подобные конфликты проходили на протяжении длительного времени. Реформисты отстаивали политику разделения властей.

Столкновения между верховной властью и интендантами на территориях, где внедрялись интендантства, были фактом. Это способствовало тому, что пример Кубы, ставший предметом обсуждения в Совете для Индий, подтолкнул Риклу к созданию Смешанной Хунты, состоявшей из председателя Совета для Индий, двух его советников, двух советников министерства финансов и двух счетоводов для решения спорных вопросов [20].

Необходимо подчеркнуть, что вновь, как на примере создания Совета Министров в 1763 году, реформаторы склонялись к необходимости унификации административных органов Испании и колоний, в то время как в аспекте исполнения функций территориально прослеживалась тенденция к специализации, то есть, к разделению полномочий властей.

Несомненно, что приобретенный небольшой опыт создания нового административного органа следовало перенести на Новую Испанию. С этой целью Эскилаче подготовил статью XXXI Инструкций, которые были вручены Гальвесу в марте 1765 года, подчинив инициативу скрупулезному изучению обстоятельств и ситуаций в вице-королевстве. В указанном документе, подписанным королем, выражалась надежда, что «визитер со свойственной ему ответственностью и опытом будет полезен и соответствовать службе мне и моим вассалам таким образом, чтобы в Новой Испании было создано одно или несколько интендантств в той форме, в какой создаются они в Испании, или с какими-либо дополнениями или ограничениями» [21].

Однако, если Гальвес смог быстро извлечь доходы от табачной монополии – успех которой был очевиден – также как и от свободной торговли и потребления водки, то несомненно протекли годы, прежде чем интендантства в Новой Испании смогли стать реальностью.

Между тем, были проведены в жизнь реформы в других местах, как, например, в Гватемале, куда Гальвес направил судью Себастьяна Кальво де ла Пуэрта в качестве своего помощника, субвизитера, осуществившего существенные перемены с 1763 года.

Кальво повысил алькабалу до 4%, а корабельный налог – с 1 до 2% и сформировал новую администрацию, которую возглавил в ноябре 1765 года и с помощью которой установил табачную монополию [22].

Другие реформы, подобные проведенным в Новой Испании, были связаны с учреждением таможен для взимания ввозных пошлин и алькабалы, а также – и это было не менее важным – предупреждение контрабанды.

Для вице-королевства Перу Совет Министров предписал в 1763 году вице-королю Амату создать дисциплинированную милицию в количестве 22000 человек. Будучи сам военным по призванию, Амат не испытывал больших трудностей при выполнении этого задания. Кроме того, под впечатлением только что окончившейся Семилетней войны, Амат укрепил фортификационные сооружения порта Реаль Фелипе де Кальяо, сформировал батальоны, подготовленные соответствующим образом, ставшие основой для создания регулярного войска. Были учреждены также таможни, хотя, ввиду возникших трудностей, начали функционировать через определенное время.

В вице-королевстве Новая Гранада вице-король Педро Мессия де ла Серда предпринял меры по увеличению денежных источников, необходимых для проведения военной реформы. Так, Мессия в 1764 году принял решение администрацию водочной монополии лишить арендных прав и подчинить ее непосредственно министерству финансов, с помощью которого установил табачную монополию. Для решения этой задачи Мессия назначил Хуана Диаса де Эррера главой адми-

нистрации Кито, где предстояло навести порядок с рентой от алькабалы.

Следует подчеркнуть, что вышеупомянутые преобразования были скорее небольшими поправками и исправлениями, чем реформами. 1 ноября 1764 года была учреждена морская почта от Ла Коруньи до Гаваны, ежемесячно перевозившая на кораблях пассажиров и грузы, а затем на одномачтовых судах (яхтах) путь продолжался до Картахены, Веракруса и т.д., а спустя несколько лет периодичность перевозок возросла и маршрут был продлен до вице-королевства Рио де ла Плата, чтобы с Буэнос-Айреса следовать далее, огибая Южную Америку, до Сантьяго и Лимы.

Подводя некоторые итоги следует подчеркнуть, что первые реформы проводились в направлении унифицировать различные территории Королевства посредством смешанного центрального органа, каким был Совет Министров; ослабить старые традиционные органы от Совета для Индий до вице-королевства и губернаторств, где создавались интендантства, функции которых уже были продемонстрированы на Кубе и в Луизиане. Реформы идентифицировались с личностями визитеров-инспекторов, которые их проводили. Подразделения милиции пополнялись из состава местного населения для обеспечения самозащиты своих территорий. Огромные финансовые потребности удовлетворялись за счет появления новых источников поступлений. Был упразднен традиционный режим единого испанского порта (Кáдиса) для торговли с Америкой, хотя Компания Гипускоа уже использовала другие порты для торговли, например, на Канарских островах;

установлен режим торговых льгот для Антильских островов с девятью портами Испании, а также было получено разрешение для помещиков-креолов использовать рабочую силу рабов. Была также создана система быстрой и эффективно связи с внедрением Морской почты как государственного органа, проложившей маршрут от порта Ла Корунья через Гавану, Картахену, Чили и Перу до Новой Испании и даже до Филиппин, навигация которой началась в 1764 году. Вторая линия морской почты была проложена до Монтевидео в 1767 году [23].

Большая заслуга в организации Морской почты принадлежала Гримальди, которая обеспечивала оперативную доставку грузов и перевозку пассажиров на большие расстояния. Хорошо организованное и пунктуальное сообщение стимулировало деятельность различных коммерческих групп, а также религиозных кругов. Ранее перевозки в колониях были подчинены частным лицам, осуществлялись нерегулярно и с длительными задержками.

Ранее морские перевозки между колониями и метрополией были монополизированы по побережью Андалузии без использования превосходных портов в Галисии на северо-западе Испании.

Важное значение приобретала административная реформа.

ГЛАВА II. АДМИНИСТРАТИВНАЯ РЕФОРМА

На завоёванных территориях Испания учреждала органы управления и юрисдикции на протяжении всего периода деятельности вице-королей. Шла консолидация местных и территориальных органов вообще как региональных единиц, в которых действовали социальные и культурные инстанции.

Сугубо латиноамериканское начало в колониях возникло от амальгамы того, что внесла метрополия — это новые идеи, юриспруденцию и местный колорит колоний, обычаи и противоборствующий феномен, постепенно возраставший в течение столетий и ставший во весь рост в первой четверти XIX в., приведшей колонии к войне и освобождению их от испанской опеки.

На американскую почву было трансплантировано формирование всевозможных институтов различных уровней и административных форм. Чтобы понять процесс трансформаций, следует иметь в виду, как считает испанский исследователь Фредерик Мауро, что во всём процессе европейской экспансии трансплантация учреждений означает, прежде всего, появление новых учреждений.

В конечном итоге динамика адаптации продемонстрировала своеобразие и специфичность колониальной политики монархии Испании.

Необходимо рассмотреть административные органы в региональной интерпретации Америки в XVI–XVIII вв. Под властью губернатора находилась определённая территория со следующей структурой: чиновники, которые финансировали муниципии и сотрудничали с коррехидорами; чиновники, осуществлявшие

связи с местными властями, например, с алькальдами (мэрами) городов и содействовали им в их работе. С другой стороны, капитаны-генералы несли ответственность за границы своих владений, за стратегические зоны и поддержку флотилий на пути их следования.

В конце XVII в. существовало 31 губернаторство в испанской Америке. Вначале это были самостоятельные административные единицы, границы которых едва можно было обозначить на карте. Такое положение, естественно, меняется с возникновением проблем юридического характера, когда экономическое пространство каждого населённого пункта приходит в движение.

В качестве панацеи от зол появляется коллегиальная власть, которая проявляет твёрдый «местный» характер на своей непосредственной территории подчинённой её юрисдикции – это была аудиенция.

Над ней, на уровне сверхрегиональном, стояло вице-королевство. В иерархической оппозиционной структуре появляется город и его муниципалитет, угрожающий превратиться в безусловную метрополию на своей территории. С другой стороны большое значение имела церковь в региональном формировании.

На территории будущего вице-королевства Новая Испания создаются аудиенции Санто-Доминго в 1511 г., Мехико и Гвадалахара – в 1527 и 1548 соответственно, Гватемала – в 1543 г. В вице-королевстве Перу появляется аудиенция Панама в 1538 г., Лима – в 1543 г., к которой добавилась провинция Куско в 1587 г., а другая – в Ла Плата де лас Чаркас – в 1559 г., Санта Фе де Богота – в 1548 г., после этого Кито – в 1573 г., сформированная окончательно в 1606 г., и, наконец, Буэнос-Айрес, ко-

торая действует с 1661 по 1672 и окончательно формируется в 1776 г., а также аудиенция Каракас – в 1787 г. [2]

Юридические границы этих аудиенций не совпадали с политическими границами в испанской Америке. На деле «сознание дистанции», огромные расстояния, отделявшие колонии от метрополии, приводят в действие механику визитов официальных высокопоставленных чиновников в колонии, которые должны были активизировать судебные и иные органы колоний.

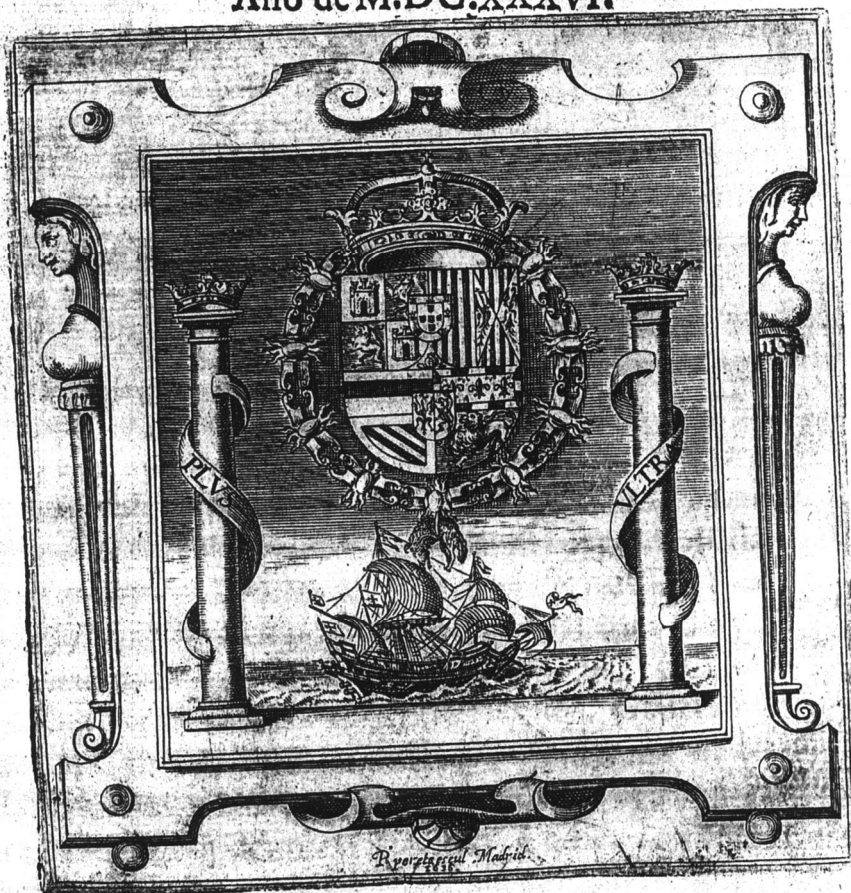
Влияние вице-королей и королевских судей было важным в «структуре местных властей (правительств – Ю.Б.), – как утверждает американский историк Харинг, – где креолинский элемент возрастает значительно» [3].

Испанский исследователь Хуан де Солорсано Перейра в своей книге «Индийская политика» главу XXX посвятил креолам, метисам и мулатам. Автор защитник креолов. Он не подвергает сомнению тезис, что «креолы – это подлинные испанцы, и как таковые должны пользоваться своими правами, честью и привилегиями и должны быть судимы ими» [4].

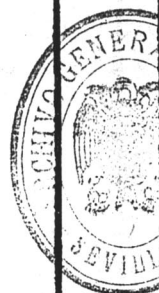
При сравнении настоящих испанцев с полуострова с креолами и метисами их следует рассматривать юридически идентичными. Метисы и креолы всегда были готовы занять общественные должности или принять религиозный сан в индейской церкви благодаря собственным заслугам и способностям, в том числе, когда речь шла о продажных должностях в сфере административного управления. Преимущество, которым пользовались испанцы в церковной иерархии, не всегда оставалось за ними. Существовало множество примеров, когда священниками становились креолы, метисы и индейцы.

ORDENANZAS
DEL
CONSEJO
REAL
DE LAS INDIAS.

NUEVAMENTE RECOPIADAS,
Y POR EL REY
DON FELIPE QVARTO N: S.
PARA SV GOBIERNO, ESTABLECIDAS
Año de M.DC.XXXVI.



En Madrid: POR IVLIAN DE PAREDES, Año de 1681.



По мнению Херонимо Мендиеты, «креолы воспринимают природу и обычаи индейцев, будучи рождёнными в том же климате и возросшие среди них» [5].

Солорсано демонстрирует два примера, также защищая креолов; он пишет: «в моё время и в прошлом они были прославленными в оружии и грамоте» [6]. Автор указывает на оппозицию мощного ядра внутри церкви, когда креолы захватили большое число мест, если и не самых высоких, но достаточно важных, чтобы продемонстрировать свои способности и силу. В другом примере Солорсано подчеркивает, что креолы монополизировали богатства индейского общества и знати. Богатства позволили им занять должности, иногда по способностям, в других случаях — с помощью денег [7].

Могущество креолов можно было наблюдать во всех общественных сферах, но самая острая борьба развернулась за должности судей в аудиенциях (в судах — Ю.Б.) в силу их важности, а также ради той власти в политике, которую эта должность давала.

Период между 1705 и 1772 гг., согласно данных профессора Сеспедеса де Кастильо в его книге «Испанская Америка», креолы занимали от 40 и в отдельных случаях до 60% мест судей в аудиенциях. В итоге креолы обладали экономической властью, в достаточной степени политической, по мнению Сеспедеса, чтобы добиться административной автономии [8].

Несомненно, что до середины XVIII века они не стремились создать свою особую культуру, поддерживая культурную идентичность с Кастилией, хотя и со своими региональными особенностями.

Небольшие территории, руководимые в ту эпоху городами, в которых проявляется возвышение креолов, превращаются в региональные центры. Раньше это были только интегрированные территории, слабо подчинённые губернаторской власти и чиновникам.

Превалировали интересы отдельных селений. В этой региональной незрелости содержится объяснение несовершенной системы номенклатур административных единиц, таких как коррехиментио, алькальдия майор, гобернасион. Они различаются, хотя и не всегда, на функциональном уровне, но уравниваются на почве отсутствия материальных средств.

В итоге, это предполагаемые территории испанской администрации в Америке, на которых в XVIII в. будет произведена идейная и институциональная эволюция, которую испытает испанская Империя, провозгласив региональную дифференциацию. До 1790 г. процесс перемен на американском континенте идет в комплексе с окончательным установлением интендантств, вызванных необходимостью защиты колоний.

Реформы Карла III осуществлялись при непосредственной поддержке представителей просвещённого абсолютизма, таких как Рома и Россель, Феронда, Артеага и других, возглавленных Родригесом де Кампоманесом, которые в своих произведениях главное внимание уделяли состоянию внешней торговли и, в особенности, колониальной [9]. Распространение и влияние идей просветителей стали решающим фактором в борьбе с застойными явлениями, которые, особенно в сфере экономики, остались в наследство от Австрийской династии.

Удачной пробой в преобразованиях Бурбонов была попытка организации полной и гибкой монетарной

системы во времена Филиппа V, отца Карла III, обеспечившей 50 лет стабильности с 1725 по 1775 гг. [10].

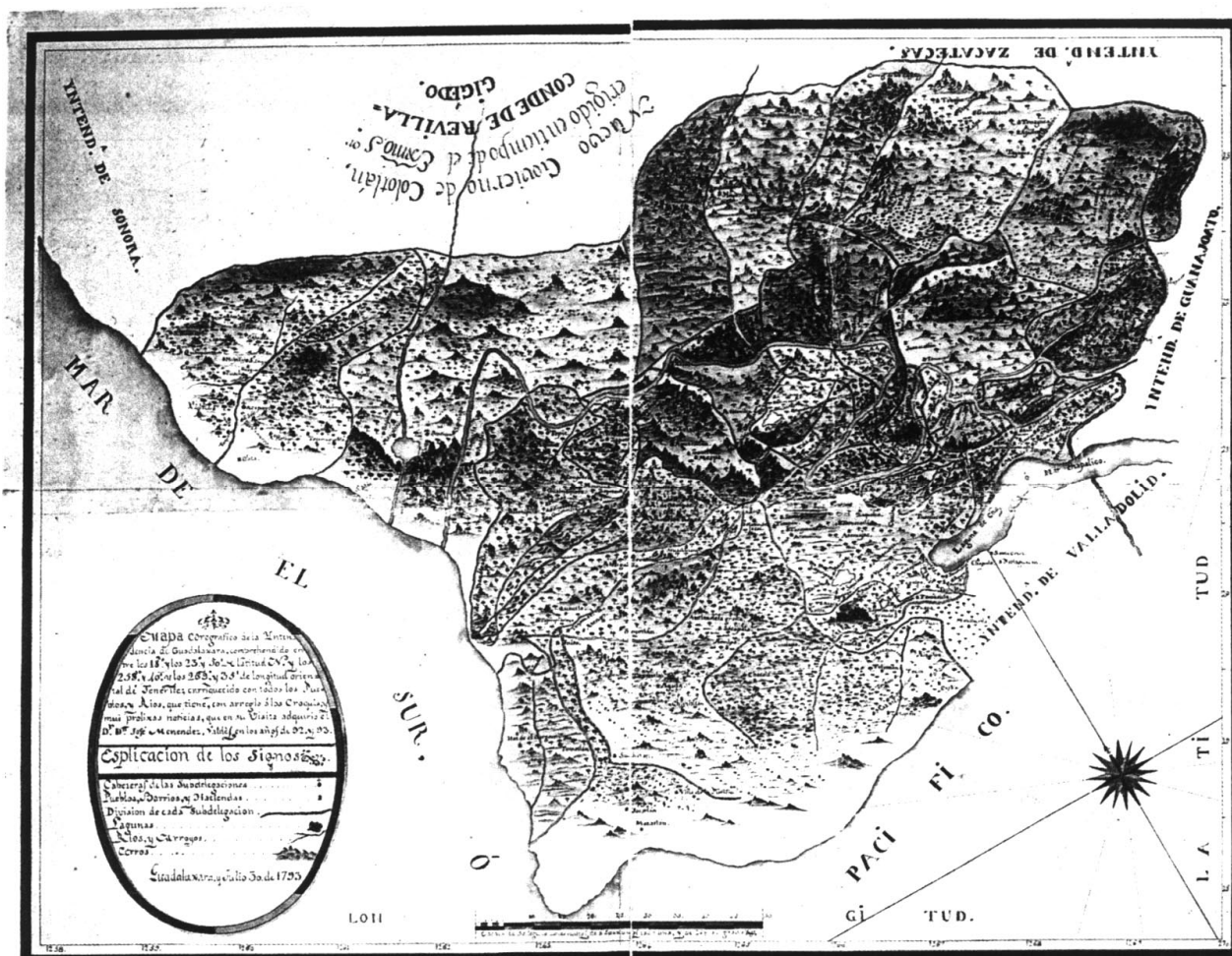
С помощью серебра Новой Испании обогатились Кáдис и Барселона и это «помогло финансировать первую индустриальную революцию в Северной Европе» [11]. Фундаментальной мотивировкой для «усилий Карла III и его министров будет укрепление и рационализация коммерческой, административной и военной структуры империи» [12]. Следует подчеркнуть, что реформы пришли в Америку с политикой Карла III. До него делались попытки корректировки социально-политической структуры, но с его кончиной преобразования были прекращены.

Такие административные единицы как интендантство начали создаваться в колониях при Филиппе V, направившем свой указ вице-королям Мехико и Лимы 20 июля 1746 г. Король предписывал им дать информацию о возможностях внедрить в колониях систему правления, сходную с метрополией. Однако королём был получен негативный ответ. «Я считаю, – писал из Мехико граф Ревильяхихедо, – что установление интендантств было бы здесь гораздо более вредным, нежели полезным» [13]. Если это было сказано с целью охладить попытку первого министра Энсенады, который готовился провозгласить второй указ о создании интендантств, то в высшем эшелоне власти крепло убеждение в неудовлетворительном состоянии экономики и административного управления в колониях.

Интендантства вначале были созданы в Испании. Её территория была разделена на провинции, во главе каждой из них стоял интендант, который непосредственно был связан с министром финансов. Интендант

являлся высшим авторитетом среди подчинённых учреждений и арбитром всех дел, связанных с доходами. Под его контролем находились все администраторы и арендаторы всех отраслей производства и источники доходов. Все взысканные средства и доходы от королевской ренты были сосредоточены в руках казначея и кассира провинциальной кассы, которые затем передавались в центральное хранилище в Мадриде, где находилась государственная казна.

Число интендантств в Америке было непостоянным ввиду частых делений провинций. В 1750 г. было 17 интендантств гражданских и 8 военных. В 1817 г. насчитывалось 28 интендантств, а в 1820 из 31 интендантства в провинциях осталось 23 [14].



Наряду с провинциальным интендантом фигурировал интендант армии, находившиеся под единым командованием. При каждом капитане-генерале в штате состояли кассир и казначей.

Бурбоны сделали из интендантов нечто более важное, чем средство функционирования финансов, включив в свои ордонансы вопрос о полиции, деятельность которой была направлена на борьбу с бродяжничеством. Кроме того, полиция занималась благоустройством селений и городов, охраной вкладов и личного имущества граждан.

Смысл и содержание интендантств состояли в том, что Корона стремилась к возрождению страны, которая досталась ей практически обнищавшей.

По мысли сподвижников короля, мощь государства могла быть создана только через возрождение отраслей промышленности, животноводства, сельского хозяйства, добычи полезных ископаемых, развития торговли и поисков пути её совершенствования через мореплавание, строительства дорог, мостов, портов и т.д. [15].

С точки зрения политической интендантства были наиболее эффективным выражением просвещённого абсолютизма, поскольку они стали своеобразным инструментом централизации страны и живым отражением его концепции абсолютной власти.

Интендантство, как централизаторский элемент, учредило посредническую иерархию в прежних прямых отношениях муниципий с правительством. В интендантстве получили право территориальные округа. Это было новшеством, которое система интендантств внедрила в старую систему, существовавшую при Австрийской династии.

Так называемые высокие магистраты или «магистраты дель карактер», как их часто называют в законодательстве, были подменными органами связи между центральными органами власти и провинциями.

«Территориальная организация не была свободна от ошибок, — как писал Кампоманес, — но в данном случае история превалировала над географией» [16].

Интендантства были отражением королевского абсолютизма, объединявшего в своих руках все управленческие нити и доводя экономический интервенционизм до самых отдалённых уголков государства.

Следует сказать, что система интендантств была основана на взаимном доверии, а зачастую и личном доверии сподвижников короля к самому монарху, который поддерживал их деятельность против интересов старой элиты, которую надо было низвергнуть. Доверие короля к интендантам также было полным, от личной деятельности которых и ревностного исполнения своего долга он ожидал осуществления своих замыслов.

Административная реформа при Карле III предусматривала также территориальную экспансию, своим объектом имевшую не только пограничные территории или еще не открытые, но также и внутренние незаселенные зоны или слабо колонизированные. Территория Гран Чако Гватемалы была обширным регионом между Андами, Панамой и Аргентинской Пампой, заселенным многочисленными племенами, среди которых проживало небольшое число иезуитов. Губернатор Тукумана путем переговоров добивался умиротворения между племенами.

Параллельно с проведением административной реформы осуществлялась серия специфических мер,

направленных на улучшение средств обороны, фортификацию ключевых пунктов, таких как Гавана, Веракрус, Омоа или Картахена на Карибах, Маракайбо на Ориноко и Монтевидео в Патагонии на южно-американском побережье, а также на Тихом океане вся линия крепостей от Чилое до Кальяо на юге, до Акапулько у Сан Бласа на севере.

Такой же важной как и фортификация была реформа военной организации, в которой наиболее существенным было решение, согласно которому в каждом вице-королевстве рядом с регулярными силами, сравнительно небольшими (6000 человек в Новой Испании, 3000 – в Новой Гранаде и 1500 – в Перу) создаются подразделения милиции, предварительно распределенные на батальоны в различных городах, городская или провинциальная милиция.

В соответствии с планом защиты территории осуществляется активная территориальная экспансия, призванная усилить пограничные территории и расширить границы колонизируемых провинций, отправляя миссионеров в сопровождении военных и заселяя территории колонистами. Так заселялись территории еще не завоеванные на Юге Чили и Патагонии. Иезуиты и францисканцы готовили почву для заселения на обширных восточных пространствах Анд и Калифорнии. Так же осуществлялась колонизация незаселенных тихоокеанских территорий большим количеством семей из Испании и Канарских островов. Эти колонизационные проекты, очень дорогие для Королевской казны, проводились как по решению властей, так и частными лицами, которые обязывались работать с целью получения земли, освобождения от налогов и получения титулов

(маркиз Сиерра Горда в Новом Сантадере, граф Сан Хуан де Харуко на Кубе или де Одорно в Чили) [17].

Стратегическое значение побережья Патагонии и Огненной Земли в качестве ключа к Тихому океану заставило Карла III подписать указ в 1766 г. о создании «колонии и порта причаливания» с целью освоения этого побережья, сокращения численности индейцев и предупреждение возможного поселения иностранцев. Экспедиция отправилась из Буэнос-Айреса в декабре 1768 г. под командованием лейтенанта фрегата Мануэля Пандо. В корабельном журнале была указана причина неудачи экспедиции по причине неблагоприятных погодных условий [18].

Территориальная экспансия, расширение и освоение новых территорий предусматривали извлечение из недр колоний полезных ископаемых и их использование для роста промышленности.

ГЛАВА III. ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

Состояние горного дела в Новой Испании до середины XVII в. оставляло желать лучшего. Правительство было весьма заинтересовано в модернизации добычи драгоценных металлов как основного средства пополнения королевской казны.

Визит Гальвеса в Новую Испанию в 1765 г. также был связан с необходимостью выяснить техническое состояние шахт и отыскать пути повышения добычи серебра, ртути и других драгметаллов.

Еще в 1763 г. Маркиз де Круильяс направил вице-королю Новой Испании королевский указ вместе с планом плавильной печи, «в которой с большей мягкостью можно плавить — как говорилось в документе, — все виды металлов» [1].

Вице-король должен был с помощью экспертов изучить возможность практического использования печи. Гальвес проинспектировал шахты и нашел их в плачевном состоянии, а также неудовлетворительное состояние администрации шахт. Постоянные потери были связаны с технической неграмотностью рабочих и хищениями металла ввиду слабого контроля и плохой организации работ. Однако, если поведение рабочих было безответственным, то деятельность предпринимателей была не лучше. Когда им не доставало средств для продолжения работ или когда начиналась разработка нового пласта, они без сожаления оставляли старые разработки, которые затапливали водой.

В соответствии с Испанским правом недра являлись собственностью Короны, которая предоставляет

своим вассалам право для их эксплуатации в обмен на налоги, через посредство которых предприниматели признают верховную власть монарха.

По мнению Гальвеса, другой причиной отставания горного дела были беспорядок и бунты, часто провоцируемые определенными лицами на почве экономических требований.

Выступления рабочих были довольно частыми и приводили к параличу производства, даже на наиболее крупных шахтах. Крупный предприниматель граф Регла вынужден был покинуть свою шахту, чтобы «спастись от дерзости и ярости рабочих, которые неоднократно пытались лишить его жизни» [2].

Он был вынужден прибегнуть к помощи солдат, чтобы вновь возобновить производство. В Гуанахуато бунты стали настолько частыми и устрашающими, что правительство смогло их прекратить с большим трудом путем увещеваний – в одних случаях – или с применением чрезвычайных мер – в других. В 1767 г. эти выступления были сурово подавлены, а их зачинщики поплатились свободой или даже жизнью. И, как сообщал вице-королю Гальвес, «с того момента город и власти пользуются полным благополучием на лучших шахтах, на которых с каждым годом растет производство при согласии и спокойствии рабочих» [3].

Главными предпринимателями шахт были Хосе де ла Борда, Мануэль де Альдако и граф Регла, с помощью которых главный визитер – инспектор Гальвес осуществил попытку наладить добычу минералов. Первое, с чем он столкнулся, это была высокая стоимость эксплуатации шахт. Предприниматели предложили снизить цену на ртуть, основной материал для выделе-

ния и очистки металла. С целью извлечения из недр американского серебра и внедрения в металлургию, ртуть была переведена в разряд государственной монополии с 1559 года, находясь в непосредственной зависимости от распоряжений администрации, а также в отношении транспортировки и продажи. Ртуть распределялась через посредство Королевских касс. В соответствии с большим интересом, который этот минерал представлял для Королевской экономики, в XVIII в. было создано Генеральное суперинтендантство отрасли во главе с администрацией в Мексике и в Перу. Снижение цены на ртуть сократило расходы производства до одной трети прежней стоимости. Король предложил снизить до половины прежнюю стоимость этого минерала. Результаты не замедлили сказаться и показали правительству, что снижение расходов может, в определенных случаях, увеличить доходы казны вместо ее опустошения.

С марта 1768 г. до конца 1770 г. доходы от добычи серебра возросли на 500.000 песо по сравнению с предыдущим трехлетием [4].

За тот же период чеканка монет Королевского монетного двора возросла до 5 млн. песо. В последующие три года министерство финансов реализовало почти 5 тысяч фунтов ртути по сравнению с предыдущим трехлетием и от этой продукции получило прибыль, несмотря на снижение цены на 40% больше, чем ранее.



A.G.T.
CONTADURIA, 1043

CUENTA, Y

Relacion Jurada, que D.^o

Joseph Antonio de Villa-señor, y Sanchez, Contador propietario de la Superintendencia de R.^a Azogues de este Reyno, formó, y ordenó ~ al S.^o D. Juan Rodriguez de Albuera, Maqués de Alaminia, Cavallero del orden de Santiago del Consejo de S.^u Magestad, Oydor de esta Real Audiencia, Auditor General de la Guerra, Jefe Superintendente, y Administrador General de R.^a Azogues; q^uasi de los que debia haber existentes en su especie en estos Almacenes a fin ~ del año próximo pasado de mil setecientos, y cinquenta: como de los que se recibieron en ellos, y vinieron de España en el siguiente de mil setecientos cinquenta, y uno (de que se trata) en los cinco Navios nombrados, el George, a cargo de su Capitan, y Maestre D.^o Francisco de Aquino: el Alcón, a cargo de su Maestre D.^o Thomas de Apodaca: el Neptuno, a cargo de D.^o Bernardo Zamorañegui; el Brillante, al de Don ~ Juan Martin de Molinar; y el Triunphante al de D.^o Jsidro Rodriguez Baer, como de los que en conformidad de Libramientos del ~ mismo S.^o Maqués de Alaminia, se remittieron a las Reales Cámaras foraneas del Reyno, y se entregaron a Almenas de sus distritos, y a sus Ariadores, y a los de las Manas, que reconocen esta ~

Contaduria General; el importe de su valor principal, y ~ correspondencias; restos, que de uno, y otro escabam debiendo a fin del año de mil setecientos, y ~ cinquenta: lo recaudado, y enterado ~ en la Real Cámara Capital de esta Corte en todo el de mil setecientos ~ cinquenta y uno, y lo que a ~ fin de él, quedaron debiendo.

QUE

Todo es en la forma siguiente.

Удовлетворенный достигнутым, Гальвес попросил монарха освободить горное дело от сеньореального права, не имеющего никаких оснований. Оно состояло в контрибуции, которую предприниматели платили за признание права чеканки монет, которые король предоставлял своим вассалам.

Контрабанда золота и серебра была очень распространена, в особенности в период ярмарок в Халапа и Акапулько. Разрабатывались рудные жилы этих металлов, но большая часть этих жил припрятывалась и затем извлекалась для контрабанды. Чтобы прекратить эту порочную практику, администрации шахт было вменено в обязанность еженедельно, через официальные бюллетени публиковать сведения о добыче золота. Чтобы положить конец открытой утечке драгметаллов, инспектор Гальвес, который располагал крупными суммами королевской казны в Гуанахуато, принял решение покупать у рабочих небольшие порции золота во избежание его продажи торговцам; это золото рабочие получали в виде заработной платы.

По инициативе Гальвеса был создан Королевский горный трибунал 13 января 1777 г., который располагал фондом в 160.000 песо ежегодно и расходовался на нужды трибунала и на содержание горного колледжа для подготовки молодых специалистов. Трибунал превратился в одну из самых богатых организаций вице-королевства. Спустя 3 месяца после своего основания, Трибунал предоставил королю 300.000 песо для строительства двух военных кораблей [5].

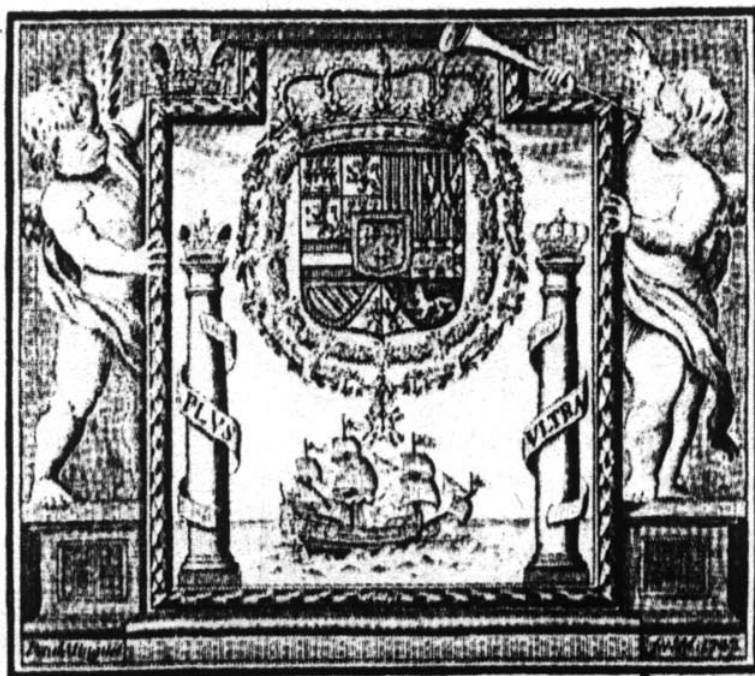
В 1782 королем был сделан заем в 1 млн. песо, а через некоторое время был сделан новый заем на такую же сумму в связи с очередной войной с Англией. После

предоставления денежных средств Короне, Трибунал вложил деньги в открытие новых 20 шахт в сумме в 1 млн. песо [6].

✠

ORDENANZAS PARA EL GOBIERNO DE LA LABOR DE MONEDAS, QUE SE FABRICAREN EN LA REAL CASA DE MONEDA DE MEXICO, Y DEMAS DE LAS INDIAS,

EN QUANTO FUEREN ADAPTABLES A ESTA,
MINISTROS, OFICIALES, Y OPERARIOS
que se han de ocupar ; sueldos que hân de gozar , encargos , y obligaciones de
cada vno ; derechos que se señalan para costear las labores de las monedas ;
ensayes que hân de hacerse de ellas , y de las barras , y piezas de oro,
y plata ; con lo demás que hà de observarse,



IMPRESAS DE ORDEN DE S. M. EN LA IMPRENTA DEL REAL,
y Supremo Consejo DE INDIAS. Año de M.DCC.L.



M. Y P. DICCIONARIO Y GLOS. GEN. 192. B. (2)
Leg. - Mexico, 4293

В письме от 1791 г. вице-король Ревильяхихедо утверждал, что никого не надо убеждать в цветущем состоянии эксплуатации драгметаллов. В течение первых 6 месяцев 1792 г. только в Гуанахуато было добыто 322,829 маркос [7] и 6 унций серебра [8].

Из добытого количества серебра и золота при Карле III было отчеканено от 18 до 20 млн. песо, а после его кончины в 1791 г. – 24 млн. песо [9].

Столько же было отчеканено в 1792 и 1793 гг. Испанский исследователь Кольмейро утверждал, что главная жила Гуанахуато дала за 10 лет (1793-1803) более 600.000 маркос серебра, то есть почти четвертую часть всего мексиканского серебра и шестую часть серебра, произведенного во всей Америке. Гуанахуато, Сакатекас и Каторсе – эти провинции обеспечили более половины из 2,5 млн. маркос, которые ежегодно вывозились из Новой Испании в Европу и Азию через порты Веракрус и Акапулько.

Правительство не жалело средств для модернизации техники и стремилось к усовершенствованию технических кадров, направляя отдельных представителей за границу или приглашая специалистов из Европы. Так, в Венгрию был направлен горняк Фаусто Элуар со специальной миссией монарха изучить новый метод барона де Борна использования ртути, который революционизировал технику металлов и мог бы в Америке дать великолепные результаты. Элуар посетил Венгрию и Германию и затем был направлен в Новую Испанию в качестве директора Королевского горного трибунала. Этот пост, связанный с административной деятельностью, не позволил ему заняться непосредственно горным делом. Поэтому правительство прибегло к услугам

немецких специалистов для изучения состояния шахт вице-королевства и повышения добычи драгметаллов.

Одиннадцати немецким специалистам была предложена средняя зарплата: троим руководителям в ранге директора назначили по 2000 песо в год, старшему инженеру – 800, семерым техникам по 300 песо – ежегодно. Они были разделены на три группы и направлены в Сакатекас, Гуанахуато и Таско [10].

С прибытием немецких специалистов связан период механизации горного дела, хотя в целом, опыты, осуществленные немцами, не дали желаемых результатов, а метод Борна оказался неэффективен. Одно из полезных достижений этого метода – плавка серебра за 24 часа, но не первосортного [11].

Следует подчеркнуть, что металлурги Новой Испании скептически относились к новшествам, которые им предлагали, и доказывали, что их собственная техника плавки превосходит европейскую и нет необходимости ее применять.

Также в Перу, куда были направлены немцы, их метод не дал положительных результатов, хотя и не следует утверждать о полном крахе их миссии. Полезными оказались их познания в химии применительно к горному делу и плавке драгметаллов.

В конце XVIII в. металлург по имени Хосе Гарсес изобрел новый способ плавки с применением текескитов или минеральных солей. В 1798 г. Король Карл IV направил вице-королю указ с повелением Гарсесу «подготовить доклад, в котором должен быть изложен его метод и практика его внедрения, но также объяснена и природа текескитов и способ приготовления этой минеральной соли и ее использования при плавке» [12].

Администрация шахт встречалась со значительными трудностями при использовании рабочей силы. Для работы на шахтах привлекались индейцы, однако под всевозможными предлогами они избегали этого тяжелого труда. Ввиду нехватки рабочей силы нависла угроза прекращения добычи сырья. В сложившихся условиях правительство вице-короля прибегло к чрезвычайным мерам: был установлен принудительный труд. Все индейские селения были обязаны поставлять определенное количество человек пропорционально числу жителей. Касики были посредниками между испанскими властями и соплеменниками. Они назначали мужчин на работы и следили за соблюдением очередности. Распределение индейцев проводилось с разрешения вице-короля, выполнение карательных санкций возлагалось на коррехидоров и алькальдов. Во главе рабочих групп индейцев стояли так называемые капитаны или мандонес (от слова «mandar» – посылать (исп.)), в основном это были мажордомы рабочих хозяйств.

Шахты Новой Испании принадлежали полковнику провинциальной милиции города Оахака, Хуану Франсиско Эчарри, в провинции Вильвальта в Нуэво Реаль, который за свой счет создал водяные машины для перекачки воды на земли поселков Сан Мигель Талеа и Сан Бартоломе Ятани.

Наиболее рентабельными были шахты Сан Анильмо, Консепсьон, Сан Игнасио, Сан Франсиско де Асиз, Гуахилоте, Ла Ката с подземными галереями, хозяйственными постройками, дорогами и т.д. [13].

Режим принудительных работ на шахтах осуществлялся еще с XVI в. С течением времени

режим был усовершенствован и уже в конце XVII в. существовала регламентация, вошедшая в Свод 1680 г. Эти законы направлялись на защиту индейцев от злоупотреблений. По Своду 1680 г. предусматривалось платить плату за труд и истраченное время по субботам в конце дня. Запрещалось давать задания на работу индейцам внутри горных выработок. Рабочий день продолжался 12 часов. Зарплата была регламентирована и составляла 2 реала в день [14].

Несмотря на регламентацию и принудительный труд, индейцы продолжали избегать работ в шахтах. Труд в горных выработках они предпочитали работе на строительстве или ремонте храмов. В этом деле индейцы получали поддержку со стороны священников и поэтому старались задерживаться на этих работах как можно дольше. Нередко индейцы прибегали к надувательству испанских властей, заявляя, что засуха и эпидемия сельскохозяйственных болезней погубили посевы, что заставляет их постоянно находиться в поле и спасать урожай [15].

Делались попытки привлекать к работе негров, то есть применялся рабский труд, но он был исключением и гораздо более дорогостоящим, чем труд индейцев, поскольку покупка рабов обходилась недешево. Добровольный труд имел свои особенности: свободные работники являлись на шахту, когда была выгодная работа и появилась возможность хорошо заработать. Поэтому Горный трибунал заявил претензии властям и попросил обязать квалифицированных рабочих работать постоянно.

С целью обеспечения рабочими руками шахт и одновременно решить проблему лодырей и бродяг,

которые наводняли города, в 1784 г. были созданы ордонансы, предписывающие этим лицам принудительный труд на шахтах. С этой целью были созданы должности кохедорес (от слова *coger* – брать, забирать), задача которых состояла в задержании с применением силы к праздношатающимся лицам, а также индивидуумов, не имеющих своего хозяина. Кохедорес часто злоупотребляли своим правом, задерживая слуг или других лиц, занятых на производстве.

Вскоре труд индейцев по королевскому ордонансу был запрещен. Все вольнонаемные работали по 12 часов и получали зарплату в размере 4 реала в день [16].

Право, по которому Корона взыскивала налог с драгметаллов, принципиально называлось кинто, то есть $\frac{1}{5}$ часть, но в действительности это была десятая часть или 10% от стоимости чистого металла. Тем не менее, казна имела огромный доход от эксплуатации выработок в Новой Испании. За пятилетие с 1785 по 1789 г. было произведено драгметаллов на сумму 9 млн. песо [17].

Немаловажное значение в пополнении королевской казны имела добыча соли. Свод законов колоний предписывал установление монополии на соль, но только в тех местах, где можно было добывать ее, не опасаясь злоупотреблений по отношению к индейцам.

Вице-король в одном из своих указов запретил испанцам, метисам и мулатам проживать в селениях, где добывалась соль, поскольку существовала угроза со стороны местных жителей. Также запрещалось неграм покупать соль у индейцев, поскольку часто покупка переходила в прямой грабеж, или по ценам более низким. Виновным грозил штраф: 100 ударов плетью и высылка в отдаленные места. Также запрещалось

испанцам и мулатам иметь свиней и коз в индейских селениях, поскольку эти животные травили посевы.

Алькальдам, коррехидорам, военным, писарям, переводчикам, судебным исполнителям, их женам и слугам запрещалось покупать соль с целью личного обогащения под угрозой потери своей должности на год.

Основные солеварни королевства, а также новые в Санта Мария дель Пеньоль Бланко были переданы в аренду до 1778 г. графу Каса Фиель. В 1784 г. было произведено продукции на 196.000 песо, но затем в 1778 г. производство сократилось до 53.900 песо [18].

Регламент интендантов предусматривал выполнение изложенного в статьях Свода законов положений о соляной монополии, оставляющего в распоряжении индейцев добычу соли только для личного пользования.

Соляная рента начала процветать после приезда в Новую Испанию Хосе де Гальвеса, генерального визитера, издавшего распоряжение о разработке перспективных залежей в Пеньоль Бланко, Санатильо, Теуантепек и других, которые контролировались министерством финансов.

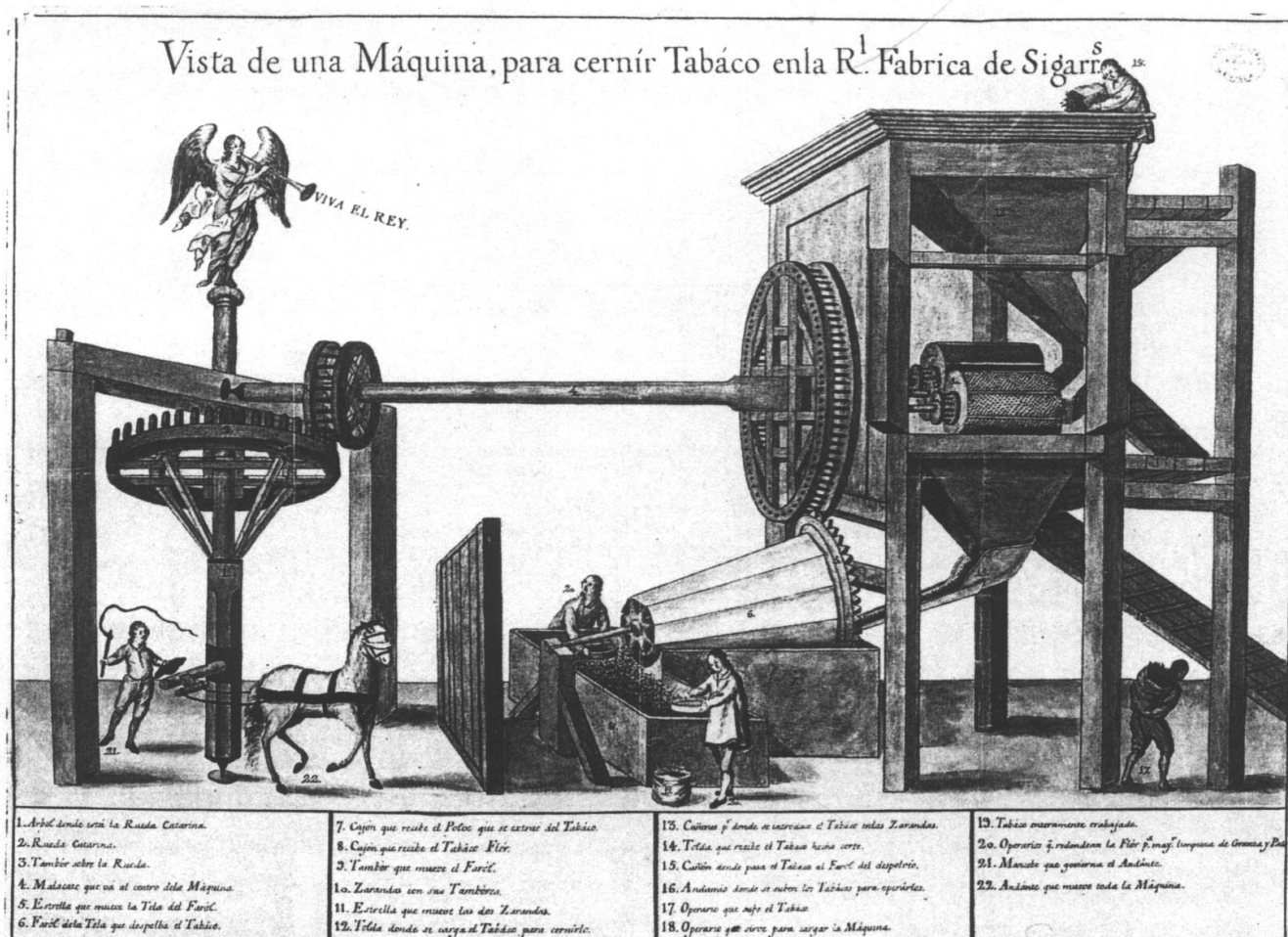
Соляные шахты в Веракрус также были монополизированы, но в 1790 г. король Карл IV отменил монополию, предоставив провинциям Юкатан и Кампече право на свободную торговлю солью, как в прежние времена [19].

Кроме соляной монополии была установлена табачная монополия. Министерство финансов Испании на удачном опыте табачной монополии на Кубе осуществило табачную монополию в остальных колониях. Еще в 1727 г. в Гаване была открыта Главная

табачная фабрика, а в 1738 г. открывается Торговый дом по продаже табака. Ответственным за проведение табачной монополии король назначил Хасинто Эспиносу в качестве директора Табачной ренты.

Политика помещичьего хозяйства XVIII века ориентировалась на достижение строгого контроля и развитие экономики Короны. Огромное значение для развития экономики имело создание Табачной монополии, для чего была создана специальная администрация — *Генеральная Табачная дирекция*, которая осуществляла не только контроль, но и производство сигар.

Для просеивания табачного листа была изобретена машина, ее автором был Алонсо Франсиско Гонсалес, торговец из Мехико / 21 июля 1787 г. [20].



Производство сигар на Кубе было связано с Королевской фабрикой сигар Гаваны со дня ее создания в 1760 году. Жизнь фабрики, а также производство сигар и сигарет базировались на выработке различных марок, о чем свидетельствуют этикетки на коробках из ценных пород древесины [21].

В 1764 г. создается Совет по установлению табачной монополии, который 18 января 1765 г., обязывал всех коммерсантов, владельцев складов и лиц, имеющих отношение к табаку, предъявить количество табака, предназначенного для продажи с указанием его качества и веса.

Однако эта мера не дала положительного результата ввиду абструкции со стороны указанных лиц. Обращение вице-короля Новой Испании к губернаторам, алькальдам и коррехидорам не изменило положение в отношении выявления этого деликатного продукта.

В августе 1765 г. в Новую Испанию прибыл новый инспектор – визитер Хосе Гальвес, сменивший Ф.Армону, с новыми инструкциями. По королевскому указу запрещалась посадка табака под угрозой его уничтожения, устанавливался штраф, превышающий вдвое стоимость табака и конфискация наследства. Одновременно вменялось в обязанность епископам, прелатам и городским самоуправлениям – кабильдос предупреждать прихожан об ответственности за посадку и торговлю табаком. Гальвес пообещал покрыть расходы, связанные с монополией. Королевская казна предоставила директору Ренты 200000 песо для выплаты владельцам табака и производителям табачного листа. Гальвес сообщил в Испанию об установлении табачной монополии и принятых мер, а в

январе 1766 г. прибыл королевский указ о проведении монополии кроме Новой Испании в Новой Гренаде и Перу под ответственность маркиза Эксилаче.

Установление табачной монополии вызвало немедленную реакцию со стороны различных социальных групп и административных органов новой Испании. В сентябре 1765 г. муниципалитет г. Мехико направил Гальвесу представление, носившее явный политический характер, требовавшее возвратить права, которые ранее имел испанский муниципалитет, и выражавший готовность взять на себя даже перед авторитетом монарха, представительство и ответственность за «свою Республику» [22].

Эти действия представляли, хотя бы и частично, возвращение к средневековому муниципалитету и шли вразрез с эпохой, когда централизация, начатая католическими королями, постоянно совершенствовалась, достигнув своего апогея при Карле III.

Вице-король маркиз де Круильяс сообщал королю в июле 1766 г. о сопротивлении табачной монополии, вылившемся в восстание в Гуанахуато, в котором участвовало более 60000 человек, в основном «индейцев и мулатов, провозглашавших антиправительственные лозунги, в большинстве своем это были рабочие и служащие рудников» [23].

Толпа направилась к зданию администрации табачной монополии с требованием упразднить монополию. В здании таможни подвергся насилию администратор. Он был схвачен и приведен в муниципалитет г. Мехико и только получив заверения от властей, что налоги будут отменены и решен вопрос с монополией, толпа начала постепенно таять.

Вскоре вице-король Круильяс был заменен маркизом де Круа, более энергичным и имевшим инструкции поддержать Гальвеса и продолжить реформы.

Причина восстания в Мехико крылась в следующем: сама по себе табачная монополия не затрагивала интересов большинства населения. Его беспокоила фабричная выработка сигарет и сигар, потеснившая ручную выработку, которой занималась значительная часть жителей Мехико. Выработка продукции, а не владение табачным сырьем, напрямую затрагивала интересы населения. Это объясняет то, что восставшие, признавшие в целом государственную монополию на производство табачного листа, требовали закрытия фабрик. На табачной фабрике в Мехико в 1788 г. работали 7000 человек, в администрации фабрики – 1348, получавших ежегодно 218 389 песо и 3969 рабочих с зарплатой 496619 песо, всего – 5317 человек с зарплатой 715000 в год [24].

Меры, принятые визитером в Перу Арече для прокурорского надзора, подняли волну восстаний, которые начались в Арекипе в январе 1780 г. и распространились на Ла Пас, Кочабамбу и Куско. Недовольство вызвало восстание Тупака Амару, начатое в провинции Тинта, в которой он родился и в которой был касиком. Принял решение защищать интересы аборигенов от поборов и трудовой повинности. После того, как испанский коррехидор был повешен, началось вооруженное восстание, ставшее самым масштабным против испанской администрации в Америке вплоть до 1810 г. [25].



Преобразования в промышленности, несмотря на регламентацию, принудительный труд, соляную и табачную монополию, вызывавших недовольство населения, были тесно связаны с колониальной торговлей.

ГЛАВА IV. ТОРГОВЛЯ

Экономическая политика Испании на вновь открытых землях базировалась в основном на доктрине меркантилизма, господствовавшей в то время. Основопологающим принципами этой доктрины были торговля и мореплавание, связанные с новыми территориями, а также добыча ценных металлов.

Следствием этой политики было объявление колоний монополией испанской Короны. Они провозглашались неподвластными иностранным подданным. С другой стороны, протекционизм по отношению к горнорудному производству сказался на развитии промышленности и сельского хозяйства.

Коммерсанты, в особенности жители г. Бургоса, сыграли существенную роль в развитии торговли с колониями. Будучи сосредоточенными в г. Севилье, купцы Бургоса вели активную заморскую торговлю. В то же время иностранцы, чтобы получить возможность торговать, вынуждены были искать подставных лиц из числа жителей Севильи.

Чтобы получить свидетельство о натурализации и свободно торговать с колониями, иностранцы должны были прожить в Испании не менее 10 лет, состоять в браке с испанской и быть платежеспособной личностью.

Колониальные рынки рассматривались в Испании как дополнение к экономике страны. В конечном итоге колониальная экономика была обязана производить только те товары, в которых нуждалась метрополия, прежде всего ценные металлы и иные товары, которые

ни в какой мере не могли конкурировать с испанскими. Интенсификация производства драгоценных металлов и, прежде всего, золота, считалась основным средством накопления богатств и бесспорным символом благополучия и самым ценным и престижным инструментом обмена, хотя с практической точки зрения это мнение было ошибочным. Другим следствием этой ошибочной политики является то, что в слаборазвитой стране, промышленность которой не обеспечивала потребность внутреннего рынка, приходилось обращаться к зарубежным рынкам, чтобы покрыть растущие потребности колоний в той форме, чтобы испанские купцы превратились в простых посредников, подлинных поставщиков колониального рынка иностранных купцов.

Портом, занимавшим монопольное положение в торговле с колониями, была Севилья, конкурировавшая с морским портом на юге полуострова Кадисом, в котором находилась главная таможня, осуществляющая отправку судов в Америку. Несомненно, что именно Севилья, будучи внутренним портом Кастилии, приобрела главную роль и исключительность под влиянием крупных торговцев, обосновавшихся в ней в последние десятилетия Средневековья.

Кадис всегда находился в оппозиции к Севилье. В 1535 г. в Кадисе был учрежден Верховный суд для преследования незаконной торговли, связанной с заходом корабля в порт, не предусмотренный маршрутом. Эти нарушения были оговорены в Ордонансах Филиппа II в 1591 г. [1].

Система морского транспорта состояла из администрации и кораблей-галеонов, выполняющая две основные задачи: контролировать качество товара

и обеспечивать соответствующую безопасность в пути, в том числе защищать от атак пиратов и корсаров. С 1526 г. запрещалась отправка торговых кораблей в Америку без сопровождения. Ввиду этого возросли накладные расходы, в том числе на случай аварии такса составляла 1% [2].

В 1536 г была подготовлена первая экспедиция торговых и военных кораблей под командованием Бласко Нуньеса Вела, которая транспортировала большую партию драгоценных металлов из колоний в Испанию.

В 1550 г. была установлена система квот в заморской торговле: две экспедиции в год между колониями и метрополией. Также была отрегулирована плата в случае понесения убытков и расходов на защиту.

Контроль товаров, которые транспортировались, осуществлялся с помощью реестра или описи, которые позволяли классифицировать установленные отношения в соответствии с фрахтовым договором, главная цель которого состояла в уплате налога. За погрузку товара без реестра предусматривалось наказание конфискацией всего товара. Также осуждалась деятельность лиц, не имевших в своем распоряжении предметов, не обозначенных в реестре. Если ими оказывались офицеры ВМФ, они наказывались отстранением от должности на 4 года. В то же время, если контрабандисты относились к нижним чинам, их могли отправить на галеры.

Многочисленными были предписания, которые имели место в течение XVI-XVII вв., направленные на ликвидацию незаконной торговли. В 1660 г. во избежание мошенничества при уплате налогов были упразднены реестры, права таможен и установлена

сумма в 790.000 дукатов с торгового корабля, которая пропорционально распределялась между экспортерами Андалузии, королевской казной и коммерсантами Перу, Мексики и Новой Гранады [3].

Следует упомянуть о торговле, которая была налажена с Филиппинами после открытия Урданетой нового пути от Манилы до Новой Испании.

Вначале Филиппинам была предоставлена возможность свободного общения с испанскими владениями. Различные суда отправлялись с грузами в метрополию, однако на пути возникали различные препятствия при прохождении через Магелланов пролив, что привело к сокращению торговли с Новой Испанией, после чего вместо испанских товаров в американские колонии доставлялись товары китайского и японского производства, а также с Молуккского архипелага. В этой торговле филиппинские купцы действовали как посредники между *sangleyes*, китайскими купцами, проживающими на Филиппинах и новоиспанскими торговцами. Тот факт, что плата осуществлялась в слитках или серебряных монетах, это сокращало денежные поступления в Испанию. В этой связи торговля была сведена до определенного объема в год, тормозя экономическое развитие империи.

На этой основе появилось меньшинство, определенная прослойка, которая жила на “широкую ногу”.

Распределение торгового пространства среди судов осуществлялось через систему бон. Приобреталось их определенное количество, определенного размера и достоинства. Они распределялись среди вдов, сирот, солдат, членов муниципального совета и т.п. Лица, которые владели бонами, не желая связывать себя с

риском в торговле, передавали их в другие руки. В 1772 г. была осуществлена попытка сократить число лиц, которые участвуют в окончательном распределении бонов, за счет вдов и королевских офицеров. Цена каждой бонны устанавливалась в размере 500 песо, из которых 100 подлежали уплате в пользу короны [4].

Следующим важным аспектом торговли являлись объединения коммерсантов в Консульствах, в которых осуществлялась деятельность корпорации через свои советы, защищавшие интересы и права своих членов. Консульство в Севилье было открыто в 1543 г., взяв за образец консульские Ордонансы г. Бургоса /консульский регламент/, что означало начало процесса регламентации морской торговли, истоки которого следует искать в прагматике /монаршем указе/ католических королей в 1494 г., сделав независимой торговую юрисдикцию. С этого времени каждое Консульство имело свой собственный регламент, хотя эти тексты принципиально не отличались друг от друга.

Регламент Консульства в Бильбао 1737 г. продолжил традиции регламента г. Бургоса, Консульства в Севилье, в свою очередь воспринявших содержание французского Морского регламента 1681 г., на который повлиял регламент Консульства г. Бургоса и на американские консульства XVIII в., например г. Буэнос-Айреса и Манилы в 1769 г.

Торговая юрисдикция была эффективной, лаконичной и предусматривала невмешательство адвокатов. Трибунал первой инстанции состоял из приора и двух консулов; апелляция поступала к судье по обжалованию, если он подтверждал обвинение, оно приводилось в исполнение немедленно, хотя потерпевшая сторона

еще могла апеллировать, предлагая залог. Последней инстанцией был Совет для Индий. В Севилье приговор подвергался анализу в Торговом доме /Casa de Contratación/. С публикацией Коммерческого Кодекса в 1729 г. судебная администрация была передана специальным трибуналам во всех столицах /городах/, где существовали Консульства. В трибуналы второй и третьей инстанции входили суды и в последней инстанции – Совет для Индий или Совет Кастилии. Последний удар этим учреждениям был нанесен в 1747 г., когда торговый трибунал переходил в подчинение соответствующим министерствам.

Таким образом, в течении XVIII в. торговля между Испанией и Америкой претерпела большие изменения как и другие отрасли экономики. Изменения в торговых делах восходят к 1731 г. с подписанием Договора в Утрехте, согласно которому признавалось за подданными Великобритании законность торговать с Испанией и со всеми ее владениями, что заставило осуществить важные изменения в испанской экономической политике, направленные, в основном, на улучшение сельского хозяйства и национальной промышленности как единственного пути сохранить соперничество в собственной торговле с колониями.

В конце правления Филиппа V были созданы торговые компании: Великие Корпорации Мадрида, в Гаване, в Сан- Фернандо, в Севилье, в Гренаде. Из всех пяти наиболее важной была первая, открывшая фабрики в Валенсии, фактории в Кáдисе и в других городах полуострова и портах Америки. Она располагала кораблями, которые плавали за ее счет и осуществляла широкую торговлю с Америкой.

Королевский указ от 1784 г. представил право этой Компании установить торговую факторию в Мехико с целью, как говорилось в указе, увеличения грузооборота и извлечения большой пользы для вассалов короля путем умеренных цен на товары. Ввиду этого вице-королю рекомендовалось предоставить фактории необходимые условия для ее деятельности и уберечь ее от препятствий и противоречий. Этим же указом короля предписывалось капитанам ее кораблей на обратном пути в Испанию загружать двойной груз серебра и зерна, т.е. сверх того, что разрешалось по регламенту. Эта компания предоставляла Короне различные услуги, в том числе и по военной части. В 1778 г. переправила 100 солдат, предназначенных для пехотного корпуса в Новой Испании.

Король премировал эту акцию, предоставив кораблю право, переправившему новобранцев, отплыть в Испанию, не дожидаясь отправки других кораблей и кроме вознаграждения команде и освобождения от корабельного налога *arribada* [5], в регламент корабля вписать еще 250 мешков зерна [6].

Компания Гаваны, созданная в 1740 г., была предназначена для закупки и перевоза табака, сахара и кожи в Испанию. Компания сыграла большую роль в программе Карла III населить Флориду семьями с Канарских островов и эта программа была выполнена. Также Компания поставила необходимые материалы на судостроительную верфь в Гаване и в ее арсеналы, а также обеспечивала всем необходимым корабли военно-морского флота в колониях. Если первоначальный капитал этой Компании составлял примерно 1 млн. песо, то через 10-12 лет он возрос до 14 млн. [7].



C O P I A
DE LA REAL CEDULA
DE SU Magestad,
EXPEDIDA PARA QUE EN LA
Ciudad de San Christoval de la Habana se forme una Compañia , à cuyo cargo estè la conduccion de tabacos, azucar, corambres, y otros frutos de la Isla de Cuba; con la direccion, reglas, exempciones, y obligaciones, que se expresan.

AÑO



1740.

EN MADRID: En la Imprenta de Antonio Sanz,
Impressor del Consejo.

Real Compañia de la Habana.

Кроме названных Компаний наиболее сильным торговым домом в Испании был Дом братьев Устариц. Эта компания была связана тесно с Великими Корпорациями Мадрида, с которой создала, по мнению министра Эскилаче, общество с целью устранить или, по меньшей мере, ослабить торговлю иностранцев. Кроме того, добиться, чтобы в грузах, направляемых в колонии, преобладали испанские товары [8].

В 1762 г. Дом Устариц взял опеку над королевскими факториями в Талавере, и в связи с этим получил протекцию в форме освобождения от налогов, специальных разрешений и официальной поддержки.

На кораблях из колоний было вывезено 4000 *marcos* серебра в слитках и 2000 *кастельянос* [9].

По королевскому указу в 1763 г. компании была предоставлена большая льгота, по которой в каждом судне был в наличии фрахтовый груз в зернах, а в 1775 г. было разрешено везти *en grana* (в зернах) не только стоимость фрахта, но и стоимость товаров, которые за свой счет были перевезены в Мексику. Стоимость фрахтового груза составила 108.000 песо, а товаров – 559,571 песо, все это свидетельствовало о большой выгоде ее торговли с колониями. Дом братьев Устариц в Кáдисе возглавили братья Хуан Августин и Хуан Баутиста, получивший титул графа де Вепарос. Они имели своих постоянных представителей в Мексике. В 1785 г. они подписали контракт с Короной на эксплуатацию древесины в Новой Испании. Цель контракта – обеспечение морского департамента Испании, использовавшего огромное количество древесины. Департамент выполнял предписания Карла III создать большой торговый флот, способный обслужи-

вать все концы огромной колониальной империи. Испания также нуждалась в хорошо оснащенном военноморском флоте для защиты от уже традиционных противников Испании. Однако этот контракт, едва начав действовать, был прерван после краха Дома в 1786 г.

Филиппинская Компания являлась наиболее мощным торговым предприятием в колониях. Ее уставной фонд составлял 8 млн. песо, возросший к 1790 году на основе займов, полученных из королевской казны, которые были превращены в акции. Ее торговая деятельность распространялась на все колонии империи [10].

Система навигации флотилиями была подвержена критике в течение XVIIIв. Среди основных фигур, которые выступали против старой системы, был один из министров Филиппа V, просвещенный мыслитель, политик, реформатор Хосе де Кампильо и Касио, который писал, что «было необходимо во время войны пользоваться флотилиями, но в мирное время они служат только для того, чтобы превратить торговлю в подлинную монополию и в преграду для контрабандистов. Надо заранее, по крайней мере, принять меры, чтобы изменить регламент корабля, сделать его более гибким, иметь разные порты, куда мог бы двигаться флот, прежде чем выйдет из Испании» [11]. Если старая система осуждалась по мнению чиновников такого уровня как Кампильо, с другой стороны, она защищалась не менее влиятельными кругами, которые пользовались этой монополией. Торговля с Мексикой была наиболее убедительным аргументом системы, в то время как торговые рынки Новой Испании были

подчинены ограниченному снабжению, а нехватка их позволяла искать новых путей.

В связи с этой позицией Новая Испания вместе с провинцией Каракас была последней испанской территорией в Америке, которая начала пользоваться системой «свободной торговли», и с 1765 г. начала использовать ее первой на островах Америки, а позже на территории американского континента.

Королевский декрет от 28 февраля 1789 г., который распространил на Новую Испанию благополучия свободной торговли, положил, таким образом, конец старой системе флотилий, и вместо торговли между вице-королевством и метрополией осуществлялась торговля на одиночных кораблях, с великолепными результатами, о которых некоторое время спустя констатировал граф Ревильяхихедо в докладе, о котором речь пойдет впереди.

Из всех реформ, которые эпоха Просвещения внедрила в Экономическую систему и узаконивала отношения метрополии со всеми владениями, без сомнения самой важной была о свободной торговле.

В соответствии с целым рядом декретов, поскольку осуществление реформ растянулось на несколько лет, начало реформ было положено королевским декретом от 16 октября 1765 г. Реформа предусматривала: 1) свободу американских провинций установить взаимную торговлю. Эта свобода не была ни полной, ни окончательной, поскольку отдельные регионы были исключены из ее ареала до конца XVIII в., а также на все товары, которые могли быть включены в т.н. «режим свободной торговли».

2) свобода всем портам Испании для торговли с колониями с увеличением монополии Севильи и Кádиса.

3) свобода американским испанцам для плавания с портами всех колоний в означенные порты Иберийского полуострова [12].

Эти условия сопровождалась возможностью для получения лицензий для плавания. Эти льготы были направлены на укрепление торговли. Формальности, обязательные условия и длительные ожидания, которым ранее были подчинены команды судов, являли собой непреодолимые препятствия, с которыми сталкивались торговцы и судовладельцы.

Raxtidas que se han pagado a diferentes...
personas del Caudal de la Guibna de D.^{no} Pedro de Saldana con arreglo al Pliego de D.^{no} Daza que existe en esta Contaduría, y en pago D.^{no} Romualdo de Sandoval, y de la Contaduría de los Derechos de Sandoval, e Infantes el qual a la letra es como se sigue...

Razon de las Raxtidas que se satisfacen...
a diferentes personas del Caudal depositado en la Casa de Texas Vagos, respectivo a la Guibna de D.^{no} Pedro de Saldana... **Reales de vellon.**

Al Teniente D. ^{no} Ramon de Rozas por el medio por ciento de los Veinte y seis mil y quinientos veinte y cinco mil y veinte y seis mil que por el valor de la Na cionada nombrada S. Eufemia se deposita con en estas Casas de Veinte y seis mil y doscientos y un mil...	9632. 21.
Al D. ^{no} Bartolome Vespertino Diputado de esta Guibna se pagaron en virtud de un libramiento de los S. ^{nos} Diputados Don mil y doscientos y veinte y dos mil...	20200. 22.
Al D. ^{no} Teniente D. ^{no} Ramon de Rozas por el medio por ciento de entrada y salida de los quinientos mil quinientos y veinte y seis mil y veinte y ocho mil que como Caudal de esta Guibna se dio en deposito y bolina a entrada y salida del Rio en virtud de orden del D. ^{no} y Supremo Consejo de las Indias...	5000. 10.
	7084. 2. 10.

Consulado de Sevilla
A. G. I.
CONSULADOS, L. 183

Королевский указ от 16 октября 1765 г. был направлен на реформирование торговли островов Куба, Санто-Доминго, Пуэрто-Рико, Тринидад и Маргарита, которые были освобождены от королевского разрешения, которое ранее было необходимо для взаимного мореплавания между портами этих островов, и также от права на измерение пядями, тоннами и т.д.

В изделиях торговцев, которые ранее платили *palmeo* [13], это было заменено контрибуцией в 6% со своих купцов и 7% – с иностранных. Другие изделия, не подлежавшие *palmeo*, платили по-прежнему согласно проекта 1720 г.

Согласно указа 1774 г. из Перу, *Tierra Firme* и Санта – Фе могло перевозиться в Новую Испанию и Гватемалу золото, серебро и монеты, олово и любые другие металлы в слитках и все изделия и товары, но запрещалось перевозить в Новую Испанию, Новую Гранаду и *Tierra Firme* вина, водку, уксус, оливковое масло, оливки, миндаль из Перу и Чили и запрещенные во всех колониях насаждения оливок и винограда. Из Новой Испании оставался под запретом вывоз шелка, тканей, отороченных золотом, серебром и вышивкой с нитью из этих металлов, утварь и изделия Кастилии и одежду из Китая на галеонах из Филиппин. Позже, ввиду претензий провинции Каракас, которая жаловалась на потери от этой меры, торговля с Мексикой какао из Гуаякиля была ограничена до одной максимальной квоты в 10,000 фанег ежегодно.

Надо сказать, что в указе 1774 г. были оговорены старые запреты, которые существовали в торговле между Новой Испанией и Гватемалой, Новой Гранадой и Перу.

В дальнейшем торговля могла проводиться на судах, построенных в Испании или в колониях и ведомых выходцами с одной и другой стороны.

Вице – короли, губернаторы и чиновники должны были разрешить и оказать помощь в строительстве судов, в создании которых была заинтересована Корона.

Регистры выхода и входа в порт выдавались губернаторами и чиновниками в тех же портах незамедлительно, как только суда были готовы, «не чиня им никаких препятствий или задержек, под угрозой возмещения убытков судовладельцам, капитанам и боцманам, вплоть до лишения должностей, в зависимости от обстоятельств» [14].

В том же 1774 г. Корона предприняла другой, более важный шаг, модифицировав декрет 1765 г, сделав его более либеральным, предписав судам, выходящим из Испании, не налагая на них обязательства разгружаться именно в тех портах, указанных в регламенте, имея право варьировать, получали право направлять свой груз на острова, в Юкатан или Кампече. Также получали полную свободу суда при приходе в Кáдис и в другие испанские порты привозить сандаловое дерево и в целом древесину для красителей или строительный лес из любых мест колоний, если они привезены на испанских судах, также как и горчицу из Табаско или авокадо, засоленную рыбу, серу, черепаху, ценное дерево, кофе. Этими льготами пользовались также при отплытии в какую-либо другую страну с целью экспорта товаров.

В 1782 г. были предприняты дальнейшие шаги, приблизившие Новую Испанию к новой системе. По королевскому указу было предписано, что все вассалы

Его Величества могут торговать пшеницей и мукой и вывозить их, куда они посчитают необходимым со всеми льготами на вывоз, избегая необходимости просить лицензии у высших чинов вице — королевства, как это было ранее. Также были даны инструкции алькальдам /мэрам/ и иным властным структурам на территории колоний стимулировать деятельность работников, оказывать им всяческое содействие, не выражая нареканий и не делая того, что могло бы вызвать сопротивление законам, изданным для улучшения землеобработки и сбора урожая [15].

В 1787 г. было дано указание консульству Мексики информировать Мадрид о состоянии торговли, изобилии и нехватке товаров, обязывая его расширять использование мануфактур, информировать о ситуации в сельском хозяйстве, и обо всем, что касалось улучшения торговли, создания фабрик и роста сельскохозяйственных продуктов.

Расширение свободной торговли в Новой Испании встретило сильную оппозицию со стороны местных торговцев. В своем донесении в 1793 г, вице-король граф Ревильяхихедо сообщил, что за исключением двух лиц, все коммерсанты Мексики отстаивают монополию и ограничение как импорта, так и вывоза сокровищ [16].

Консульство Мексики склонилось к мнению коммерсантов и поддержало своим мнением представительство 105 коммерсантов Мехико, которые попросили увеличения алькабалы в Веракрусе на 6% и снижения ее в столице только на 3%, а также чтобы торговля с метрополией осуществлялась по установленным нормам при погрузке и отправке, которые должны быть

ежегодными для изделий национальных и каждые три года для заграницы, что означало возвращение к старой системе флотилий, но на условиях еще более пагубных общему делу, и наконец, не разрешался вывоз серебра, за исключением определенного количества в течении года.

В крайне резких выражениях монарх направил письмо в адрес Консульства, охарактеризовав мемориал как противный свободе, без которой не может процветать торговля [17].

Вице-король резко отклонил претензии коммерсантов Мехико. Он заявил, что свободная торговля за 13 лет способствовала расцвету колоний, что не может считаться в упадке торговля, если несколько коммерсантов потерпели убытки по неграмотности в торговле, ввиду мошенничества или неудач [18].

По мнению вице-короля в результате свободной торговли сформировался новый класс коммерсантов с более высокими коммерческими концепциями, которые соответствовали современным потребностям. Этот новый класс отображал старый, который характеризовался своей приверженностью к исключительным прибылям с очень малым риском и не бросая на произвол судьбы какую-либо спекулятивную ловкость.

Этот старый класс, усмотрев основу, на которой снижалась торговля и потери личных прибылей, которые обеспечивала система флотилий, предпочел свои капиталы вложить в сельское хозяйство.

Другим следствием использования режима свободной торговли было перемещение центра торговой активности из Мехико в Веракрус. «Коммерсанты королевства, — писал вице-король, — освободились от

зависимости, которую они испытывали в Мехико. Все прибывали туда за покупками, а нынче даже из наиболее отдаленных уголков приезжают в Веракрус по своим делам, избегая этим повышение цен, которые производили коммерсанты Мехико и алькабала [19].

Коммерсанты Мехико рассматривали в качестве опасного принципа своей торговле благодеяния, которые давала новая система для внедрения большого количества изделий в оборот, и превозносили в качестве модели для обновления старую систему флотилий, за возвращение которой они ратовали.

Было очевидно, что в Новой Испании производилось количество изделий намного большее, чем ввозимое флотилиями.

Стоимость грузов, ввезенных только через порт Веракрус в 1791 г., составила почти 14 млн. песо, а в 1792 г. – превзошла эту цифру; но этот рост не может рассматриваться как исключительный, и подчиняется очень солидному и убедительному объяснению, как повышение покупательной способности и числа потребителей по причине формирования в вице-королевстве нового войска и роста числа служащих во всех эшелонах администрации «в таком количестве, из которого могло бы формироваться другое войско» [20].

Что касается сельского хозяйства и животноводства, они также развивались довольно успешно. Это развитие приветствовал вице-король, опираясь на собранную десятину. Десятилетие 1769-1779 гг., налог по десятине в архиепископстве в Мехико составил 4 млн. 139 тыс. песо, и в следующем – возрос до 7,082,000 песо, таким образом, сельскохозяйственная продукция в течении последующих 10 лет почти

удвоилась. Доход от алькабалы был также проявлением прогресса, впрочем рост торговли демонстрировал, что торговля находилась в периоде наибольшей активности.

Что касается вывоза денег, в чем коммерсанты Мехико видели принцип упадка и проявление неизбежного упадка королевства, вице-король показал, что не было опасности ввиду отсутствия наличности, и что отсутствие ее циркуляции не ослабит торговлю. Чеканка монет на Монетном дворе возрастала и сокращенные вывозы валюты оставляли значительные капиталы в колониях для того, чтобы удовлетворить внутренние потребности [21].

С созданием в северных портах полуострова торговых компаний была подорвана торговля монополий Севильи и Кáдиса, а также с открытием 27 крупных портов в колониях и в Испании портов на Атлантическом и Средиземноморском побережье.

Принятие Регламента о торговле 1778 г. окончательно покончило с системой военных судов и галеонов, которая была заменена судами отдельными, подвергавшимися реконструкции в различных портах колоний. С введением этой новой системы значительно укрепилась торговля между Испанией и американскими портами к концу XVIII в. Это позволило увеличить взаимный обмен на 700% [22].

Большое значение в колониальной торговле играли торговые компании. Инициатива создания компаний принадлежала министру Патиньо, создавшему в 1714 г. компанию для торговли с Гондурасом и Каракасом при правлении Австрийского династии в Испании. Был подготовлен проект Луисом Серденьо и Монсоном с

целью создания крупной компании, которая экспортировала в течение многих лет шерсть, шелк, ценные ткани, изделия из полотна, соль, доставляя в Испанию кофе и табак на обратном пути.

Поскольку согласно проекта это была единственная компания, торговавшая с Америкой, она была обязана оказывать услуги Короне по транспортировке королевского серебра и перевозке корреспонденции. Кроме того компания получила право инспектировать торговые суда, формировать команды судов и защищать их от нападения пиратов.

В 1728 г. создается Королевская Компания Гипускоа с целью укрепления торговли Страны Басков с Венесуэлой и одновременно покончить с контрабандой в этом районе. В 1734 г. была создана Компания Галисии, не имевшая значительного веса в торговле, а в 1740 г. возникла Королевская Компания Гаваны, призванная укрепить торговлю и стимулировать сельское хозяйство этой зоны. Компания Сан-Фернандо в Севилье, созданная в 1747 г., получила исключительные права торговли со всеми американскими провинциями за исключением Венесуэлы и Кубы. В 1755 г. возникла Королевская компания Барселоны, ориентированная в основном на импорт хлопка из Кумана. И наконец в 1785 г. создается Компания Филиппин, располагавшая оппозицией, сформированной защитниками «системы галеон» и возникшей со стороны Консульства. Эта оппозиция отказалась участвовать в подписке, объявленной на 3000 акций, предложенных жителями Манилы, и в деле, возбужденном Консульством в связи с торговлей с Новой Испанией азиатскими товарами.

REGLAMENTO
Y
ARANCELES REALES
PARA
EL COMERCIO LIBRE
DE ESPAÑA
A
INDIAS

de 12. de Octubre de 1778.

MADRID.

EN LA IMPRENTA DE PEDRO MARIN.

Все вышеуказанные торговые ассоциации, созданные благодаря частной инициативе, были акционерными. В них могли принимать участие как испанцы, так и иностранцы, постоянно проживавшие в Испании и имевшие свои вклады на предприятиях. Не все члены этих компаний обладали равными юридическими правами, но все имели право голоса. Не все их функции были связаны с торговлей, но все они выполняли колонизаторские функции. Практически все эти общества находились в оппозиции к Консульству в Кáдисе, терявшему постепенно свою исключительную роль. Его закат был ускорен реформами Карла III.

Активные дипломатические и торговые отношения развивались между испанской и российской империями.

Первые контакты между Россией и Испанией берут начало с конца 15-16 вв. Испанские источники повествуют о пребывании русских посланников в Испании, выражавших свое уважение императору Карлу V от имени московского князя. Первые русские посольства посетили Испанию в 1523, 1525 и в 1527 гг. В этой связи выдающийся испанский драматург Лопе де Вега написал пьесу «Великий князь московский». Интенсивное развитие политических и экономических связей между Россией и Европой начинается с 17 столетия, что послужило отправной точкой для последующего «озападнивания» России в 18 в. Перемены, имевшие место в России в правление царя Алексея Михайловича (1645-1676 гг.), связанные с церковной реформой, кодификацией законов, экспансией в Азии, борьбой с соседями — всё это позволило России быть принятой в великую семью европейских государств, не утра-

тив своей исторической и культурной самобытности. В русле этой политики русское правительство принимает решение направить в Испанию посольство во главе с Петром Потемкиным. Следует подчеркнуть, что русская дипломатическая миссия была первой в 17 веке, направленной непосредственно в Испанию. Русские дипломаты прибыли в декабре 1667 г. с посланиями Алексея Михайловича королю Филиппу IV, умершему в 1665 г. за два года до прибытия русского посольства. Ежедневные расходы на посла, 26 членов делегации и 50 слуг составили 5955 песо [8, с.103]. Русский посол предложил Госсовету установить торговые отношения, но испанская сторона не проявила к этому интереса. В Испании времен Карла Второго отсутствовал какой-либо интерес к развитию взаимных связей, несмотря на усилия русского двора, направившего в последующие годы три посольства – в 1673, 1681 и в 1687-1688. В этот период основной упор испанской торговли был сфокусирован на американских колониях Испании.

Новые попытки установления торговых отношений в 18 в. относятся ко второму десятилетию этого столетия. В 1723 г. Петр Первый направил во Францию и Испанию своих консулов, а в следующем году – несколько торговых кораблей с товаром, но в 1727 г., после кончины Петра, русское консульство в Испании было упразднено: правительство объявило торговлю с Испанией невыгодной. Проект первого торгового договора, основанный на равенстве интересов обеих сторон, был составлен в 1734 г. министром Франсиско Перальта. В период правления Карла III (1759-1788), осуществлявшего важные реформы внутри страны и в американских колониях, устанавливаются постоянные

дипломатические отношения с Россией. Взойдя на трон, Елизавета, дочь Петра I, назначила послом Алексея Пушкина в феврале 1742 г., но обмен послами не состоялся ввиду охлаждения отношений между Россией и Испанией в период европейской войны за австрийское наследство (1740-1748), в ходе которой обе страны находились во враждующих лагерях, но отношения не были прерваны.

С превращением России в империю в XVIII в. в отношениях обеих стран появляется новая тенденция, вызванная необходимостью признания императорского титула за царствующими особами России. Воцарение Екатерины II в 1762 г. было воспринято в Мадриде благосклонно, с воодушевлением и признанием императорского титула Карлом III. По мнению русского посланника в Мадриде Зиновьева, проживавшего в Испании 20 лет (1774-1794), испанский король Карл III трудился во имя прогрессивных реформ и мечтал о расцвете Испании. В торговой политике Екатерина II придерживалась доктрины «свободной школы». Правительство Карла III придерживалось идеи о поддержке этих устремлений русской императрицы. В сентябре 1778 г. Испания купила в России пеньковые канаты, железо и деготь для флота. В то же время Россия являлась главным поставщиком пшеницы в Испанию через портовые города, в частности, через Барселону. Взаимовыгодной торговле двух стран воспрепятствовала война американских колоний против Англии (1775-1783). Испания, враждовавшая с Англией, стремилась сохранить торговые связи с нейтральной Россией. В военные годы торговля продолжалась, хотя и в гораздо меньшем объеме.

Только одна Россия экспортировала в Испанию столько зерна, сколько все поставщики вместе взятые. Наиболее интенсивные поставки пшеницы из России в Испанию приходится на послевоенный 1784 г., когда было ввезено рекордное количество зерна – 21992 четверта; для сравнения: из Франции – 599, из Италии – 0, из стран Леванта – 4532, из Голландии – 2498, из Дюнкерка – 773.

Тем более неадекватными были действия испанского военно-морского флота, один из кораблей которого в начале 1780 г. захватил в Трафальгарском проливе российское торговое судно «Святой Николай», принадлежавшее санкт-петербургскому купцу Якову Жадимировскому. По приходе в порт Кадис груз с судна был продан с молотка, невзирая на протесты консула России. Это обстоятельство толкнуло Екатерину II к использованию механизма вооруженного нейтралитета, способного сохранить торговлю от действий враждующих сторон. Акт о вооруженном нейтралитете, провозглашенный Россией 28 февраля 1780 г., был вызван нападениями английских судов на суда нейтральных стран в годы войны с США. Провозглашалось право торговли нейтральных стран с воюющими, а нейтральные корабли могли свободно плавать у берегов враждовавших стран. Находившиеся на нейтральных кораблях товары воюющих стран (кроме оружия и боеприпасов) объявлялись неприкосновенными. Лишь тот порт, вход в который закрыли корабли атакующей державы, считался блокированным. Вооруженный нейтралитет был направлен в основном против Англии, но Екатерина II, не желая обострять отноше-

ния с последней, адресовала декларацию Испании и Франции, воевавшим с Англией.

В испанских архивах сохранились два письма российской императрицы послам в Мадриде и Лондоне – Зиновьеву и Смолину. В письме Зиновьеву от 28 февраля 1780 г. выражалась уверенность в том, что «Вы по сию пору не упустили собою уже принести Мадридскому Двору надлежащую жалобу противу такого ни с дружбою, ни с естественною справедливостию несходствующаго поступка Гишпанских морских адмиралтейских офицеров, да и требовать скорейшаго в оном поправления, с полным удовлетворением обиженному подданному нашему». Послу были даны инструкции, что в случае повторения незаконных действий испанской стороны «давать Гишпанскому министерству всякий раз разуметь, что могут из того родиться плоды и хлопоты неприятныя». Далее посол ставился в известность, что «Мы ныне пред лицом света всем воюющим державам равно и неминуемо объявить повелели, что имеем готовый флот для обращения его там, где честь, польза и нужда того требовать будут, если б принятой Нами в рассуждении их строжайший нейтралитет с которой либо стороны пренебрегаем и нарушаем был».

Политика России была направлена на обеспечение беспрепятственной морской торговли с другими странами, но ради объективности следует подчеркнуть, что конвенция о вооруженном морском нейтралитете благотворно сказывалась и на торговле самой Испании. Испанский исследователь Педро Вольтес Боу в своей статье «Два письма Екатерины II о торговом мореплавании относительно Испании» писал, что «эта дея-

тельность России не только была полезна делу Бурбонов (правительству Карла III – Ю.Б.), поскольку ориентировала нас воздерживаться в конфликте с англичанами, но также и позволила нам обеспечить себя всевозможными продуктами, морские перевозки которых были пресечены англичанами.

Важная роль в колонизации новых земель принадлежала работорговле. Расширение плантационного хозяйства в Новой Испании, в особенности на островах Антильского архипелага, требовало дополнительного числа рабочих рук. Перевозкой и продажей рабов занималась Филиппинская компания – как наиболее могучее торговое предприятие Испании, – ее уставной фонд составлял 8 млн.песо [23]. Однако в испанских архивах нет данных о размерах работорговли этой компании. Приоритет в работорговле принадлежал Английской компании, филиал которой находился в г. Веракрус в Новой Испании. Испанские офицеры направляли в Мадрид сведения о деятельности этой Компании. Наиболее точную информацию посылал Хуан де Авила, назначенный Королем торговым представителем в Веракрус. В 1733 г. Авила направил в Испанию доклад, согласно которого с 6 апреля 1716 г. по 27 июля того же года в порт Веракрус прибыло 2212 негров обоего пола. По его данным в течении 17 лет ввозилось по 130 негров ежегодно [24].

Цены, установленные компанией для продаж негров, колебались в пределах 300 песо, если негр соответствовал общепринятой норме [25]. Негры мужчины, не отвечавшие норме, продавались по 260 песо, женщины такого же качества стоили дороже 270 песо. Негры, захваченные на судах контрабандистов

военными кораблями, должны были быть проданными Компании по цене 110 песо за голову, плюс 33 песо и еще одну треть по праву владельца. Дело в том, что Компания перепродавала негров, брала за них полную стоимость в соответствии с общепринятой нормой, то есть в пределах 300 песо.

Английские чиновники, обосновавшись в Веракрусе, вели жизнь, по условиям приближенную к английским нормам. Чиновники Компании проживали за пределами порта со своими служащими и слугами из Англии, окруженные удобствами....

Эволюция Испании к либерализму вызвала сопротивление противников реформ. Противоречия в экономике и торговле, связанные с конкуренцией между старой торговой элитой и новым классом коммерсантов, нашли отражение в политике, в уличных беспорядках, вовлекая в свою орбиту различные социальные группы от крупных коммерсантов и феодальной знати до религиозных кругов и городского населения метрополии и колоний.

ГЛАВА V. АНТИРЕФОРМИСТСКИЕ ТЕЧЕНИЯ. ИЗГНАНИЕ ИЕЗУИТОВ

Поводом для восстания в Мадриде послужил королевский указ от 22 января 1766 г., запрещающий государственным чиновникам ношение длинных плащей и круглых шляп, а также приказ от 10 марта, распространявший вышеуказанный запрет на всех лиц, независимо от их социального и имущественного положения. Причины же крылись во вздорожании жизни, повышении цен на предметы первой необходимости в период шестилетнего правления маркиза Эскилаче, прибывшего из Италии в Испанию вместе с Карлом III. Леопольд, Григорий, маркиз Эскилаче сменил графа Вальпараисо на посту госсекретаря и министра финансов. Как реорганизатор финансов, он внес много нового в локальных реформах: по его инициативе было внедрено финансовое и военное интендантство на Кубе. Его приверженцем был Арриага, министр Совета для Индий. Его поддерживал Хосе де Гальвес, главный инспектор-визитер в новую Испанию по рекомендации Гримальди.

Кто же был этот королевский любимец и сподвижник реформ Карла III.

Маркиз из Трентино и дель Валье-Санторо, принц из итальянской династии Санта-Элия, генерал-лейтенант, награжденный большими крестами, министр финансов, военный министр и министр юстиции, а также при Эскилаче министерство финансов покрывало все общественные расходы, что никогда не достигалось ни при королях Австрийской династии, ни в

правление первых королей династии Бурбонов. Испания впервые освободилась от государственного долга.

Эскилаче упростил административную систему и сократил чиновников, упорядочил заработную плату. Вместе с тем не преминул увеличить свою клиентуру, щедро раздавал титулы и должности. Эскилаче энергично боролся с бродяжничеством и запретил использование короткого и огнестрельного оружия. Им был издан указ о призыве бродяг на военно-морскую службу и в пехоту.

Эскилаче защищал план Сабатини, своего земляка-итальянца, по благоустройству Мадрида, связанного с очищением и освещением улиц: фонари должны были гореть в течение всей ночи с 15 октября по 15 апреля. Он способствовал снижению высоких цен на хлеб и другие продукты путем импорта пшеницы.

Эти и другие положительные факторы его деятельности сводились к нулю его молодой и красивой женой, каталонкой Пасторой Патерно, отличавшейся отсутствием у нее чувства меры, а также утопавшей в богатстве и выставлявшей напоказ роскошные туалеты. Сам Эскилаче получил звание генерал-лейтенанта милиции, позволив старшему сыну за короткое время вырасти от подполковника до полевого маршала. Средний сын получил приход архидиакона с хорошим доходом, а младший с юношеского возраста был назначен администратором таможни в портовом городе Кáдисе.

Ко всему сказанному присоединялись слухи о сомнительном поведении доньи Пасторы, которая распространяла клеветнические слухи о предполагаемой связи одной красивой дамы с вдовствующим монархом.

Хронист двора писал: "Красивая и юная маркиза Эскилаче блистала на дворцовых приемах или во время аристократических праздников, вызывая завистливые взгляды и пересуды о том, что вдовствующий король, еще не старый, хорошо сохранившийся, добропорядочный, не оставлявший для доньи Пасторы никаких надежд... Если бы король не пользовался репутацией непогрешимого и добродетельного человека, возможно, его могли бы взволновать эти слухи" [1]. Мог ли король предвидеть тот назревающий кризис, связанный с семьей Эскилаче и со степенью компрометации короны.

Политическое положение в стране обострялось в связи с пребыванием валлонской [2] гвардии, выполнявшей политические функции. События связанные со свадьбой наследника престола, когда гвардейцы открыли огонь по толпе для наведения порядка, вызвали ненависть мадридцев. К 1766 году ситуация еще более обострилась в связи с подорожанием продуктов питания, пребыванием иностранного контингента и деятельностью всесильного министра-итальянца по происхождению.

Против Эскилаче возникли два заговора: один — с целью убийства первого министра, а другой — заставить короля уволить Эскилаче и предать его суду. Основной контингент заговорщиков состоял из богатых представителей аристократии и военных, недовольных засильем чужеземцев.

Эскилаче имел несчастье стать «персоной нон грата» в общественном мнении Испании. Значительную долю в этом сыграло его иностранное происхождение: он был итальянец, а также его алчность, но прежде всего — снижение уровня жизни населения.

Положение министра усугубил и королевский указ от 22 января. Последнее распоряжение от 10 марта 1766 г. вызвало возмущение низов. Приказы, расклеенные в общественных местах, были сорваны и вместо них появились листовки, призывающие к восстанию.

Вместе с тем, брожение исходило, по словам хрониста: "из питейных заведений, подогревавших разгоряченные и без того головы жителей кварталов" [3].

Искрой, воспламенившей мятеж против Эскилаче, послужила публикация пресловутого эдикта короля от 10-11 марта 1766 г., воспрещавшего ношение длинных плащей и широкополых шляп.

Принятый закон прежде всего касался служащих королевской администрации: военнослужащих, чиновников и функционеров, обязывавший ношение короткого плаща или редингота, парика или короткой прически и треугольной шляпы. Неподчинение закону грозило арестом ослушнику.

13 марта двое мужчин на улице Палома с экземплярами приказа и в огромных, посыпанных мукой париках, воскликнули: «Это нам не запретит маркиз Эскилаче» [4]. Подобные инциденты продолжались с 15 по 18 марта, 20-22 марта по улицам Мадрида проходили толпы людей с закрытыми лицами, некоторые были одеты в старомодные длинные плащи и круглые шляпы. В ряде мест произошли столкновения с солдатами, которые закончились их разоружением. Призывы: «Да здравствует король, смерть Эскилаче!» — слышались повсюду [5]. К восставшим присоединилась часть солдат из валлонской пехоты.

Вскоре указ распространился на все население Мадрида независимо от социального статуса с угрозой штрафа или тюремного заключения.

В сложившейся ситуации король поддержал решение Эскилаче, или, по меньшей мере, не выступил против. Естественное желание короля стабилизировать ситуацию в столице, и в данном случае, желания короля и министра совпадали. На улицах Мадрида появились листовки с угрозами Эскилаче и с неуважительными намеками в адрес короля. Ряд лиц были оштрафованы, а несколько нарушителей, оскорблявших королевскую власть, были арестованы.

Большие группы нарушителей порядка, одетые в плащи и широкополые шляпы, требовали голову Эскилаче и выражали свою верностью Карлу III: "Да здравствует король! Смерть Эскилаче!". Крики толпы перемежались с оскорблениями в адрес доньи Пасторы. Многотысячная толпа окружила королевский дворец, в котором король принимал Эскилаче, бежавшего из своей резиденции Сан Фернандо де Энарес. Король как всегда оставался спокоен и сосредоточен. Разгневанная толпа ворвалась во дворец Эскилаче. После опустошающего грабежа дома и винного погреба, толпа двинулась по улицам, сокрушая все на своем пути. Только к полуночи стихла оргия насилия и разрушения. На Пласа Майор, самой большой площади Мадрида, восставшие сожгли чучело Эскилаче [6].

Утром 24 марта 1766 г. беспорядки продолжались. В результате столкновений между испанцами и валлонами были раненые и убитые. Штурм военных казарм предоставил оружие повстанцам. Были опустошены винные подвалы и дома мадридской знати, захвачены и

распределены награбленные деньги и имущество. В период описанных событий восставшие требовали изгнания Эскилаче и его семьи, замены иностранных министров на испанцев, вывода из Мадрида валлонов, снижения цен, упразднения Хунты по обеспечению жителей столицы.

Решающим фактором решения проблемы явилось появление короля на Пласа Майор и его обещание выполнить требования восставших. Это обстоятельство спасло Мадрид от сокрушительного пожара, обещанного повстанцами.

Одновременно к королевскому дворцу приближалась многотысячная толпа мадридцев с целью передать королю письменные требования. Эта миссия была возложена на священника Куэнка, прибывшего во дворец и вручившего королю исторический документ, в котором прозвучала конкретная угроза: "Если требования не будут приняты, тридцать тысяч мадридцев в течение двух часов превратят новый дворец в развалины" [7].

В сложившейся ситуации был создан королевский Совет. В его состав вошли герцог Аркос, шеф королевской гвардии, который предложил вывести войска на улицы и силой подавить восстание, Маркиз Приега, француз по происхождению, командир валлонов, поддержавший предложение Аркоса, герцог Гассола, итальянец, командующий королевской артиллерией, предложил расположить орудия в стратегических местах города и, таким образом, быстро разрешить ситуацию.

Ветеран ряда войн, маркиз Саса-Сарриа заявил, что уйдет в отставку, если против восставших будут приняты предложенные меры. Аргументируя свою позицию, маркиз заявил: "Эти господа предложили

использовать силу по той простой причине, что с пеленок не вкусили испанского хлеба" [8].

В очередной раз король выходит к народу, появляется на балконе дворца и подтверждает сказанное ранее. Толпа безмолвствует при виде уходящих валлонов, затем взрывается возгласами "Браво" и "Да здравствует король!".



Origen del motín contra Esquilache

Первое сражение было выиграно. В ходе событий 26 марта 1766 г. королевская семья и семья Эскилаче покидают Мадрид и направляются в Аранхуэс, загородную королевскую резиденцию. Был нанесен ощутимый удар достоинству Карла III. Как трезвый человек, он медитирует свои решения. Консультируется, взве-

шивает свои шансы за и против, но единожды приняв решение, проводит его в жизнь решительно и твердо.

События последних лет не вписывались в его схемы. Некоторые историки считают, что король находился в замешательстве, нерешительности, колеблющимся в своих действиях, лишенный в принятии соответствующих решений. Другие обвиняют его в трусости, низости. Следует подчеркнуть, что несмотря на некоторую непоследовательность в его действиях, король угадывал ситуацию. И не только своим отказом использовать силу перед лицом непосредственной опасности и избрать верный путь, но и благодаря политическим обстоятельствам, которые позволили ему использовать фактор времени, усыпляя повстанцев, и таким образом возвратить утерянные позиции и в течение короткого времени подтвердить престиж великого короля XVIII века, окруженного престижем и популярностью в народе.

Иные историки обвиняют короля в бегстве из Мадрида. Он уехал из Мадрида в Аранхуэс, чтобы использовать фактор времени, позволить бурному потоку войти вновь в свои берега и, в любом случае, встать над обстоятельствами, поставить свой авторитет короля на прочную основу, с которой мог бы предпринять контрнаступление против демагогии, овладевшей улицами столицы.

В сложившейся ситуации король был вынужден отменить приказ относительно плащей и шляп и дать отставку Эскилаче. Вслед за этим король удалил из дворца охрану, состоявшую из валлонов. Вскоре опальный министр навсегда покинул негостеприимную Испанию и 6 мая 1766 г. сошел на берег в Неаполе.

Карл III был всегда в курсе мероприятий, осуществляемых Эскилаче, который был правой рукой в большой и полезной реформе государства. В этой связи король пишет Тануччи 26 марта 1766 г.: "Благодаря всевышнему мы все чувствуем себя хорошо. Бедняге Эскилаче, который уезжает и который пожертвовал собой из-за меня в этих несчастливых обстоятельствах, должен отдать справедливость за его верную службу мне и моему сыну..." [9].

Эскилаче прибыл в Италию и в течение 13 лет работал послом Испании в Венеции, где и умер 15 сентября 1789 г., спустя год после кончины Карла III.

В ходе восстания появлялись листовки, унижающие достоинство короля, новых министров, которых называли людьми без чести и обвиняли в неуважении к религии и игнорировании церкви.

Недовольство идеологов восстания, которые решились потягаться с властью, и с другой стороны, имела место ненависть определенных религиозных кругов, которые видели угрозу своим властным позициям и привилегиям перед наступающей просвещенной монархией. В минувших сложных обстоятельствах пошел по ложному пути президент Королевского Совета Кастилии, епископ Картахены дон Диего де Рохас, колеблющийся, скрытый, лишенный королем своей должности, испытывающий отвращение к изменениям в стране. Президентом Королевского Совета Кастилии был назначен герцог Аранда.

Мадридское восстание распространилось практически на всю территорию Испании под различными лозунгами. В Куэнке восставшие потребовали снижения цен на хлеб перед домом коррехидора. Более двух

тысяч восставших атаковали дом Комиссара продовольствия Педро де Ируэла. Еще более тяжелая ситуация сложилась в Сарагосе, где были атакованы дома богатых чиновников, в результате чего капитан-генерал Кастельяр ввел в Сарагосу отряд кавалерии.

Дело дошло до выдвижения социальных требований, которые выражались в призывах: "подожжем дома ростовщиков и взяточников и захватим все, мы бедняки имеем на это право!" Шесть тысяч человек прибыли в столицу из Валенсии с требованиями снижения цен на продукты и с угрозой погромов домов ростовщиков. В Севилье восстали пятьсот солдат полка в Кордове. Мятежи с элементами насилия имели место в Гранаде и Андухаре с лозунгом "Смерть плохим правителям!" В Бильбао, Ла Корунье, Аликанте, Валенсии и Мурсии прокатились беспорядки под лозунгом снижения цен, во многих местах были замечены беглые каторжники, прибывшие извне, что свидетельствует о вероятной политической координации движения по всей Испании.

В фондах Архива Симанкас содержатся материалы о наличии агитации в провинциях, о политической координации восстания, деятельности организованных и оплаченных группировок.

Для Карла III это было первое столкновение с насилием, несравнимое с его итальянским опытом правления, как политическим, так и с военным. В свои 50 лет он понимал, что Испания — это не Италия, что его душевное спокойствие было в первый раз поколеблено перед лицом враждебной толпы, которая окружала его, когда он вышел на балкон площади Армерия. Его впервые подвело хладнокровие и его флегматичный

характер. Он должен был принять решение: сила или капитуляция.

Многие историки критикуют короля за слабость, считают, что он был испуган, что вполне возможно. Это естественное состояние человека. Но они упускают из вида, что его примирительные действия способствовали быстрой нормализации положения. Его престиж и авторитет не были поколеблены ни в Испании, ни за ее пределами. Во Франции, в Англии, в России, в США короли и лидеры государств были убиты, встретили насильственную смерть. В Испании не было ни единого подобного случая с момента превращения ее в нацию. Карл III мог быть первым в списке. Но он сделал все необходимое, чтобы продолжать пользоваться любовью народа. Он пожертвовал Эскилаче, но страсти улеглись и наступил мир. Утверждали, что снизился жизненный уровень. Это обстоятельство имело место, однако, растущие цены — это нечто непостоянное с незапамятных времен.

В любом случае, историческое значение восстания против Эскилаче велико. Впервые в Испании политический имидж в соединении с нараставшими трудностями — повышение цен, наличие иностранных правителей, местные неурядицы — вынудили короля лично предстать перед лицом требований низов, уступая их требованиям. Ничего подобного не испытывали его предшественники, абсолютные монархи, божьи помазанники.

Новые времена требовали новых решений. И Карл III смог их осуществить. Его правление было одним из лучших в истории Испании.

Имели место беспорядки в населенных пунктах традиционно спокойных, таких как Саламанка, Сьюдад-Реаль, Гуадалахара и Санлукар де Баррамедра, а также в ла Гранха де Сан Ильдефонсо, организованные шайками провокаторов.

Еще до широкомасштабного восстания, вспыхнувшего в Мадриде в марте 1766 г., связанного с именем первого министра Карла III маркиза Эскилаче, волнения начались в колониях. В мае 1765 г., подверглась нападению аудиенция в Кито (вице-королевство Новая Гранада). Восставшие подожгли здание таможни и разгромили спирто-водочный завод, будучи убежденными в недоброкачественной продукции с целью вызвать гибель метисов, как утверждали организаторы восстания в городских кварталах. В конечном итоге подразделения милиции, направленные вице-королем Перу Амадом совместно с силами, прибывшими из Панама (г.Санта-Фе) восстановили законный порядок в сентябре 1766 г. [10].

Волнения, происшедшие в Мадриде, повторились в более чем полутора десятках городов полуострова, поддержанные дворянством, взбудораженного реформами. Также в Америке, хотя и не с такой одновременностью, прокатились волны протеста против мер, которые были приняты в Испании. В конечном итоге, это была реакция на происходящие реформы, живой отклик и проявления протеста, грозившие перерасти в движение, поддержанное заинтересованными кругами из высшего света.

Карл III, желая произвести впечатление, что он внял гласу улицы, вместо маркиза Эскилаче назначает министром финансов Мигеля де Мускиса и военным министром генерала Хуана Грегорио Муниайна; эти

два министерства находились в руках Эскилаче. Оба новоиспеченных министра входили в когорту реформистов. К ним принадлежал также известный граф Аранда, назначенный на важнейший пост председателя Совета Кастилии.

В Сантьяго де Чиле, в том же 1766 г. вспыхнули волнения, вызванные табачной монополией. Лидеры оппозиции, использовав поездку губернатора Антонио Гуиля-и-Гонзаги к границе, распространяли подметные письма и манифест, призывающие к ликвидации табачной монополии. Должна была вмешаться аудиенция, чтобы предупредить назревающий бунт. 5 ноября на улицах города появилось множество листовок с призывом к бунту, причем обращение было направлено также к жителям пригородов столицы совершить «нечто подобное тому, что произошло в Кито» [11]. Однако очаги готовящегося восстания были быстро погашены репрессивными мерами, предпринятыми губернатором.

Падение Эскилаче было расценено в Испании и колониях как победу антиреформизма, хотя бунт не являлся главной причиной его отставки. Выступления против правительства в метрополии и в колониях имели большой резонанс и привели к переменам в составе кабинета министров. Таким образом, с одной стороны, продолжала действовать, если так можно сказать, «программа Эскилаче», которая двигалась по инерции, то с другой, со стороны Совета Кастилии, руководимого теперь графом Арандой и такими подвижниками, как Кампоманес и Хосé Моньино – будущий граф Флоридабланка – был предложен новый вид реформизма, структурный реформизм, который

имеет иную конечную цель, хорошо воплощенную в иллюзиях плюрализма и проникнутую идеологией строительства государства, которое соответствовало бы современной ментальности и курсу экономического и военного укрепления.

В этом смысле наиболее громким акцентом реформистов, имевшим потрясающий эффект, было изгнание иезуитов в 1767 г. в результате решения Совета Кастилии. Эта мера была настолько неожиданной, продланная с такой тщательностью и точностью, с использованием военной силы, что до настоящего времени продолжает оставаться объектом дискуссий историков, в частности по вопросу о том, были ли иезуиты причастны к бунту против Эскилаче [12]. Очевидно, что в качестве причин, вызывавших монаршую немилость к компании Иисуса Христа, было ее огромное влияние на слои общества, обличенные экономической властью, через иезуитские колледжи, в которых обучались отпрыски богатых семейств. Орден иезуитов по своей структуре был поистине интернациональным. В Америке многие иезуиты были выходцами из центральноевропейских стран, в том числе из Италии, что ставило под сомнение патриотизм и верность королю в случае критических ситуаций, в то время как другие религиозные ордена состояли в основном из национальных кадров. К этому следует добавить строгую дисциплину и абсолютное повиновение настоятелю верховной власти Ордена, с которой все провинциальные курии поддерживали отношения и направляли в своих Картасануас — ежегодных посланиях сведения о том, что делало непознаваемым механизм их деятельности.

Для монархии, с верховной властью которой была несовместима любая другая власть, Компания Иисуса рассматривалась в качестве мощного средства давления. Таким образом, имея прецедент изгнания иезуитов двумя европейскими монархиями, Карл III рассматривал иезуитов как «внутреннее препятствие». Во Франции в это время происходили события, связанные с религиозным противостоянием между официальной церковью и янсенистами [13].

Следует подчеркнуть, что в течение XVIII в. отношения между церковью и государством были весьма напряженными, прерывающимися периодами взаимопонимания. Римско-католическая церковь не желала отказаться от прежних юридических прав. Со стороны испанской короны превалировало стремление установить королевский контроль над церковью, что означало, кроме всего прочего, сохранение поступлений в казну во что бы то ни стало, то есть, использовать все, что могло пойти на пользу экономических интересов монархии.

Этой позиции Корона будет следовать с первых моментов после заключения конкордата 1717 г. Отношения между Испанией и Римом ухудшились в 1709 г. после признания папой эрцгерцога Карла Австрийского наследником испанского престола. За этим последовало изгнание папского нунция монсеньора Зондари из Мадрида и последующий разрыв отношений и закрытие нунциатуры в Испании, которая периодически исполняла роль апелляционного трибунала и сбор ренты. Это положение сохранилось до 1715 г., когда Филипп V производит замену в своем правительстве и это привело к конкордату 1717 г. [14].

Ряд авторов рассматривает это событие как «договор», а не как конкордат. Новое соглашение было заключено в 1737 г. и был подписан новый конкордат, приведенный в «правительственном словаре и законодательстве для «Индий», в котором указывалось, что договор заключается для того, чтобы «средства, полученные церковниками, облагались теми же налогами, которые платят светские», — согласно статье 8 конкордата [15].

Многие вопросы обсуждались посредством обмена посланиями короля и булл папы. В 50-е годы XVIII ст. возобновилось взаимное стремление к восстановлению отношений, и в особенности экономических между церковью и государством. Корона, прежде всего, была заинтересована в обороте замороженных средств церкви, то есть осуществить так называемую деамортизацию. В этом смысле Карлом III проведена церковная реформа и решалась проблема злоупотреблений курии.

В бунте против Эскилаче Чрезвычайный Совет, созданный специально для выяснения обстоятельств этого дела, усмотрел «руку религиозной организации». Нити протянулись к Компании Иисуса.

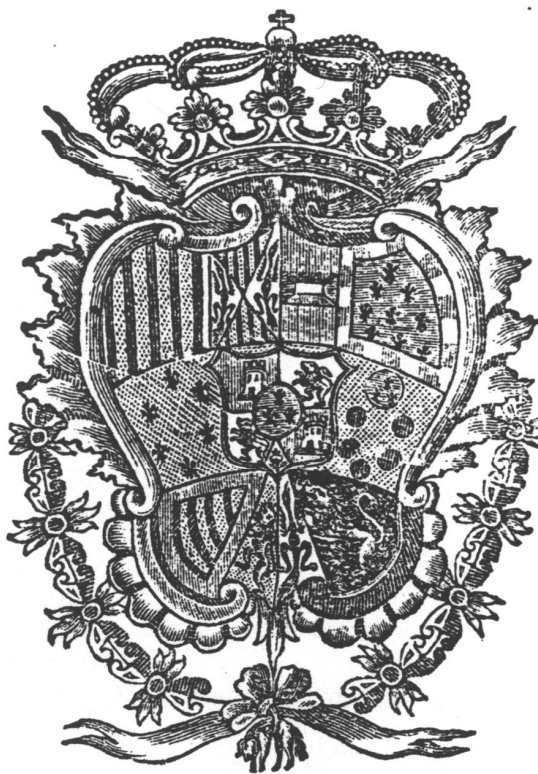
Ко двору поступали многочисленные сведения, в том числе и из колоний, свидетельствовавшие о враждебности к этому институту со стороны простого клира и университетов, в аудиториях которых воспитывалась избранная часть молодежи, настроенная в духе янсенизма и приспешников законности.

✠

REAL CEDULA D E S. M.

Y SEÑORES DE SU CONSEJO,
ENCARGANDO A LOS TRIBUNALES SUPERIORES,
Ordinarios Eclesiasticos, y Justicias de estos Reynos, cuiden
respectivamente de la egecucion del Breve de su Santidad,
por el qual se anula, disuelve, y extingue perpetuamente la
Orden de Regulares, llamada la Compañia de
Jesus, con lo demás que aqui se expresa.

Año



1773.

EN MADRID:

EN LA IMPRENTA DE PEDRO MARIN.

Иезуиты были замешаны в попытках убийства королей Франции и Португалии, а также в заговоре против Карла III. Глава Ордена Сан Игнасио был инициатором бунта против Эскилаче, а значит против реформ Карла III. Король в стремлении изгнать иезуитов собирался идти по пути уже проторенному его соседями-монархами. Из Португалии Орден был изгнан в 1759 г. и из Франции в 1764 г. [16]. Это придавало королю уверенности в благополучном исходе его предприятия.

Основные обвинения, выдвинутые против иезуитов, были обобщены и сформулированы сподвижником Карла III Кампоманесом на совещании 29 января 1767 г. Дело было передано новой Хунте 20 февраля, после чего был утвержден королевский указ от 27 февраля о высылке Ордена, который был выполнен в Мадриде в ночь с 31 марта на 1 апреля, а в провинциях с 1 на 2 апреля.

Карл III писал папе Клементу XIV, указывая, что по «причине срочной необходимости» он счел себя «обязанным изгнать детей Компании Иисуса», направляя их в государство Святой церкви, где бы они жили «под непосредственным, всезнающим и святым руководством его Святейшества папы» [17].

Когда папа осознал значение королевского послания, он в огорчении разорвал его, и Ториньяно, государственный секретарь Клемента XIV, написал папскому нунцию в Мадрид, протестуя против решения испанского Двора. Нунций предложил королю депортировать иезуитов на территорию какого-либо независимого суверена, однако испанский монарх остался непреклонен. Папа, не желая поселять членов Ордена в

своих владениях, обязал их поселиться вначале на Корсике, откуда они впоследствии могли перебраться в Болонью и Феррару.

Согласно статистике у Компании были изъяты колледжи, молитвенные дома, дома для послушников, больницы и резиденции компании, всего 146 домов с проживающими там 2641 обитателем. Также из испанских владений в Америке были высланы 2267 иезуитов [18]. Следует добавить к ним послушников, которых насчитывалось от 5 до 6 тысяч.

В Америке и на Филиппинах королевский указ был также скрупулезно выполнен. На территориях миссий, в том числе и в Парагвае, были разрушены здания, сооруженные миссионерами-иезуитами. Депортация была завершена летом 1767 г. и в следующем году.

Почти 3 тысячи священников, их помощников-коадьюторов и послушников прибыли из колоний в Испанию и оттуда были перевезены в Италию. В некоторых городах (Гуанахуато, Потоси, Буэнос-Айрес, Гавана) волнения иезуитов, которых было немало, привели к бунтам, без сожаления подавленных властями [19].

Изгнание иезуитов из колоний вызвало недовольство среди наиболее обеспеченных слоев населения, представители которых обучались в иезуитских колледжах.

Высылка иезуитов являла собой не просто церковную реформу, но во всех отношениях она представляла нечто большее по своим последствиям, и прежде всего, в экономическом аспекте, поскольку была конфискована вся собственность, обширные поместья, которыми они владели, обеспеченные средствами производства,

рабами, мельницами, сахарными заводами и т.д. Все это перешло в руки королевской администрации, все, что в свое время позволило обогатиться членам Ордена, приобретенного по низким ценам.

В этой связи многие креольские семьи были разорены. Что касается казны, она пополнялась за счет поступлений, сравнимых в какой-то степени с будущим процессом деамортизации – переводом в оборот замороженных средств церкви.

С гораздо меньшей помпой была проведена другая королевская акция, направленная против другой властной структуры, которая также избежала влияния абсолютной власти короля: инквизиция.

В мае 1768 г. Кампоманес и Моньино заявили в докладе Совету министров, что «злоупотребления, связанные с запрещением книг, предпринятого Святым престолом, есть не что иное, как невежество, которое господствует среди подавляющей части нации» [20].

Шла речь о запрете, который особенно волновал ближайшее окружение короля, а также просветителей. Реформа в данном деле не являлась столь шумной, она вторгалась в пределы организации, воплощавшей в себе пережитки средневековья, анахроничной по характеру. В результате деятельности Совета Кастилии указ короля от 16 июня 1768 г. предписывал Инквизиции строго выполнять правила, среди которых фигурировали следующие: обязательное выслушивание автора [21] прежде чем запретить его произведение; назначение защитника, специалиста в данной отрасли; не выступать с научными докладами, ограничиться защитой церковных догм и обычаев, против распутства, искажающих христианскую мораль; запрещение публично-

вать какие-либо эдикты без одобрения короля через посредство министерства благодетений и юстиции, также как и распространение документов Святого престола без его санкции. С целью ликвидации остатков идейного влияния иезуитов, принимаются королевские ордонансы от 1 июля и 12 августа 1768 г., также от 29 июля 1769 г. и 2 декабря 1771 года, по которым упразднялись кафедры, где преподавалось естественное право согласно доктрине Суареса и Сан-Игнасио, а также запрещалось использование текстов в преподавании, подрывающих основы королевской власти [22].

В борьбе с Орденом иезуитов Карл III не мог добиться своей цели во времена Понтификата Клемент XIII, находившегося под сильным влиянием генерала иезуитов П.Риччи. Представленные Клементу XIV доказательства и направленные из Испании делегации во главе со специальным представителем короля Хосе Моньино, а затем графа Флордабланка, заставили Его Святейшество в Бреше (Послании) от 21 июля 1773 г. упразднить Орден иезуитов [23].

В пространным документе, изданном на латинском и испанском языках, указывалось, что предшественники Клемента XIV, светлой памяти Юлиан III, Павел IV, Пий IV и V, Григорий XIII, Сикст V, Григорий XIV, Клемент VIII, Павел V, Лев XI, Григорий XV, Урбан VIII и другие римские понтифики в свое время предоставляли привилегии Компании Иисуса, но очевидно, что названная Компания, почти со дня своего создания начала сеять семена раздора и тяжб не только среди самих иезуитов, но также и в других религиозных организациях, университетах, школах, Литературных кругах и даже среди суверенов Европы,

в результате чего руководство иезуитов выпросило у папы Павла V новое подтверждение для Компании и ее привилегий и рассмотрения своего Устава на V Генеральной конференции, что было подтверждено 4 сентября 1606 г., в год воскресения Господа, Иезуиты клятвенно пообещали не вмешиваться «в дела века, в политику правительства и государства, в другие дела, не имеющие ничего общего с нашей профессией» [2].

В послании папы приведено обещание настоятеля Ордена Сан-Игнасио «не вмешиваться в торговые дела, хотя будут просьбы на этот счет» и «будем использовать все средства, даже самые эффективные и где бы то ни было, чтоб излечить зло» и «утвердить спокойствие и мир» [25].

Далее в Послании папы была выражена озабоченность в том, что несмотря на обещания, день ото дня нарастали жалобы на деятельность Компании, сопровождавшейся «разногласиями, возмущением, волнениями и скандалами, которые разорвали связи христианского милосердия, и разожгли очаги ненависти» [26].

В Послании был сделан вывод, что «Компания Иисуса не может более сеять обильные и великие блага, во имя которых была создана, обогащена и снабжена обильными привилегиями наших предшественников...», поэтому «мы упраздняем названную Компанию, отменяем и аннулируем все ее учреждения и должности, дома, школы, колледжи, больницы, поместья во всех провинциях королевства и владениях, и в каком бы то ни было виде принадлежавших ей... И поэтому заявляем, что навечно будет отменена и запрещена всякая власть, которой обладали главные и провинциальные настоятели, визитеры и другие лица» [27].

B R E V E
DE NUESTRO MUY SANTO PADRE
CLEMENTE XIV.

POR EL QUAL SU SANTIDAD
suprime, deroga, y extingue el instituto y
orden de los Clérigos Regulares, denomi-
nados de la Compañía de Jesus, que ha
sido presentado en el Consejo para
su publicacion.

A Ñ O



1773.

EN MADRID:

EN LA IMPRENTA DE PEDRO MARIN.

CLEMENS

PP. XIV.

ad perpetuam rei memoriam.

DOMINUS, ac Redemptor noster JESUS CHRISTUS Princeps pacis a Propheta prænuntiatus, quod hunc in mundum veniens per Angelos primum pastoribus significavit, ac demum per se ipsum antequam in cælos ascenderet, semel & iterum suis reliquit discipulis; ubi omnia Deo Patri reconciliavisset, pacificans per sanguinem crucis suæ, sive quæ in terris, sive quæ in cælis sunt, Apostolis etiam reconciliationis tradidit ministerium, posuitque in eis verbum reconciliationis, ut legatione fungentes pro Christo, qui non est dissensionis Deus, sed pacis, & dilectionis, universo Orbi pacem annuntiarent, & ad id potissimum sua studia conferrent ac labores, ut omnes in Christo geniti solliciti essent servare unitatem spiritus in vinculo pacis, unum corpus, & unus spiritus, sicut vocati sunt in una spe vocationis, ad quam nequaquam pertingitur, ut inquit S. Gregorius Magnus, si non

CLEMENTE XIV

P A P A

para perpetua memoria.

JESUCRISTO, Señor, y Redentor nuestro, anunciado Príncipe de la paz por el Profeta, lo que manifestó primero quando vino á este mundo, por medio de los Angeles á los Pastores, y luego por sí mismo, una y muchas veces á sus discípulos, dexándoles encomendada la paz, ántes que subiese á los Cielos; despues que reconcilió todas las cosas con Dios Padre, y pacificó por la Sangre que derramó en la Cruz, todo lo que hay, así en la tierra, como en los Cielos, les dió tambien á los Apóstoles el ministerio de reconciliar, y estableció entre ellos el uso de la palabra de la reconciliacion, para que exerciendo estos la mision que les había sido dada por Cristo, que no es Dios de la discordia, sinó de la paz, y del amor, anunciasen la paz á todo el mundo, y empleasen principalmente en esto sus esfuerzos y fatigas, á fin de que todos los fieles regenerados en Cristo guardasen con diligente cuidado la unidad de espíritu, con el vínculo de la paz,

В то же время папа обещал не оставить без поддержки членов Ордена иезуитов, лишенных средств существования, которые смогут с большим старанием «работать на винограднике Господа и быть более полезными в деле спасения своей души» [28].

Для тех, кто остались без пристанища, находятся в престарелом возрасте, страдают от болезней, тем разрешалось оставаться при колледжах или домах, принадлежавших Ордену. Члены ордена, продолжающие работать в школах или колледжах, лишались всяких руководящих должностей. Им разрешалась преподавательская деятельность при условии «воздержания от диспутов, несовместимых с преподавательской деятельностью» [4].

Эта история имеет свой эпилог. Изгнание иезуитов следует рассматривать как борьбу внутри католической церкви и главную роль в этой борьбе играл Карл III. Испанский историк Мануэль Данвила, исследовав большое количество документов той эпохи, не приводит истинных мотивов столь страстного желания короля ликвидировать Орден иезуитов. Он пишет, что монарх «мог бояться за свою жизнь и жизнь своих близких, о чем свидетельствует его переписка; он считал, что доктрина иезуитов несовместима со спокойствием в его государстве и с его новой политикой» [30].

Переписка монарха в известной степени подтверждает это предположение. В марте 1773 г. король писал Тануччи в Италию: «Сообщаю приятную и важную новость для нашей святой религии и для всей нашей семьи о том, что папа послал мне копию о запрещении ордена. Возносим хвалу Господу, посылающему нам

спокойствие в наших владениях и безопасность наших персон...» [31].

Подлинные причины непримиримой борьбы с Компанией Иисуса великого реформатора XVIII века кроются в опасности, которую представлял Орден, угрожавший самому существованию монархии как организованная и сплоченная сила. В письме французскому королю Людовику XV, датированном тем же мартом 1773 г., Карл III поздравил его с завершением «мероприятия, которое должно привести к спокойствию в наших государствах и погасить дух партии» [32].

В сентябре того же года, после завершения эпопеи ликвидации Ордена, Карл III вновь пишет королю Франции о том, что он лично не испытывал враждебности к иезуитам как индивидуумам, но как организация они поощряли раскол в государстве и поддерживали принципы очень вредные для суверенов и спокойствия народов [33].

В заключении следует подчеркнуть, что боязнь Карла III Компании Иисуса подтверждалась тем, что его министры, и, в особенности Компоманес, представили доказательства причин бунта против Эскилаче. Ответственными за волнения были признаны иезуиты и затем следовал вывод: пока они существуют, спокойствия не следует ждать.

К чисто политическим мотивам следует отнести то, что на короля глубокое впечатление произвел бунт; настолько глубокое, что его никогда не покидала боязнь за свою жизнь и его близких. Возможно, что не будь бунта против Эскилаче, Компания Иисуса не подверглась бы репрессиям.

Завершая свое правление в 1788 г., Карл III оставил в наследство потомкам преобразованное и обновленное государство. Благодаря его стараниям была подготовлена почва для внедрения экономического и политического либерализма XIX века. Пользуясь поддержкой образованных людей, сторонников реформирования страны, монарх осуществил глубокие реформы в социально-экономической, административной и политической структурах Испании.

ГЛАВА VI. РАЗВИТИЕ НАУКИ И КУЛЬТУРЫ

Политика преобразований испанской короны в Америке была также направлена на развитие культуры и науки. Некоторые новшества базировались на стремлении метрополии преобразовать техническую и научную структуру колоний и в этом аспекте следует говорить об усовершенствовании университетов или командировании специалистов-исследователей. Однако очевидно также и то, что из американских колоний возник ответный импульс, свидетельствовавший о начале создания амальгамы новой науки. Следует также иметь в виду, что формирующееся общество Новой Испании, креольское в своем большинстве, делало ответные шаги навстречу планам монархии.

Журналистика и книгоиздательство, научные общества и академии явились свидетельством того, что новое общество пришло в движение. Ученые и специалисты глубоко проникались идеалами национальной принадлежности колоний. Их интеллектуальная эмансипация предшествовала политической эмансипации.

В Ботаническом саду Мехико и Астрономической обсерватории Колумбии работали ученые и патриоты, объединившие научные направления в поисках научной истины.

Университеты являлись инициаторами обновления, доминируя над схоластикой и зубрежкой. Первые шаги Академии языка были связаны с деятельностью маркиза Вильены, с Андресом Гонсалесом де Барсиа, с королевскими библиотекарями, с педагогами имперского

колледжа и Саламанкского университета, объединивших свои усилия в совместных исследованиях.

Публикация в 1737 г. “Краткого изложения фондов морских и географических сведений Восточной и Западной библиотек” Леона Пинело стала демонстрацией успехов в развитии науки. Данный труд впоследствии станет основой создания Карлом III в 1785 г. в Севилье нового колониального архива, двухсотлетие которого было отмечено в 1985 г.

Для соединения прошлого с настоящим в американских территориях издательская деятельность стала инструментом исключительной важности. Хотя история колоний уже насчитывала несколько столетий, тем не менее XVIII век стал определяющим на американских землях. Эта исключительность позволила развить издание не только брошюр, но и книг, различных газет большого политического, культурного и научного содержания. Великолепное издание “Исторического описания путешествия в Центральную Америку”, изданного в Мадриде Хорхе Хуаном и Антонио де Ульоа в 1748 г., пробудило новый интерес испанского общества к заморским колониям.

По решению Карла III был создан Комитет естественных наук под руководством Педро Франко де Авила и его заместителя Эухенио Искиердо. Комитет стал проводником новой научной политики.

67

POLITICA INDIANA.

COMPUESTA POR EL DOTOR
DON JUAN
DE SOLORZANO
PEREIRA,

Cavallero del Orden de Santiago, del Consejo del Rey Nuestro
Señor en los Supremos de Castilla, y de las Indias.

Dividida en Seis Libros.

En los quales con gran distincion, y estudio se trata, y resuelve todo lo tocante al Descubrimiento, Descripcion, Adquisicion, y Retencion de las mesmas Indias, y su Gobierno particular, assi cerca las Personas de los Indios, y sus Servicios, Tributos, Diezmos, y Encomiendas, como de lo Espiritual, y Ecclesiastico, cerca de su Dotrina, Patronazgo Real, Iglesias, Prelados, Prebendados, Curas Seculares, y Regulares, Inquisidores, Comissarios de Cruzada, y de las Religiones. Y en lo Temporal, cerca de todos los Magistrados seculares, Virreyes, Presidentes, Audiencias, Consejo Supremo, y Junta de Guerra dellas, con insercion, y declaracion de las muchas Cédulas Reales que para esto se han despachado.

Obra de sumo trabajo, y de igual importancia, y utilidad, no solo para los de las Provincias de las Indias, sino de las de España, y otras Naciones, de qualquier Profession que sean, por la gran variedad de cosas que comprehende, adornada de todas letras, y escrita con el metodo, claridad, y lenguaje que por ella parecerá:

Con dos Indices muy distintos, y copiosos, uno de los Libros, y Capítulos en que se divide: y otro de las cosas notables que contiene.



EN AMBERES.
Por HENRICO y CORNELIO VERDUSSEN;
Mercaderes de Libros. Año M.D.CC.III.

Con Gracia y Privilegio.

BIBLIOTECA, L.A. S. XVIII-17

Были изданы указы с целью поиска материалов, имеющих учебный, научный и музейный интерес. Получили одобрение научные исследования благодаря заморским экспедициям, а также материалы, собранные в путешествиях учеными. Материалы прибывали из самых разных мест, включая не только испанские земли, но и с огромных пространств, от Америки до России. Прибывали в Испанию различные предметы быта и материалы, которые затем обменивались на музейные экспонаты различных стран.

Определяя задачи, предложенные в Генеральном плане исследований на 1787 год, вице-король Кабальеро-и-Гонгора писал: “Главная цель плана состоит в привлечении полезных точных наук, на исследование которых, к большому сожалению, утрачено много времени. Королевство, которое обладает ценнейшими природными ресурсами, которые необходимо использовать, дорогами, которые предстоит проложить, болотами и шахтами, которые необходимо осушить, водами, которыми надо управлять, металлами, которые следует очистить, бесспорно нуждается в личностях, способных познать и объяснить явления природы, овладеть знаниями математики, компаса и различными инструментами, которые помогут понять и объяснить сущность вещей” [1].

Интерес к научным поискам в Испании был идентичен с интересом к заморским колониям Короны. Удаленность и несметные богатства громадных территорий Америки пробуждали неослабевающий интерес к научным достижениям в колониях. Преобразования XVIII века во всех объектах администрации определили большое число законов, которые надо было внед-

рить в законодательство Австрийской династии. Карл III – представитель династии Бурбонов, по королевскому декрету от 9 мая 1776 г. повелел составить новый кодекс и назначил для этого Мигеля Хосе Серрадора, офицера Всеобщего секретариата колоний и Хуана Крисостомо Ансотеги, судебного агента Совета для Индий. Кроме того, был создан Законодательный совет, состоявший из колониальных советников во главе с секретарем Мануэлем Хосе де Айала, на основании работ которого был создан “Словарь правительства и законодательства колоний” [2]. В 1780 г. по инициативе Ансотеги был создан первый том. Деятельность Совета была воплощена в “Книге соглашений Совета, призванного исполнять и дополнять законы колоний”. Новый Кодекс увидел свет в 1797 г.

Законодательная задача Совета состояла в совершенствовании и обновлении кодекса в силу того, что кастильское право не всегда могло быть применимо к Америке. Дело в том, что там возникли новые органы власти, выдвинувшие свои собственные законы по велению новых политических, социально-экономических и географических обстоятельств, и, наконец, в силу адаптации к некоторым индейским институтам, которые внедрялись в индейское право, как, например, институт касиков или жеребьевка при назначении индейцев на общественные работы.



Исключительное значение сыграл Королевский ботанический сад, который постоянно поддерживал научные связи с учебными и научными центрами. Его отношение к фармацевтике и медицине, а также связи с различными учреждениями превратили его в научный центр ибероамериканского масштаба. Большое влияние на испанских фармацевтов оказал шведский ученый Карл Линней, исследовавший тесную связь ботаники с медициной.

Исследования растения хины вызвали дискуссию относительно ее классификации и описания. Хина (кора Лоха), названная по имени провинции в Эквадоре, в течение многих лет являлась средством против лихорадки, которое первыми использовали индейцы, затем европейцы. Корона организовала ряд экспедиций для поисков и изучения этого растения.

Такая отрасль науки, как инженерия, находилась в отрыве от успехов экспедиций, оставаясь в ведении корпуса военных специалистов. Значительный вклад в инженерную науку внесли специалисты, которые с открытия в 1731 г. Военной математической академии, основанной Хуаном Эррера-и-Сотомайором, обучались в Картахене, американском порту, неоднократно подвергавшемуся нападениям пиратов [3].

В Новой Испании успешно развивались физика, математика и медицина. Создание в 1768 г. Королевской хирургической школы – филиала хирургической клиники в Кадисе, стало важным событием в Америке. Также, как и в Европе, хирурги превратились в Америке в основателей новой практической медицины. Вместе с частными медицинскими академиями

хирурги Королевской школы внедряли в практику клинические и терапевтические достижения.

В 1776 г. был основан Горный трибунал с целью формирования собственных специалистов, улучшения добычи металлов и привлечения иностранных инженеров. С этой целью Карл III назначает Фаусто Эльуяра, который хорошо владел европейскими технологиями выплавки металлов, директором Горного корпуса Новой Испании. За несколько месяцев до кончины монарха в сентябре 1788 г. ученый прибыл в Веракрус и вступил в должность в январе 1789 г., а в начале 1792 г. был создан Королевский Горный семинар вице-королем Ревильяхихедо, учреждение исключительной важности, которое объединило интерес практического использования и развития национальной науки. Среди испанских профессоров следует назвать Андреса Мануэля дель Рио, а среди иностранцев самого Гумбольдта, который в течение своего пребывания в городе был профессором-экзаменатором. Спустя годы члены Коллегии принимали участие в борьбе за независимость колоний, в ходе которой несколько ее членов были расстреляны испанцами. Эльуяр оставался в Америке до 1818 г., а затем возвратился в Испанию.

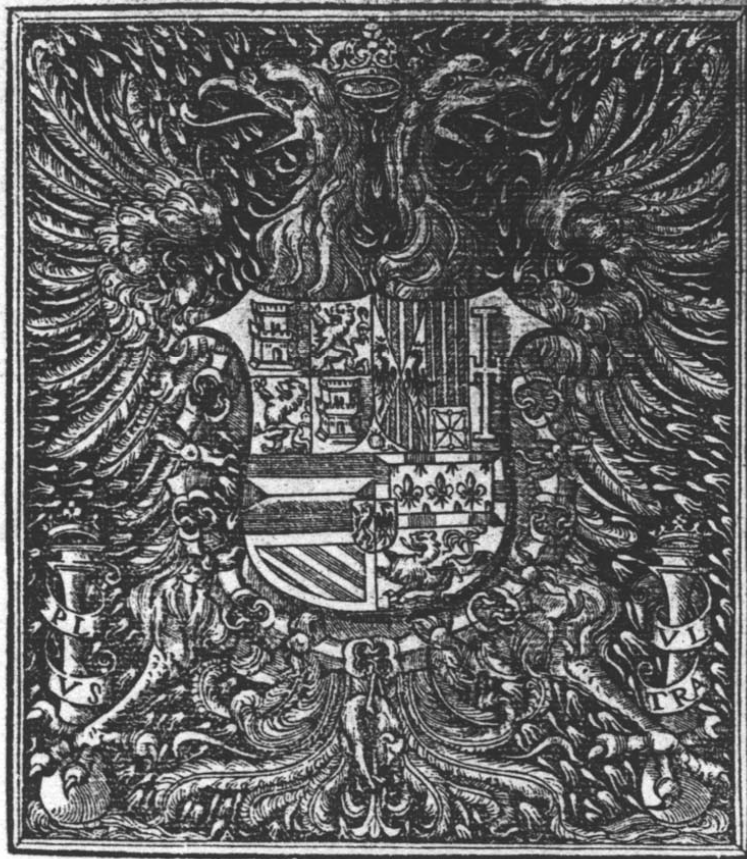
В 1768 г. был опубликован “Литературный дневник Мехико”, а также изданный в 1772 г. сборник “Различные события в науке и искусстве”. Начатая в 1787 г. новая публикация под названием “Обозрение по физике, естественной истории и полезных искусств”, продолжалась в период между 1788 г. и концом века. Вслед за “Литературной газетой Мехико” Игнасио Бартолаче основал не менее известную газету

“Летающий Меркурий с любознательными и важными новостями о различных событиях в физике и медицине”, увидевшей свет в 1772 г. Также важно вспомнить начало издания в 1755 г. по инициативе Николаса Антонио “Мексиканской библиотеки” Хуаном Хосе де Эгиара-и-Эгурена, также, как и создание по инициативе Морено-и-Эскандона в 1777 г. первой публичной библиотеки, созданной на материалах, связанных с изгнанием иезуитов.

Достижениями науки Новая Гранада обязана выдающемуся ученому Хосе Селестино Мутису, который в 60-е гг. XVIII в. выступил в защиту учения Коперника в Колледже компании Санта Фе де Боготá, позже преобразованном в университет. Как священник, он несомненно должен был получить хорошую поддержку со стороны вице-короля.

Импульс обновления шел из Иберийского полуострова, откуда Мутис черпал идеи обновления. Испанские просветители старались сделать университет независимым от королевской власти, более современным и более унифицированным. С 1771 г. вводились новые учебные планы, которые Совет Кастилии внедрил в различные университеты Испании, и естественно, что данная реформа коснулась учебных заведений, и, прежде всего, Новой Гранады.

В 1773 г., когда Хорхе Хуан представил свою книгу “Состояние астрономии в Европе” в Семинарии в Мадриде, в том же году натуралист Мутис в колледже-Университете Росарио де Санта Фе торжественно защитил учение Коперника.



**Libro. xx. Dela segunda parte de la general
historia delas Indias. Escripta por el Capitan
Gonçalo Fernandez de Oviedo, y Valdes. Al-
cayde dela fortaleza y puerto de Sãcto Domín-
go, dla isla Española. Cronista dñi Magestad.
Que trata del estrecho de Magallans.**

**En Valladolid. Por Francisco Fernandez de Cordoua
Impressor de su Magestad. Año de. M. D. L. vii.**



В 1774 г. Мутис произнес в Росарио речь о значении учения Коперника и был обвинен в ереси Высшим Трибуналом инквизиции в Картахене, хотя книга Коперника, запрещенная Ватиканом 5 мая 1616 г., в правление Карла III была вычеркнута из папского “Индекса” запрещенных книг. Только лишь вмешательство вице-короля, благосклонного к Мутису, спасло ученого от угрожающего ему тюремного заключения. В присутствии клерикалов и ученых коллег Мутис заявил: “Я открыто провозглашаю себя сторонником учения Коперника” [4]. Он провозгласил себя сподвижником физики Декарта, Кеплера и Ньютона и обещал «пробудить молодежь от летаргического сна, в котором она находится в настоящее время» [5].

60-70-е гг. XVIII в. были периодом проникновения передовых идей западноевропейской философии. Интерес к просветительству и материализму стал характерным не только для представителей интеллигенции, но и для определенных слоев зарождающейся креольской буржуазии.

Колумбийская национальная культура формировалась под влиянием французских просветителей Вольтера, Руссо и энциклопедистов.

“Эпоха Просвещения пробудила дремавшую духовную жизнь американских колоний Испании, приобретая характер “второго открытия Америки”, и это было началом ее освобождения; если освобождение Америки было следствием Возрождения, то конец колониального режима является следствием Просвещения” [6].

В течение двух с половиной столетий схоластика служила основным теоретическим обоснованием колониального угнетения, поэтому борьба против устарев-

ших схоластических воззрений стала по существу важным моментом идеологической подготовки освободительной войны колоний за независимость первой трети XIX в.

Поводом для проведения назревших нововведений в систему просвещения Новой Гранады стало изгнание иезуитов по указу 1767 г. Карла III. Иезуитам принадлежали учебные заведения не только Новой Гранады, но и трех других вице-королевств Новой Испании — университеты, семинарии, монастыри. Член королевской аудиенсии в Санта-Фе-де-Богота Франсиско Антонио Морено-и-Эскандон составил новую программу обучения, ставшую началом коренной реформы просвещения. В аудиториях, где иезуиты преподавали теологию, были введены новые предметы: философия, математика и другие современные дисциплины. Передовое мировоззрение эпохи Просвещения распространяется и на другие культурные центры колоний.

Одним из выдающихся педагогов своего времени был выпускник Колледжа Святого Бартоломé Феликс Рестрепо (1760-1832), который в 1782 г. основал в семинарии города Попаяна кафедру философии, где получили “идейную подготовку такие впоследствии блестящие деятели науки, литературы и политики, оставившие яркий след в колумбийской истории, как братья Камилло и Херонимо Торресы, Антонио Ульоа и Франсиско Хосе де Кальдас”.

Одной из первых научных экспедиций XVIII века была франко-испанская, которая была предпринята по решению Филиппа V в 1734 году с целью определить точные размеры географического меридиана экватора. Результаты экспедиции были описаны испанцами Хор-

хе Хуаном и Антонио де Ульоа в их труде «Историческое описание путешествия в Южную Америку».

Большое значение в развитии американского интеллекта имели научные экспедиции конца XVIII века под руководством испанских и европейских ученых, исследовавших континент на предмет изучения достижений в области науки, культуры, медицины и т.д.

В эпоху правления Карла III были организованы экспедиции по изучению флоры и фауны континента по инициативе Иполито Руиса и Хосе Павона в Перу и Чили, а также во главе с Хосе Селестино Мутисом в новоиспанскую Гранаду. В 1787 году натуралист Мартин Сесье описал Новую Испанию, а в конце XVIII века испанская экспедиция провела мероприятия по прививке против оспы. С научными целями были созданы такие исследовательские учреждения как Ботанический сад и Академия Сан Карлос в Новой Испании, Астрономическая Обсерватория в Боготе и Академия Естественных наук в Гватемале [7].

Следует еще несколько слов посвятить выдающемуся ученому Новой Гранады Хосе Селестино Мутису, вложившему громадный вклад в науку как составной части национальной колумбийской культуры. Он родился в Кáдисе в 1732 г., получил медицинское образование в Мадриде и Севилье, а затем его жизнь тесно связывается с Новой Гранадой, где активную педагогическую деятельность он связывает со всесторонними исследованиями природы, минералов, флоры, фауны. По его инициативе была сооружена первая в Латинской Америке астрономическая обсерватория, а также были введены противооспенные прививки. Он основал Ботаническую экспедицию и в течение многих

лет руководил этим крупным научным центром по изучению фауны, топографии, созданию топографических карт новых территорий.

Ботаническая экспедиция, работавшая в 80-е гг. XVIII в., а затем с 1791 г. до начала войны за независимость, стала подлинным центром национальной культуры.

До наших дней сохраняет большое научное значение труд, созданный учеными экспедиции под названием “Флора Новой Гранады” или “Флора Боготы”. Для иллюстрирования работы Мутис привлек около четырех десятков художников и графиков, которые изготовили 5433 таблицы и рисунка всевозможных видов и родов растений, из которых 2945 в цвете, а 2488 – рисованных пером. Гербарий экспедиции насчитывал от 20 до 24 тыс. экз., представлявших около 5 тыс. различных родов и видов растений Новой Гранады [8].

После кончины Мутиса экспедиция продолжила исследования, включив более 6 тыс. страниц текста в монографию “Флора Боготы” [9]. За его плечами оставался реформированный им университет в Севилье, Хирургический колледж в Кадисе, Новый Ботанический сад в Мадриде. Его деятельность стала бесценным вкладом в реформы Карла III. Сам Гумбольдт посетил Боготу, чтобы лично познакомиться с Хосе Мутисом. Деятельность Мутиса в Колумбии была полезной не только для того, чтобы европейская наука могла обогатить его новыми открытиями, но и для того, чтобы процветала своя национальная наука.

Следует подчеркнуть, что в колониальный период художественная литература в Колумбии носила провинциальный характер. Метрополия в XVI-XVII вв. главное внимание уделяла вице-королевствам Новая

Испания и Перу ввиду их важности для испанской короны. Что касается Новой Гранады, художественная литература начала создаваться в жанре хроник, авторами которых были конкистадоры и священники, которые описывали события конкисты, нравы и обычаи местного населения, покоренного испанцами.

“Среди хронистов... наиболее известными были Педро де Агуадо (1503-1588), Педро Симон (1574-?), Лукас Фернандес де Пьедраита (1624-1688). Уступая книгам Бартоломео де Лас Касаса, Гарсиласо де ла Вега, Бернандино де Саагуна... их произведения обладали несомненными литературными достоинствами” [10].

Самым известным произведением XVI-XVII ст. следует назвать хронику Хуана Родригеса Фрейле (1566-1638) “Открытие и завоевание Королевства Новая Гранада, Западной Индии за Океаном и основание города Санта-Фе-де Богота, первого в этом королевстве”, напечатанную лишь в начале XIX в. под названием “Эль Карnero” (“El Carnero”). В книге описаны события первого столетия колониальной эпохи. Автор использует живой разговорный язык при описании занимательных сюжетов с элементами плутовского жанра. Автор, дискутируя с Бартоломео де Лас Касасом, оправдывает жестокость завоевателей по отношению к индейцам, рисуя их ленивыми, развратными и кровожадными.



Ряд авторов, в том числе испанский историк Кама-чо Гисадо, рассматривает хронику как попытку “оправдать” Испанию перед Новым Светом и для этой цели превратился в хрониста” [11].

Другим жанром прозы следует назвать религиозно-мистическую литературу. Наиболее популярным автором этого жанра является монахиня Франсиска Хосефа дель Кастильо-и-Гевара (1671-1742), написавшая трактат “Духовные излияния” (“Afectos espirituales”) и книгу о себе “Жизнь” (“La Vida”).

Следует подчеркнуть, что проза колониального периода носила в основном подражательный характер.

Исключительно важным событием в культурной жизни Новой Гранады первой трети XVIII в. стало основание иезуитами первой в стране типографии. Основателем газетного дела в 1791 г. был кубинец Мануэль дель Сокорро Родригес (1756-1819), способствовавший открытию газет “Диарио политико”, “Папель периодико”, “Редактор американо”, “Семанарио де Нуэво Рейно де Гранада” и других.

Расцветает ораторское искусство, связанное с движением в защиту независимости колоний. Во главе этого литературного движения стоял Нариньо, который перевёл на испанский язык текст французской “Декларации прав человека и гражданина”. В период правления Карла III испанская литература находилась под влиянием классицизма, характерного для французского Просвещения. Золотым фондом колумбийской прозы того времени стали произведения Камило Торреса (1766-1816), Франсиско Антонио Сеа (1770-1816) и других. Необходимо подчеркнуть, что Колумбия относилась к тем странам, в которых наиболее глубоко

укоренились испанские культурные традиции.

Творчество художников Новой Гранады развивалось в сложных условиях, проявлявшихся во всех областях духовной жизни, что мало способствовало процветанию творческой индивидуальности художника. Основным заказчиком, а подчас и единственным покупателем для живописца, была церковь. Существовали жесткие каноны церковной живописи. Согласно правил, учреждённых церковными властями 24 мая 1774 года, чётко указывался “порядок расположения святых и детально рассматривались все необходимые атрибуты... Запрещались изображения Христа, апостолов, святых и ангелов в манере, отличающейся от принятой католической церковью, запрещалась свободная трактовка сюжетов Священного писания, изображение обнажённой натуры” [12].

Самым известным в истории искусства Новой Гранады был Алонсо де Нарваэс (1560-1583), автор картины “Мадонна Чикинкира”, которая пользовалась широкой популярностью. Классиком колониального искусства своего времени был художник и поэт Антонио Асеро де ла Крус (1600-1667). С его именем связан момент перехода от старых к новым эстетическим нормам. Современниками Антонио де ла Круса были художники Мурильо, Веласкес и Сурбаран, творчество которых стало вершиной испанского реализма XVII века. Вместе с тем изобразительное искусство Латинской Америки отставало от уровня развития европейского искусства, которое сохраняло ещё пристрастие к точному соблюдению установленных правил композиции. В изобразительном искусстве Новой Гранады в

начале XVIII века появились признаки упадка, не отмеченных ни оригинальностью, ни мастерством.

Наибольшей популярностью при Карле III пользовался Хоакин Гутьеррес (1720-1800), великолепный портретист. Его называли “художником вице-королей”, овладевшим искусством парадного портрета в натуральную величину, тщательной проработки даже самых мельчайших деталей одежды, украшений и так далее. Учеником Гутьерреса был Пабло Атонио Гарсия (1780-1814), как и его учитель, он изображал вице-королей и картины на церковную тематику. Заслуженную славу художнику Пабло Атонио Гарсия принесли его алтарные картины “Непорочное зачатие” и портрет королевского чиновника “Дона Луиса Эдуардо де Асуола”. Автором многочисленных миниатюр был инженер и художник Пио Домингес Кастильо (1780-1861), творивший в первые годы независимости Колумбии [13].

Изобразительное искусство в любой стране всегда тесно связано с музыкальными образами, как неотъемлемыми чертами нации. Народная музыка Колумбии базируется на трёх источниках: американском (индейском), европейском (испанском) и африканском. На протяжении XVI-XVIII веков единственной формой профессиональной музыкальной деятельности в колониях оставалась церковная музыка, расцвет которой относится к первой половине XVIII века. Самым крупным композитором колониальной эпохи был Хуан де Еррера-и-Чумасеро, капельмейстер кафедрального собора столицы Новой Гранады Санта-Фе-де-Богота. Он был непревзойдённым мастером хоровых сочинений: месс, ламентаций и псалм в сопровождении орга-

на, фагота, арфы и струнных инструментов.

Церковная музыка успешно развивалась во второй половине XVIII века при Карле III. Такие композиторы как Луис Бернардо де Бахалон, Андрес Франко и Карлос Патиньо сочиняли многоголосные (на шесть – восемь хоровых партий) псалмы, Хуан де Хименес и Мигель Матео Дальо-и-Ланас, писавшие популярные в ту эпоху вильянсикос-песенно-хоровом жанре, принадлежавшие одновременно и к церковному, и к светскому репертуару” [14].

Следует отдать должное канонику Игнасио Марии Тардесильясу (1736-1789), который только на год пережил Карла III, но пользуясь поддержкой Короны в церковном приходе г. Гачета, он построил орган и открыл музыкальную школу для индейцев. Другой современник короля-реформатора, монах-доминиканец Хуан Пульгар (1763-1827), органист церкви Санто Доминго, основал музыкальную школу для духовников и детей-бедняков. Вместе с тем светская профессиональная музыка в Новой Гранаде развивалась очень медленно. Музыкант Педро Каррикarte в 1784 году создал в столице первый духовой оркестр, игравший в концертах и на праздниках.

Культура Перу в течение длительного времени почти до конца XIX века не обнаруживала ни ярко выраженной национальной оригинальности, ни желания освободиться от консервативных канонов, которые сохранились в ходе исторического, экономического и этно-культурного развития вице-королевства.

Следует указать на живучесть испанской культурной традиции в вице-королевстве, на длительный период освобождения страны от безраздельного влияния метро-

полии, которая на протяжении столетий внедряла свой язык, религию, обычаи, идеи и художественный вкус.

В деле просвещения особую роль сыграла церковь при финансовом, организационном и педагогическом участии которой был создан в 1551 году первый университет Южной Америки – университет Сан Маркос. У истоков университета стояли религиозные ордена: Доминиканский и Иисуса Христа.

Указывая на место и роль вице-королевства Перу в составе испанских колоний, нынешний директор Института Латинской Америки Российской Академии наук Давыдов В.М. писал: “Территория Перу оказалась центром испанской колониальной империи Южной Америки. Это имело двойные последствия. С одной стороны, Лима, как столица, аккумулировала перенос испанской, а через неё и европейской культуры, получала экономические и административные привилегии. Своему центральному положению в испанской колониальной системе Перу обязана древними университетскими традициями. С другой стороны, общественные устои колониализма оказались здесь прочнее, чем на периферийных территориях, какими были в то время Аргентина, Чили или Венесуэла. Поэтому и негативные особенности, присущие колониальному строю, проявились в духовной жизни Перу в большей мере” [15].

Экономическое и культурное развитие способствовало повышению интереса к образованию среди королевской земельной аристократии, королевских чиновников и влиятельных специалистов. Растёт количество школ, средних и высших учебных заведений. Если в XVI столетии в университете Сан Маркос существовали факультеты теологии, канонического права, фило-

софии и юриспруденции, то уже в середине XVII века были введены курсы математики и анатомии.

Медицина пополнилась травами и растениями, которые использовались в качестве средства против лихорадки, известного под названием хинина, которое первыми использовали индейцы, а затем европейцы с середины XVII века [16].

В области естествознания заметный след в развитии этой отрасли знаний оставил иезуит Хосе Акоста (1539-1600), опубликовавший труд «Естественная и духовная история Индий». Как и Хосе Акоста, полезные свойства растений, географию, климат и животный мир исследовал испанский миссионер Барнабэ Кобо (1582-1657). Были сделаны успехи в области обработки металлов благодаря трактату Альваро Алонсо Барбы «Искусство обработки металлов». В годы правления Карла III большую известность получил натуралист Эусебио Льяно Сапата (1721-1780) [17].

Следующий этап в развитии перуанской литературы охватывает период XVII-XVIII столетий.

Первооткрывателем этого этапа был Педро де Перальта Барнуэво (1653-1743), типичный представитель колониальной эпохи, получивший звание доктора канонического и гражданского права в университете Сан Маркос. Заведую кафедрой математики, он был знаком с наиболее интересными научными и литературными открытиями, оставив после себя несколько поэм и сочинений в прозе. В своей поэме «Основание Лимы или завоевание Перу» (1732), как придворный поэт, он провозглашает верность метрополии, хотя и защищает креолов как патриот своей родины.

Большой популярностью при Карле III пользовался

поэт Франсиско дель Кастильо (1714-1770), автор лирических и сатирических стихов, а также комедий.

Последнее десятилетие XVIII века и первые годы XIX века были порой напряжённого усвоения в Перу новых научных и философских идей, проникавших из Франции, Англии и Северной Америки. Классическим представителем этого идеологического наступления на схоластику был Иполито Унануэ (1755-1833), учёный, естествоиспытатель, опубликовавший в 1808 году замечательный труд “Наблюдения над климатом Лимы” [18].

В своём произведении “Ласарильо для слепых бродяг” Алонсо Карио, выступавший под псевдонимом Конколокорво, используя сарказм, осудил колониальный режим метрополии в Америке [19].

Важная роль в пропаганде литературного творчества принадлежала периодическим изданиям. Первой газетой в Лиме, вышедшей в 1743 году, была “Гасета”, а ежедневным изданием с 1790 года стала газета “Диарио де Лима”.

Многочисленные архивные документы вице-королевства Перу свидетельствуют о внимании, которое колониальные власти и католическая церковь уделяли изобразительным искусствам.

Основанная Франсиско Писарро в 1535 году столица будущего вице-королевства Перу Лима привлекала не только конкистадоров, монахов и колонистов, но также и первых художников. “Наряду с испанскими приезжали и итальянские художники, чье влияние здесь было не меньшим, чем влияние испанских мастеров, ибо сами короли Испании Карл V и Филипп II преклонялись перед достижениями

итальянского искусства Возрождения” [20].

Наиболее распространённым жанром живописи XVII-XVIII веков наряду с композициями на религиозные сюжеты был портретный жанр. Одним из наиболее талантливых художников того времени был Кристо́баль Лосано (1700-1776), кисти которого принадлежат портреты вице-короля Мансо де Веласко и других королевских сановников.

Знаменитый вице-король Перу Ахмат стал объектом таланта художника Кристо́баля де Агилара. Ахмат был покровителем искусств, архитектором Лимы, одним из самых талантливых царедворцев Карла III и сторонников его реформ.

Завоевание Перу подразумевало искоренение язычества индейцев, в том числе и индейской музыки и танцев. Но с течением времени католическая церковь, приобщая туземцев к христианству, изменила тактику и индейский язык и музыка стали использоваться во время богослужения и религиозных процессий. Следует подчеркнуть, что миссионеры Перу явились первыми проводниками европейской музыки в индейскую среду.

Что касается церковной музыки, то основными композиторами и исполнителями в XVI-XVII веках были Гутьерре Фернандес Идальго, Эстасио де ла Серна и Антонио Карраско. Светская же музыка в течение всего XVIII века “являла собой пример типичного любительского домашнего и салонного музицирования” [21]. Исключением является Хосе Бернардо Альседо (1788-1878 гг.), композитор и солдат, участник войны за независимость, приветствовавший провозглашение независимого Перу созданием национального гимна (1821 г.)” [22].

ARTES Y VOCABULARIO DE LA LENGVA DE LOS INDIOS CHAYMAS, CUMANAGOTOS, Cores, y otros diuersos de la Prouincia de Cumanà, ò Nueva Andalucia.

INTRODVCCION.

DARA La mejor inteligencia deste Lenguage, ò Idioma, que aquí se pretende enseñar, advierto, y noto algunas cosas muy necessarias, antes de practicar el Abecedario: y supongo, que este lenguaje de los Indios de la Prouincia de Cumanà, ò Nueva Andalucia en las Costas de Tierra Firme, se dilata, y comprehende mas de cien leguas, pues hasta la Prouincia de Caracas, en la Ciudad de la Valencia, experimenté, que la entendia aquel Gentio: pero de quien es mas propria, y connatural, es de los Indios Chaymas, Cores, Cumanagotos, Quacas, Parias, y Varrigones, y otros confinantes: y aunque es verdad, que entre estas mismas Naciones dichas tienen en su estilo, y practica alguna diferencia en la pronunciacion, ò ya añadiendo, ò quitando alguna sílaba, à la voz comun de el nombre, ò verbo; pero no es parte para no entenderse harto bien los conceptos; como v.g. acá en España las lenguas Castellana, Aragonesa, Valenciana, y Gallega; pero en la realidad es muy difícil de aprehender: Lo primero por ser totalmente diuersa à todos los idiomas de nuestra Europa, y ser compuesta por vn Barbarismo tan incapaz. Lo segundo, es difícil por su mala pronunciacion. Lo tercero, porque en todo este Gentio carecen de libros, escritos, ò caracteres, pues ignoran todas Escrituras, ò Letras: y aun se haze mas difícil de aprender, enseñandola à misimos Indios, aunque mas ladinos en nuestro Castellano, ò Romano por ser Gentio en qualquiera estado muy rudo, è incapaz, como lo hemos experimentado con harto cansancio, y defengano los Misionarios que solos con eficacia nos hemos dedicado à aprehenderla, sin omitir nada, como el medio mas eficaz, è importante para enseñarles los Misionarios

Альседо поселился в Сантьяго – де – Чили, где он занимался музыкальной педагогикой и руководил капеллой кафедрального собора в чилийской столице [23].

Национальные культуры Перу и Аргентины в основном имеют те же черты и явления, которые характерны для национальных культур большинства стран Латинской Америки. Большое влияние на процесс складывания аргентинской национальной культуры оказал мощный поток иммигрантов из Италии, Испании, Франции, Германии и других стран.

Колонизация земель в Аргентине Испанией сопровождалась упорным сопротивлением индейских племён в районах, примыкающих к атлантическому побережью, где в 1536 году был основан город Буэнос Айрес (Пуэрто-Санта-Мария-де- Буэнос-Айрес).

Решающее значение в колонизации территории вице-королевства Ла Платы имел испанский, а точнее, креольский элемент в формировании культурного облика страны.

Исключительным явлением в жизни лаплатских территорий XVII-XVIII веков явилась миссионерская деятельность иезуитов, членов ордена Иисуса Христа, основанного в 1534 году. Члены Ордена пользовались огромным влиянием при испанском королевском дворе дома Габсбургов, а также первых Бурбонов в XVIII веке. Иезуиты оттеснили на второй план другие монашеские ордена: францисканцев, доминиканцев, августинцев и, пользуясь привилегиями, данными папством иезуитам, получили “право ношения светской одежды, освобождений от многих религиозных предписаний и ограничений, ответственность только перед орденским

начальством и другие – в сочетании с обязательным взаимным шпионажем способствовали чрезвычайной гибкости и прочности организации” [24].

По отношению к индейцам иезуиты проводили политику сотрудничества и сосуществования, приобщая их к нормам испанской колониальной системы и создавая видимость индейского самоуправления через туземную администрацию.

По инициативе иезуитов была создана типография и в 1700 году была напечатана первая книга – “Римский мартиролог”, также печаталась другая литература, школьные учебники, в том числе на языке гуарани.

В своих изолированных друг от друга селениях (редукциях) иезуиты занимались естественными науками прикладного значения. Одним из первых астрономов и метеорологов Ла-Платы был Буонавентура Суарес (1679-1750), который составлял календари и астрономические таблицы.

Расцвету культуры в колониях способствовали научные экспедиции, которые внесли огромный вклад в экономику колоний в годы правления короля-реформатора Карла III.

В соответствии с договором Сан-Ильдефонсо в 1777 году, между Испанией и Португалией были снаряжены ряд экспедиций по демаркации границ двух империй в Южной Америке. Экспедиции возглавили учёный Диего де Альвеар и морской инженер Феликс де Асара.

В 1789 году с целью расширения географических и исторических знаний в кругосветное плавание были отправлены два корвета “Разведчик” и “Смелый” капитана Алехандро Маласпина с целью описания побе-

режья Рио-де-ла-Платы и Тихого океана. Не менее результативными с точки зрения изучения географии испанской Америки, и в частности, вице-королевства Ла-Платы, были итоги экспедиции немца Гумбольдта [25].

Развитие сельского хозяйства и ремесла, основанных на свсободном и полурабском труде, позволило аккумулировать товары и продукты, необходимые для внутренней и внешней торговли. В этих обстоятельствах быстро возросла роль столицы вице-королевства Буэнос-Айреса. “Рост экономического значения Буэнос-Айреса и примыкающих к нему районов, а также необходимость обеспечения военной защиты этого участка границ колониальной империи перед лицом растущей агрессивности английского капитализма побудили в 1776 году испанскую Корону (правительство короля Карла III – прим. Ю.Б.) к созданию вице-королевства Рио-де-ла-Плата. Из второстепенного торгового центра Буэнос-Айрес становится столицей. Двумя годами позднее этому городу даётся право свободной торговли с метрополией, а в 1784 году разрешается ввоз иностранных товаров” [26].

Взаимный обмен способствовал проникновению в вице-королевство произведений европейских просветителей, в частности французских энциклопедитов Вольтера, Руссо, Монтескье и других. Их произведения о “естественном праве человека” способствовали формированию освободительных идей среди передовой интеллигенции Ла Платы, художников и литераторов.

Аргентинская национальная литература зародилась во второй трети XVIII века в стиле популярного жанра классического испанского театра. Первым произведением этого жанра считается одноактная пьеса “Любовь

крестьянки”, которая воспринимается как испанский отклик на соперничество в Латинской Америке двух крупнейших колониальных держав XVIII века – Испании и Португалии” [27].

Наиболее ярким представителем национальной аргентинской литературы является поэт и драматург М.Х.Лаварден (1754-1809), автор драмы “Сирипио” (1789 г.), в котором выведен герой-индеец, борющийся за свободу. Перу Лавардена принадлежит другое патриотическое произведение – “Ода величественной реке Паранé”, в которой выведен аллегорический образ главной аргентинской реки Параны.

В своём историческом развитии литература Аргентины прошла в основном те же этапы развития, что и театральное искусство Латинской Америки.

В середине XVIII века силами офицеров испанского гарнизона по случаю коронации испанского короля Фердинанда VI были поставлены две пьесы Кальдерона. Естественно, что в колониальный период первоначально преобладали произведения только испанских авторов.

В годы правления Карла III в Буэнос-Айресе был построен первый театр – “Дом комедий”, названный “Ранчерия” (1783 г.). Заметный след в формировании национального самосознания оставила трагедия М.Х.Лавардена “Сирипио”, посвященная жизни и борьбе индейцев. Конец XVIII века был ознаменован появлением сайнете и тонадилы – литературных жанров, воссоздающих сцены из народной жизни, быта и языка. Огромным успехом пользовалась сайнете “Любовь крестьянки”, достоинство которой состояло, по мнению современных аргентинских исследователей

в том, что уже в конце XVIII века она в весёлой и остроумной форме “отразила дифференциацию среди тех, кто будучи ещё Испанией, с каждым разом всё больше начинал ощущать себя Америкой” [28].

Театральное искусство тесным образом было связано с музыкальной культурой Аргентины. В течение всего XVIII века в аристократических салонах столицы вице-королевства звучала в основном музыка итальянских композиторов: Доминго Сакомано, Бартоломе Масса, Франсиско Фаа и других. По инициативе Сакомано был построен театр “для постановки опер и комедий”, как было сказано в прошении на имя губернатора. Этот театр, получивший название “Театр оперы и комедии”, был открыт в сентябре 1757 г. и функционировал до 1759 г.” [29].

Маэстро и композитором был испанец Антонио Аранаса, в обязанности которого входила разнообразная работа с актёрами по режиссуре и композиции музыкальной программы: увертюры, дуэты, танцы в форме самобытного музыкального театра – тонадилли, которая пользовалась огромной популярностью на Ла Плате. Конец XVIII века и первое десятилетие XIX века были отмечены оживлением музыкальной деятельности в вице-королевстве Ла Плата.

ГЛАВА VII. ИТОГИ И ПОСЛЕДСТВИЯ РЕФОРМ

Реформы вызвали сопротивление со стороны могущественных коммерческих групп, которые в ущерб государственным, защищали свои собственные интересы. Защита меркантилистских интересов этих кругов находила своих сторонников со стороны некоторых испанских писателей и политиков.

Эти группы оказали сопротивление политике инициаторов реформ в Испании. Достаточно вспомнить ходатайство консульства Мехико с предложением ограничить грузопоток из метрополии в Новую Испанию и возвращения упраздненной системы флотилий, а также отрицательную реакцию коммерсантов против свободной торговли с иностранцами. Эти действия имели место и в других частях колоний, как, например, в Каракасе и Буэнос-Айресе. В то время как Испания эволюционизировала к либерализму, в Америке определенные круги пытались препятствовать новым течениям, вовлекая в свою орбиту наиболее многочисленные социальные группы.

Колониальная торговля, подверженная системе флотилий и регламентации, превратилась в подлинную монополию с целью обогащения сравнительно небольшой группы торговцев, чьи интересы были поставлены под угрозу, которую представил режим свободной конкуренции.

В политике Карла III выделяются разные цели, которые можно свести к следующим выводам: 1) в области экономической — расширение торговли, освобождая

ее от отжившей регламентации, которая обязывала придерживаться строгого курса в заграничном плавании, в укреплении производства и потребления; 2) в области финансовой — централизация доходов, режим защиты национальной промышленности и более рациональное распределение финансовых средств.

Вся эта политика сводилась к единой цели: лучшее использование американских владений путем накопление богатства и роста населения. Уже в 1777 г. был отмечен рост богатства в Новой Испании.

В докладе представителям торговых кругов Испании вице-король Букарели отмечал рост населения колоний и развития промышленности, указывая на огромные прибыли от торговли, в частности, когда в 1778 г. только от одного рейса Веракрус-Кадис торговые суда принесли в казну 29 млн. песо, в эквиваленте золота и серебра это составило 18 млн. Это прямой результат протекционистской политики, предоставленной мореплаванию и торговле с колониями, политики, в результате которой, как отмечалось в декрете от 1789 г., Новая Испания вошла в систему свободной торговли.

Социальные последствия реформ состояли в следующем. Установление новой системы нанесло сильный удар по коммерсантам, объединенным в Консульстве Мехико, которые строго охраняли свою торговую монополию от новых коммерсантов и свои личные интересы от конкуренции других колониальных городов. Эти коммерсанты рассматривали европейскую торговлю в качестве собственного краха. Поэтому выводили свои капиталы из торговли и

внедряли их в горнодобывающее производство или в сельское хозяйство.

В данном случае свободная торговля способствовала приобщению к ней новых представителей торговли, которые при старой системе были ограничены в своих действиях. Возникли условия для конкуренции.

Эти новые коммерсанты были более предприимчивы, чем старые. С другой стороны, потребители перестали быть пассивным элементом, подчиняющимся ценам старых коммерсантов. Теперь они предъявляли свои вкусы торговцам и поэтому мода стала играть главную роль. Новые коммерсанты вводили европейские новшества, которые казались экстравагантными.

К 1790 г. население в интендантстве г. Мехико составляло 1.200.000 жителей, а все население вице-королевства, по данным вице-короля Ревильяхихедо, составило 3,5 млн. человек [1].

Импорт составил в то время 13-14млн. песо, хотя на потребителей европейских товаров приходилось всего 4 песо в год на душу населения [2].

Согласно данным Ревильяхихедо о наличности циркулирующих денег с 1767 по 1793 г., то есть за 26 лет Монетный двор выпустил монет на 455.907.367 песо, из которых в Испании и островах Карибского бассейна циркулировало 379.213.374 песо, на Филиппинах — 39.000.000 и от контрабанды было извлечено 6.000.000 песо. Так что в Новой Испании в обороте оставалось более 31.500.000 песо [3].

Таким образом, по данным Ревильяхихедо ежегодно в обращение вводилось 1.218.000 песо [4].

В политике Карла III специальное внимание уделялось сельскому хозяйству Америки и помещикам пре-

доставлялась возможность покупки рабов, сельскохозяйственных орудий, приобретения семян престижных культур, в выращивании которых была заинтересована Корона, в улучшении средств сообщения, и, прежде всего, в свободной торговле.

За десятилетие 1770-1779 гг. сборы десятины в Новой Испании составили 13.394.147 песо, в следующее десятилетие сбор возрос до 18.354.071 песо [5].

Стоимость сельскохозяйственной продукции в 1770-1779 достигла 134 млн. песо, в 1780-1789 гг. она возросла до 183,5 млн. песо, разница таким образом составила 49.600.000 песо, то есть увеличилась на 37% [6]. Из сельскохозяйственных продуктов, имевших наибольшее значение для внешней торговли колоний, была пшеница. Новая Испания обеспечивала мукой все испанские острова Карибского бассейна и провинции Новой Гранады – Каракас и Маракайбо. Большая часть стоимости продуктов, которые эти колонии направляли в Новую Испанию, как например, воск из Гаваны, какао из Каракаса и Маракайбо, была оплачена мукой.

Однако торговля Новой Испании в последнюю четверть века терпела большие убытки ввиду конкуренции США, продукция которых, более дешевая по сравнению с мексиканской, вытесняла последнюю. Это касалось, прежде всего, Гаваны, являвшейся лучшим рынком, которым Новая Испания располагала для торговли мукой.

Горнодобывающая промышленность нуждалась в прогрессивной технологии. Однако этот эксперимент, связанный с привлечением группы немецких специалистов, работавших в Новой Испании с целью внедрения метода Борна, оказался не эффективным. Хотя

работа немцев в целом была полезной, их познания в химии были использованы Горной коллегией. Создание Горной коллегии и Горного трибунала стало крупным достижением металлургии XVIII века.

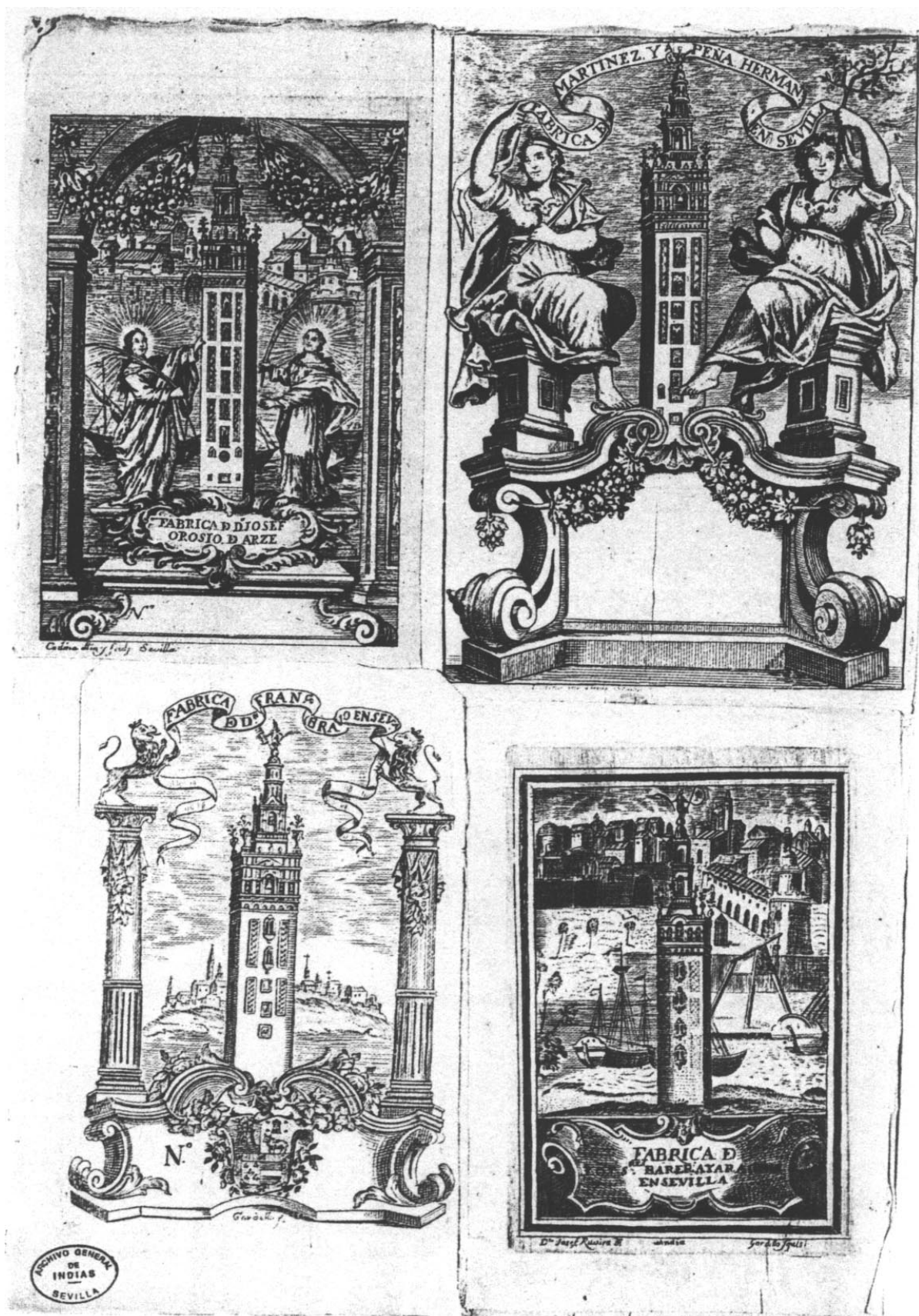
Развитие торговли, сельского хозяйства и промышленности способствовало производству драгметаллов. Достаточно сказать, что за десятилетие 1766-1776 г. Монетный двор Мехико выпустил монет на 203млн. песо, а с 1779 по 1791-252 млн. [7].

Хотя промышленность и делала определенные успехи, но объективно отсутствовала политика, направленная на ее развитие. Даже наиболее передовые и либеральные умы Испании XVIIIв. были настроены против развития промышленности в колониях. Идеи о колониальной политике следовали фальшивому принципу разделения труда, согласно которому функция колоний состояла в производстве необходимого сырья для обеспечения промышленности метрополии и потреблении продукции, ею произведенной.

Нельзя сказать, что этим принципам в Испании строго следовали, но верно то, что очень мало, или почти ничего не делалось для развития промышленности в Америке. Это была ошибочная и опасная политика, бытовавшая не только в Испании, но также и во Франции и Англии [8].

Производство хлопковых тканей в Новой Испании развивалось в целом свободно, тем более, что Испания не производила ткани, поэтому это производство могло развиваться беспрепятственно. К концу столетия эта отрасль бурно развивалась, хотя ввиду войны между Англией и США импорт тканей сократился и местное производство заменили поставки из Европы. Возросло

число мастерских и ткацких фабрик. Расцвело ювелирное и кузнечное производство.



Концентрация рабочих была невелика, за исключением шахт и королевских табачных фабрик.

Земельная проблема состояла в том, как и столетия назад, что огромные земельные площади являлись собственностью помещиков, находились в тех руках, которые их не обрабатывали и большая часть крестьян трудилась на чужих землях. Крестьяне были обязаны, в соответствии с контрактом, работать определенное время на земле собственника.

Рабочих рук в поле не хватало, и чтобы стимулировать селянина к работе на земле, ему наделялся небольшой клочок для личного пользования.

Корона без восторга смотрела на формирование крупных земельных собственников, которые превращались в натуральных помещиков.

Некоторые крупные чиновники осуждали латифундизм как одну из причин, которая тормозила развитие сельского хозяйства и экономики в целом.

Депутаты горной отрасли Гуанахуато, к примеру, говорили, что то был «город без общинного поля, пастбищ, гор, лесов, направленный против духа наших законов и во вред обществу» [9].

Вице-король Ревильяхихедо был более категоричным, и в 1791 г. он заявил: «Королевские земли терпят настоящую узурпацию и, находясь в частном владении, распределены на огромные поместья, охватывающие сотни лье, принадлежащие религиозным организациям, клерикалам, майоратам и частным лицам, число которых гораздо меньше по сравнению с остальным количеством вассалов... сельское хозяйство — это отрасль, монополизированная в «мертвых руках» [10] и отобранная у налогоплательщиков. Нанесен ущерб

общему делу...бедные вассалы получают землю для обработки и выращивания скота; но должно восторжествовать право возврата необрабатываемых земель и узурпированных; это очень деликатный вопрос, поскольку будет обсуждаться с сильными мира сего и тяжелым будет вознаграждение из-за отсутствия или нехватки общественных фондов» [11].

В области финансов наблюдалась тенденция к централизации прибылей. Система получения общественных должностей была упразднена и государство взяло на себя всю административную ответственность, правительство оплатило через казну все расходы и покончило таким образом с злоупотреблениями, вызывавшими жалобы, поскольку за должности надо было давать взятку. Распределения общественных должностей не были очень гибкими, они в основном затрагивали интересы потребителя с ограниченными ресурсами, этот дефект власти пытались исправить [12]. Так было дело с коррехидорами, замененных субделегатами, которые не имели торговых полномочий. Также была отменена старая система аренды, прибылей. Большая часть этих изменений произошла при Карле III, а после его кончины эта практика была прервана.

Эти реформы дали немедленные результаты и отдельные отрасли удвоили свои доходы. Например, алькабала в течении 13 лет – с 1766 по 1778 дала доход в сумме 19.844.000 песо; за следующие 13 лет, с 1779 по 1791 г. – 42.628.000 песо.

Таким же образом возросла прибыль от пультке (алкогольного напитка из сока агавы). Все ощутили влияние новых административных норм.

По мере роста вложений государство увеличивало свои расходы на возрастной персонал в ходе реформы. Критерий администрации состоял не в повышении прибылей и сокращении расходов. Ее волновало другое. Испанские губернаторы были убеждены в получении максимальной пользы с колоний и в необходимости создавать их богатство. Идеал состоял не в превращении Америки в землю нищих крестьян, а в том, чтобы креольский капитал располагал хорошими возможностями для своего развития. В Новой Испании в последние 30 лет XVIII в. строились дороги, ремонтировались и укреплялись порты и сооружения; в Мехико освещаются улицы и появляются мостовые в столице, строятся больницы, художественные заведения, как например, Королевская Академия Сан Карлос.

Расходы на оборону колоний значительно росли и из касс Новой Испании ежегодно тратилось 4.371.896 песо [13]. На оборону владений в Новой Испании выделялись следующие средства:

Гавана 2.113.741 песо,
Луизиана 555.137 песо,
Флорида 151.031 песо,
Пуэрто – Рико 377.096 песо,
Тринидад 200.000 песо,
Филиппины 250.000 песо.

Иногда делались чрезвычайные платежи. Например, Филиппины в 1798 г. получили 1 млн. песо на ведение войны на море, строительство фортификаций и вооружение армии [14].

Модернизация административной машины сопровождалась заменой персонала, который понимал

ценность архивов и статистики, то, от чего зависит выполнение обязанностей.

В 1787 г., еще до окончательного установления свободной торговли в Новой Испании, от вице-короля потребовались данные о торговле, потреблении, вкладах, состояния сельского хозяйства и т.д. В 1788 г. последовал его указ направлять в Испанию данные по семестрам о вкладах и выплатах, о торговле между Испанией и Америкой, количестве судов и стоимости товара.

Морская почта в 1764 г. приобрела эффективность и регулярно, раз в месяц, доставлялась адресату. Консульство г. Веракрус было обязано ежегодно формировать торговый баланс и публиковать его в печати. В Меморандуме Консульства его секретари представили в Совет Министров правительства доклады об экономическом положении колоний с обильными цифровыми данными и методическим анализом. Функционеры правительства вице-короля продемонстрировали хорошие знания экономики и финансов.

Происходила модернизация управленческого аппарата. Архив секретариата вице-короля, несмотря на колоссальное число исходящих бумаг о различных делах, был основан за короткое время. Издание в 6 томах, подготовленное Фонсекой и Уррутия по указу правительства, стало подлинным собранием финансов, статистики и переписи, сделанной во времена Ревильяхихедо, которая позволила получить полезные сведения о населении Новой Испании.

Согласно переписи 1790 г. в г. Мехико население составляло 103.189 жителей, из них:

европейцы – 2333,

креолы — 50,675
индейцы — 25,265
мулаты — 5,950
касты — 18,966

Было 44 титулованных из Кастилии, 118чел. — идадьго, 1112 — монахов и 2163 — монашек, 9.086 — индейцев различных племен, 97 работников по найму, 40 — горняков, 1384 — коммерсанта, 1474 — фабриканта, 8157 — ремесленников и 7430 — поденщиков [15].

БИОГРАФИЯ КАРЛА III

Сын Филиппа V и Изабеллы Фарнезио родился в Мадриде 20 января 1716 г. Ввиду невозможности занять испанский трон (Карлу исполнилось всего 15 лет), его мать принимает решение назначить сына принцем графств Парма, Пласенсия и Тоскана в 1731 г., принадлежавших испанской Короне в Италии. Спустя 3 года, в 1734 г., в период участия Испании в войне за польское наследство, Карл возглавил трон королевства Обеих Сицилий (Неаполь и Сицилия), обширную территорию в центре Апеннинского полуострова, но ради этого он должен был отказаться от притязаний на Парму, Пласенсию и Тоскану. В 1759 г. после кончины своего сводного брата Фердинанда VI, не оставившего наследников, Карл занял испанский трон. В Испании, имея за плечами двадцатилетний опыт правления в Италии, Карл успешно использовал его в реформаторской политике, вошедшей в историю под именем «просвещенного абсолютизма» на протяжении трех десятилетий своего правления.

Завершая свое правление в 1788 г. Карл III оставил в наследство потомкам великолепную столицу — Мадрид, преобразованное и обновленное государство. За огромный вклад в благоустройство Мадрида Карл III был назван «лучшим алькальдом (мэром) в истории столицы Испании». Благодаря его стараниям была подготовлена почва для внедрения экономического и политического либерализма XIX века.

ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА

Первоначальной мерой правительства, принятой новым монархом, явилось подтверждение полномочий всех министров Фердинанда VI за исключением должности министра экономики, которую возглавил неаполитанец маркиз Эскилаче, прибывший из Италии вместе с Карлом.

Будучи главным действующим лицом Короны, Карл III сосредоточивается, прежде всего, на амбициозной программе реформ. Пользуясь поддержкой образованных людей, сторонников реформирования страны, итальянцев Эскилаче и Гримальди, а также испанцев Аранды, Кампоманеса, Флоридабланки и Олавиде, монарх осуществляет глубокие реформы в административной, политической и социально-экономической структурах Испании, которые нанесли серьезный ущерб аристократической и религиозной олигархиям и способствовали достижениям молодой буржуазии и ее стремлениям укрепить промышленный потенциал и возродить сельское хозяйство.

С начала 60-х годов XVIII века внедряются в практику первые реформы: ограничение вековых прав священников, ограничение прямой эксплуатации собственности монахов, изгнание главного инквизитора Кинтаны, запрещение Святому Престолу публиковать список запрещенных книг без королевской лицензии, либерализация торговли с колониями, упразднение торговой монополии Кадиса. Университеты, не имеющие привилегий, получают право занимать общественные должности.

В период проведения вышеуказанных мер, в Мадриде (март 1766 г.) вспыхнули уличные беспорядки среди населения против реформаторской политики, руководимой Эскилаче. Основная причина протеста состояла в публикации Королевского декрета об одежде, но в действительности беспорядки были спровоцированы знатью, церковниками и торговыми компаниями против политики реформ, упразднивших привилегии, на которые опирались эти три столпа Старого режима.

В результате беспорядков Эскилаче лишился должности председателя правительства, однако политические планы Короны продолжают оставаться под контролем реформаторов Аранды, Кампоманеса и Флоридабланки. По их инициативе реформаторская политика становится более последовательной с целью преодоления открытой оппозиции привилегированных классов. Тем не менее, радикальные реформы были проведены: были избраны представители муниципалитетов с правом голоса в Кортесах, изгнаны иезуиты (1767 г.) и запрещена Компания Иисуса с согласия папы Клементя XIV (1773 г.).

Также не избежала важных реформ и католическая церковь: сокращены привилегии Церкви относительно проведения пыток, переданы в гражданское судопроизводство дела о супружеской неверности и двоеженстве, Инквизиция лишилась права тюремного заключения без выяснения ереси, сокращены судебные льготы для священников, отменено право убежища в святых местах и государство получило право инвентаризации имущества епископата после кончины епископа. В качестве компенсации за ограничение прав Церкви в

1776 г. Инквизиция осуждает Пабло де Олавиде, выдающегося реформатора и интенданта Андалузии, на 8 лет тюремного заключения, на бессрочное изгнание и конфискацию всего имущества. Другие реформы были направлены на более конкретные цели в экономической политике: распределение общественных земель, разделение латифундий, отмена отдельных привилегий Месты, крестьянская колонизация новых земель в Сьерра Морена, развитие промышленности в противовес архаической твердости корпораций и цехов, упразднение внутренних таможен, либерализация торговли зерном и торговли с американскими колониями, создание торговых Советов и Экономического Общества Друзей Страны.

Все эти меры сопровождались развитием экономики и торговли. Была предпринята амбициозная политика общественных работ, посвященных улучшению сети дорог и строительству мостов, созданию инфраструктуры морской торговли и новых портов. Предпринято строительство гидротехнических сооружений и создание государственной сети почтовой службы. Что касается финансовой политики, были сделаны важные достижения: унификация монетной системы, создание королевских векселей, внедрение бумажных денег и создание первого государственного банка (Банк Сан Карлос, 1782 г.).

Была проведена реформа в области просвещения: университеты перешли во владение королевской юрисдикции (1768 г.) и были открыты Курсы Сан-Исидро в Мадриде (1770 г.), а также первый Образовательный центр просвещения, финансируемый по новому плану.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

После смерти королевы Марии Амалии Саксонской (1760 г.), внешняя политика Испании была сориентирована на Францию после подписания третьего Фамильного пакта (1761 г.), и в соответствии с которым участие Испании в Семилетней войне сопровождалось постоянными столкновениями с англичанами, которые оккупировали Гавану и Манилу пока испанцы возвращали Сакраменто и оккупировали Португалию. Таким образом, был положен конец периоду нейтралитета в правление Фердинанда VI. Война закончилась в 1763 г. Парижским миром, по которому Испания получила французскую Луизиану, возвратила Манилу и Гавану, но в обмен должна была отдать Сакраменто и отказаться от Флориды, залива Пенсаколы и крепости Сан-Агустин.

В годы правления Карла III внешняя политика характеризуется развитием дипломатической активности, возглавленной главными реформаторами.

Так, Флоридабланка являлся испанским послом в Риме, где добивается принятия решения папой Клементом XIV об упразднении компании иезуитов (1773 г.), в то время как Аранда становится испанским послом в Париже. После интенсивной и плодотворной политики реформ, последнее десятилетие правления Карла III было отмечено возобновлением войны с Великобританией и проведением агрессивной внешней политики. Так, между 1779 и 1782 гг. при поддержке Франции, Испания предпринимает войну с англичанами с двойным намерением вернуть европейские и

американские владения, ранее утраченные. В данном контексте Испания пытается вернуть Гибралтар и Менорку, но безуспешно. После войны англичане были обязаны вернуть испанцам Флориду и Гондурас, одновременно признав оккупацию испанцами Менорки по Версальскому договору 1783 г.

С другой стороны на севере Африки, после периода вооруженных столкновений, Испания осуществляет политику мира в Средиземноморье с целью овладения торговыми путями. С этой целью были подписаны мирные договоры с берберами на севере Африки и с Османской империей (1780-1786 гг.), добиваясь торговых привилегий по импорту зерна и гарантий нейтралитета мусульман.

КОРОЛЕВСКАЯ СЕМЬЯ

Карл III был женат на Амалии Саксонской, которая родила ему семеро сыновей и шесть дочерей, из которых пятеро детей умерли во время правления родителей в королевстве Обеих Сицилий. Старший сын Филипп как наследник престола оказался неспособным возглавлять престол, в силу чего наследником стал второй сын Карлос Антонио, принявший присягу в качестве Принца Астурийского, когда родители прибыли в Испанию. Третий сын Карла III и Марии Амалии Саксонской Фердинанд был коронован Неаполитанским королем после того, как его отец занял испанский трон в 1759 г. [1].

1. Reyes de España. Logograph multimedia S.L. – Octubre de 1998.

SUMARIO

Los investigadores soviéticos de historia social-económica de América Latina creían que capitalismo como fenómeno en esta región apareció solamente al final del siglo XVIII. En los años 60-70 del siglo XX en la historiografía apareció el concepto del “capitalismo dependiente” que indicaba la fecha del comienzo de era capitalista a finales de siglo XIX. Actualmente los latinoamericanistas de varios países de nuevo se dirigen a los problemas vinculados con el carácter y el nivel del desarrollo de economía colonial [1].

Usando una nueva y suficiente asegurada argumentación los sabios prueban contestar a la misma pregunta: feudalismo o capitalismo? Si fue capitalismo, entonces – cuando nació y cómo ha conquistado posiciones muy seguras, apareció éste fenómeno dentro de las colonias o fue introducido desde los países más desarrollados de Europa?

En los últimos años la mayoría de los investigadores se declinan a la idea que economía de Iberoamérica se desarrollaba por la vía capitalista. Pero, a la vez, el capitalismo latinoamericano tiene una mayoría de rasgos y por eso tiene su propia originalidad o peculiaridad.

En la segunda mitad del siglo XVIII cómo en metrópoli, tanto en las colonias ocurrieron cambios importantes vinculados con las reformas del rey español Carlos III, representante de nueva dinastía de los Borbones.

Las reformas en primer lugar fueron vinculadas con intereses de la Corona – el crecimiento de las ganancias del Estado.

En la historiografía rusa, ucraniana y extranjera los resultados de la actividad reformatoria de Carlos III se apresian inunivocamente. La mayoría de los autores concideran que las reformas tuvieron una gran importancia y se realizaban en visperas de las guerras independentistas y por ese se puede suponer sus grandes influencias a la situación en America.

En los trabajos de los historiadores sovieticos se subrayaban las inconsecuencias de las reformas de Carlos III, la concervación de sistema de explotación de poblacion colonial, la prohibición del comercio colonial con el extranjero, es decir, todo lo que les impedia al desarrollo economico en colónias.

Hay que decir que el más gran impórte en la historiografía latinoamericana en la URSS introdujeron los sabios del Instituto de America Latina que en 2006 ha cumplido 45 años de la fundación.

En los años 70-80 salió una cantidad de trabajos: monografías, articulos, ensayos, folletos, etc., consagrados a varios problemas del mundo Iberoamericano, y en especial, a las reformas de Carlos III.

Doctora en ciencias historicas Nina Illina en su monografía “Colombia: de colónia a la independencia /1781-1819/” [2] prestó mucha atención al “Reglamento de libre comercio de 1778”, analizó el proceso, que, por su opiñón, no pudo exterminar a contrabando, analizó el fenomeno de la expulsión de los jesuitas, la politica agraria de la Corona que favorecía solamente a los terratenintes e impobrecía a los indios, la implantación del monopolio tabacalero que empeoró la situación economica de población y aseleró el levantamiento de los Comuneros en el vice- reinato de Nueva Granada.

Los sabios del mismo Instituto prepararon una Serie de monografías colectivas sobre cultura de Colombia, Perú, Mejico, Argentina, Cuba, en la cuales presentaron un analisis frecuente sobre costumbres, folklore, ciencia, arte, literatura, musica y teatro en epoca colonial, En el capitudo VII de nuestra monografia hemos prestado mas atención a los trabajos de los investigadores del Instituto, referentes a la epoca del siglo XVIII y, en especial, a las reformas de Carlos III.

Entre otros los mas interesantes se concideran los articulos de Davydov V.M.[3], Selivanov V.N.[4], Struyski P.A.[5], Sergievsky A.A., Tabunov S.N.[6], Gribanov A.B.[7], Sheleshneva N.A.[8] y otros.

En la monografía “Ensayos sobre historia de Cuba”[9], preparada en el Instituto de Historia Universal de la Academia de Ciencias de la URSS, a pesar de que se investiga la historia del periodo colonial hasta los años 70 del siglo XX., varias paginas fueron consagradas a las reformas de Carlos III, vinculadas con la situación internacional de Cuba durante la Guerra de Ciete años /1756-1763/. Se presta atención a la politica comercial de 1778 en America Latina, a la expulsión de los jesuitas.

Como conclusión se subraya que el más grande golpe al regimen de monopolio comercial de España causó la lucha de colonias norteamericanas de Inglaterra por su independencia /1776-1783/.

La monografía del conocido investigador — latinoamericanista sovietico Alperovich M.S. “Francisco de Miranda en Rúsia” [10], consagrada a la visita en Rusia del conocido dirigente del movimiento de liberación latinoamericana que actuó de finales del siglo XVIII hasta comienzos del siglo XIX.

Prestando mucha atención a la actividad de Miranda en busca de aliados en lucha futura contra España, el autor presenta atención a las contradicciones entre España e Inglaterra durante el reinado de Carlos III y Catarina II de Rusia.

Entre retratos de los dirigentes de Rúsia, Suecia, Inglaterra, Estados Unidos en la monografía de Alperovich M.S. fueron colocados imagenes de condes de Aranda, Floridablanca y del Rey de España Carlos III, inspirador principal de las reformas que estremecieron el mundo Iberoamericano en el siglo XVIII.

El protagonismo esencial del reinado de Carlos III se encuentra fundamentalmente en la aplicación de un ambicioso programa de reformas, denominado como “despotismo ilustrado”. El monarca lleva a cabo una profunda reforma de la administración, la organización política y la estructura socioeconomica de España, que afecta seriamente a los intereses de la oligarquía aristocratica y religiosa y favorece a la incipiente burguesía, que aparece como la clase social más dinamica del país por su interes en potenciar el desarrollo industrial y en superar la ruralización de la economia.

Désde comienzos de la decada de 1760 se empiezan a poner en practica las primeras medidas reformadoras: restricciones a los derechos temporales del clero, limitaciones a la explotación directa de propiedades monacales, limitación de la Inquisición, prohibición al Santo oficio de publicar indices expurgatorios sin licencia real, expulsión de los jesuitas (1767) y extinción de la propia Compañia de Jesús por parte del Para Clemente XIV (1773), pohibición a la Inquisición del encarcelamiento sin pruebas de herejia, limitación del derecho de asilo en lugar

sagrado, la división de latifundios, la supresión de algunos privilegios de la Mesta. Todas éstas medidas iban encaminadas a fomentar el crecimiento económico y el desarrollo del comercio.

Como consecuencia de la combinación de todas éstas medidas, en marzo de 1766 estallan numerosos motines populares contra la política reformista dirigida por Esquilache. En realidad los motines han sido fomentados por la nobleza, el clero y los gremios frente a una política de reformas bajo el control de reformistas ilustrados como Aranda, Camponanes y Floridablanca.

Las reformas llegaron a América con Carlos III. Lo cierto es que el origen del cambio estuvo en el refuerzo de la Corona, ya que a muchos españoles de la época y especialmente al mismo Carlos III, les parecía aun más urgente tomar un Nuevo rumbo en los asuntos coloniales que en los de la península.

La reforma se orientó en el caso americano hacia dos fines: suprimir el vetusto e inoperante Consejo de Indias e implantar la intendencia, reestructurar el sistema de flotas y sobre todo mejorar el correo, inaugurar la ruta del cabo de Hornos y dar el paso a las compañías mercantiles, reorganizar el gobierno colonial, liberar el comercio, instruir de los indígenas y mejorar la condición de los mismos.

Las reformas borbónicas beneficiaron sin embargo a Guayaquil que, aprovechando el simultáneo aumento de la demanda mundial de cacao, pudo ya desde fines del siglo XVIII ir ocupando el puesto que durante siglo y medio tendrá en el sistema económico internacional. La metrópoli proporcionó los mecanismos que hicieron viables los cambios profundos que simultáneamente se estaban dando en el sistema productivo guayaquileño. Fue, en efecto, a

finis del siglo XVIII cuando comenzó la prosperidad de Guayaquil, que hasta bien entrado el siglo XX será la principal productora de cacao en el mundo.

La reforma llega a América relentizada de buenos resultados que tienen una trascendencia mayor que en España.

Carlos III no fue un revolucionario sino un reformador prudente que no quería acelerar procesos ya en marcha. Al terminar su reinado seguía habiendo Mesta, gremios, Inquisición, estatutos, pero todas estas instituciones habían perdido vigor, se habían desnaturalizado, estaban al borde de la extinción.

Para Carlos III resultan preferibles siguientes cualidades: energía, honestidad, desinterés, sentido de deber, aserto para escoger buenos ministros y firmeza para respaldar sus actos. Su actuación como gobernante fue más beneficiosa para su pueblo. Para él no existía la discordancia que muchas veces afloró en los Habsburgos entre los intereses dinásticos y los intereses de la nación. Carlos III fue, en todos los sentidos, el rey de España, el rey de todos los españoles. Para él no hubo objetivo más alto ni fin más noble, y esa es la base de su permanente popularidad, la explicación de su renombre.

ПРИМЕЧАНИЯ

ВВЕДЕНИЕ

1. Archivo General de Indias. – Colección Archivos Europeos. – Editores, S.A. LUNWERG. – Madrid, 1995. – P.254 // Из письма Хосе Пабло Вальенте королю, 16.09.1809. Севилья.
2. Soldevila, Ferran. Historia de de España. – Vol.II. – Serie Mayor. – Critica. – Barcelona, 1995.
3. Oliveros, Maria Teresa. Maria Amalia de Sajonia, Esposa de Carlos III. – Madrid, 1953.
4. Carrera Pujal, J.Historia de la economia española. – Tomo V. – Madrid, 1976.
5. Ruíz y Pablo, Angel. Historia de la Real Junta particular de Comercio de Barcelona (1758-1847). – Barcelona, 1919.
6. García de Cortazar, F., González Vesga, J.M. Breve historia de España. – Alianza Editorial. – Madrid, 1993.
7. Archivo General de Indias. – Colección Archivos Europeos. – Madrid, 1995. – P.282.
8. Archivo General de Indias. – Colección Archivos Europeos. – Madrid, 1995. – P.282 // Mexico, 2728.
9. Dominquez Ortiz, A. Carlos III y la España de la Ilustración. – Alianza Editorial. – Madrid, 1990.
10. Archivo General de Indias. – Colección Archivos Europeos. – Madrid, 1995. – p.256.
11. Archivo General de Indias. – Colección Archivos Europeos. – Madrid, 1995. – P.260 // Documentos Escogidos. – 1, №119.

12. Coloquio Internacional: Carlos III y su época.-Tomo II.
– Madrid, MCMLXXXVIII.
13. Los Reyes en Navarra: Visita oficial de SS.MM.los
reyes Don Juan Carlos I y Doña Sofía a la Comunidad
Foral de Navarra 8,9 y 10 febrero de 1988. – Gobierno
de Navarra. – Pamplona, 1998.
14. Rodríguez, Jesús, Sánchez-Mellado, Luz. Retrato
intimo de la Soberana. – El País semanal, 1 de
noviembre de 1998.- Madrid,1998.
15. Preston, Paul. Doña Sofía de profesión Reina. – El País
semanal, 1 de noviembre de 1988. – Madrid, 1998.
16. Народ ищет невесту для наследного принца
Филиппа. – Журнал «Отдохни»! – Донецк. – №11,
1998.
17. España, 1995. Subdirección general de Asistencia a la
Función Informativa. – Ministerio de la Presidencia. –
Secretario General del Portavoz del Gobierno. – Madrid,
1993.
18. Aznar, José María. España. La Segunda transición.-
Espasa Calpe. – 2-da Edición. – Madrid, 1994.
19. El País, 19.09.2004. – P.16.
20. Ibid. – P.31.
21. Ibid. – P.19.
22. Ibidem.
23. El País, 19.09.2004. – P.22.
24. Ibidem.
25. Ibidem.
26. Ibidem.
27. Ibidem.
28. Ibidem.
29. Ibidem.
30. Ibidem.

31. Ibidem.

ГЛАВА I

1. Navarro Garcia, L. Carlos III y America // America Española en la epoca de Carlos III, Archivo General de Indias, Sevilla, 1985. – P.9.
2. Ramos Pérez, D. La política Americana de Carlos III y Carlos IV entre las grandes tensiones de la epoca // Historia General de España y America – Tomo XI- 2º – Ediciones Rialp, S.A. – Madrid, 1989. – P.5.
3. Ramos Pérez, D. – Op. cit. – P.8.
4. Archivo General de Indias. – Colección Archivos Europeos. – Madrid, 1995. – p.262 // Biblioteca, L.A. – siglo XVIII. – 349.
5. Archivo General de Indias. – Colección Archivos Europeos. – Madrid, 1995. – p.262 // M.P. Uniformes, 25.
6. Ramos Pérez, D. – Op. cit. – P.8.
7. Ayala, M.J. Diccionario de Gobierno y Legislación Hispanica – Madrid, 1988. – P.97.
8. Фанега – мера сыпучих тел в Кастилии, равная 55,5 литра.
9. Corona, Carlos E. El Ejercito y la reforma borbonica española en el siglo XVIII // Floresta historica. Homenaje a Fernando Solano Costa,- Diputación provincial de Zaragoza, 1981 – P.65.
10. Corona, Carlos E. – Op. cit. – P.66.
11. Torres Sanches, Jaime. La Real Hacienda del Reino de Chile y los gastos militares (1770-1780) // Actas del III

- Congreso Venezolano de Historia – I. II. – P.289-313. Caracas.
12. Archivo General de Indias. – Collección. Archivos Europeos – Madrid, Santo Domingo, 1588.)
 13. Archivo General de Indias. – Colección Archivos Europeos. – Madrid, 1995. – p.258//M.P. Filipinas, 42. Ter.
 14. Pereira, C. Historia de la America Española. T. VII – Sevilla, 1947. – P.306.
 15. Kuethe, Alan. Reforma militar y control politico en Nueva Granada. // Actas del III Congreso Venezolano de historia – Caracas. – P.139-160.
 16. Borja Medina, F. La reforma del ejercito en Nueva España. 1785 // Anuario de estudios americanos. – Tomo XLI – P.350.
 17. Jbid. – P.322.
 18. Borja Medina, F. – Op. Cit. – P.329.
 19. Arcila Farías, E. El siglo ilustrado en America. Reformas economicas del siglo XVIII en Nueva España – Ediciones del Ministrerio de Educación. Dirección de Cultura y Bellas Artes. – Caracas-Velezuela, 1955. – P.95.
 20. Ramos Perez. D. – Op. cit. – P.9.
 21. Ibidem.
 22. Ibidem.
 23. Ramos Pérez. D. – Op. cit. – P.11.

ГЛАВА II

1. Vives Azancot, Pedro A. El Espacio Americano español en en siglo XVIII. Un proceso de regionalización //

- Revista de Indias. – Año XXXVIII. – №151-152, enero-junio de 1978. – P.140.
2. Vives Azancot, P.A. – Op. cit. – P.142.
 3. Haring, Clarence H. El imperio hispanico en America. – Buenos Aires, 1966. – P.145.
 4. Diccionario del Gobierno y Legislación de Indias. – Op. cit. – Tomo IV. – P.342.
 5. Diccionario del Gobierno y Legislación de Indias. – Op. cit. – Tomo IV. – P.343.
 6. Ibidem
 7. Diccionario del Gobierno y Legislación de Indias. – Op. cit. – Tomo IV. – P.343.
 8. Ibidem
 9. Hernandez Sanchez – Barba, M. El Bicentenario de 1766: America y la estrategia de seguridad atlantica en el reformista español // Revista de la Universidad Complutense. – Vol. XXVI. – №107, 1977. – P.19.
 10. Morgan V. Historia del dinero. – Madrid, 1972. – P.374.
 11. Parry Y.H. El imperio español de Ultramar. – Madrid, 1970. – P.287.
 12. Parry Y.H. El imperio español de Ultramar. – Madrid, 1970. – P.288-289.
 13. Navarro García, L. Intendencias en Indias. – Sevilla, 1959. – P.17.
 14. Navarro García, L. – Op. cit. – P.11.
 15. Navarro García, L. – Op. cit. – P.12.
 16. Navarro García, L. – Op. cit. – P.14.
 17. Archivo General de Indias. – Colección Archivos Europeos. – Madrid, 1995. – P.270 // M.P. Buenos Aires, 107.

18. Archivo General de Indias. – Colección Archivos Europeos. – Madrid, 1995. – P.269 // M.P., Buenos Aires, 80.

ГЛАВА III

1. Arcila Farias, F. – Op. Cit. – P.185.
2. Arcila Farias, F. – Op. Cit. – P.185.
3. José de Galvez. Informe al virrey Bucareli. – Mexico, 1867. – P.72.
4. Arcila Farias, F. – Op. cit. – P.186.
5. Carta de Virrey Bucareli a los diputados del comercio de España. – Abril 9, 1777. – Marina, vol.39, s.f.A.
6. Arcila Farias, F. – Op. cit. – P.188.
7. Марко – единица веса золота и серебра = 230 г.
8. Revillagigedo, carta del 29. X.1791. – Correspondencia del Virrey. – Vol.162, f.199. – Archivo general de Mexico.
9. Arcila Farias, F. – Op. cit. – P.188.
10. Archivo General de Indias, 2/6103, Lima, 1332, copia №37, 1786.
11. Arcila Farias, E. – Op. cit. – P.193.
12. Arcila Farias, E. – Op. cit. – P.196.
13. Archivo General de Indias. – Colección Archivos Europeos. – Madrid, 1995. – p.272//M.P. Mexico, 721.
14. Recopilación de Leyes de Indias. – Lib. 6, tit. XV.
15. Miranda, José. Las Instituciones del siglo XVII en la America Española. – El Colegio de Mexico. – P.198.
16. Fonseca y Urrutia. Historia general de la Real Hacienda. – Mexico, 1845-1846. – T.I. – P.12.
17. Fonseca y Urrutia. – Op. cit. – T.4. – PP.6-13.

18. Arcila Farias, F. – Op. cit. – P.201.
19. Archivo General Nacional. Revillagigedo. Informe sobre las intendencias del 5 de mayo de 1791. – Correspondencia del Virrey. – Vol.23, f.f.214-215.
20. Archivo General de Indias. – Colección Archivos Europeos. – Madrid, 1995. – p.272//M.P. Ingenios y Muestras, 162.
21. Archivo General de Indias. – Colección Archivos Europeos. – Madrid, 1995. – p.275//M.P. Estampos, 254.
22. Arcila Farias, F. – Op. Cit. – P.207.
23. Arcila Farias, F. – Op. Cit. – P.207-208.
24. Arcila Farias, F. – Op. Cit. – P.215.
25. Archivo General de Indias. – Colección Archivos Europeos. – Madrid, 1995. – p.268//M.P. Perú y Chile, 187.

ГЛАВА IV

1. Diccionario de Gobierno y Legislación de Indias. Tomo III. – Ediciones de Cultura Hispanica. – Madrid, 1988. – P.252.
2. Ibidem.
3. Diccionario de Gobierno y Legislación de Indias-Tomo III. – P.253.
4. Ibidem.
5. Arribada – налог на корабль при прибытии и убытии из порта.
6. Reales Cédulas, V.144, f.212 – Real Orden de Junio 19, 1778. – A.G.N. Mexico.

7. Árate, José-Maria, Felix Lave de. Nuevo Mundo antemural de las Indias Occidentales. La Habana, 1876. – P.278.
8. Arcila Farias, F. Op. cit. – P.30.
9. Кастельяно – старинная золотая монета.
10. Real Orden de Julio 24, 1790. Marina, V.95, Exp.1 – A.G.N Mex.
11. Campillo y Cusió, José. Nuevo Sistema de gobierno económico. Madrid, 1789. 1 parte. – P.19.
12. Arcila Farias, F. El Siglo ilustrado en America. – Reformas económicas del siglo XVIII en Nueva España. – Ediciones del Ministerio de Educación. – Dirección de Cultura y Bellas Artes. – Caracas-Venezuela, 1955. – P.95.
13. Palmeo – налог на изделия различной длины, которые измерялись пядями.
14. Real Cedula de enero 17, 1774. Reales Cedulas, V.104, f.13. – AGN, Mexico.
15. Arcila Farias, F. – Op. cit. – P.104.
16. Ibid. – P.114.
17. Op. cit. – P.115.
18. Ibidem.
19. Arcila Farias, E. – Op. cit. – P.116.
20. Ibid. – P.117.
21. Diccionario de Gobierno y Legislación de Indias. – Tomo III. – P.254.
22. Diccionario de Gobierno y Legislación de Indias. – Tomo IV. – P.47
23. Arcila Farias, F. – Op. cit. – P.34
24. Ibid. – P.54.
25. Рост = 7 четвертей /cuartas/, молодой возраст и без дефектов.

ГЛАВА V

1. Osma de Vaca, José Antonio. Carlos III. – Madrid, Ediciones Rialp, S.A., 1997. – P.167.
2. Валлоны – выходцы из Голландии, зависимой от Испании.
3. Osma de Vaca, José Antonio. Carlos III. – Madrid, Ediciones Rialp, S.A., 1997. – P.168.
4. Sabala y Lera, P. España bajo los Borbones. – Barcelona – Buenos Aires. – Editorial Labor, S.A., 1926. – P.50.
5. Sabala y Lera, P. – Op.cit. – P.50.
6. Osma de Vaca, Jose Antonio. Carlos III. – Madrid, Ediciones Rialp, S.A., 1997. – P.170.
7. Ibid. – P.173.
8. Ibid. – P.174.
9. Ibid. – P.177-178.
10. Ramos Pérez, D. – Op.cit. – P.12.
11. Ramos Pérez, D. – Op.cit. – P.12.
12. Ramos Pérez, D. – Op.cit. – P.13
13. Янсенизм – религиозно-философские течение в католицизме как разновидность протестантизма, возникшее после выхода в свет книги К.Янсения «Август». Учение связано с пересмотром догм католицизма, в частности этических принципов и практики иезуитов // Советская историческая энциклопедия. – Т.16. – М.: Сов. энциклопедия, 1976. – С.898.
14. Manuel Josef de Ayala. Diccionario de Gobierno y Legislación de Indias. Tomo IV. – Ediciones de Cultura Hispanica. – Madrid, 1988. – P.104.

15. Ibidem.
16. García Alix. Un suceso palito en el reinado de Carlos III // Atenso, 1906. – Tomo I. – Madrid. – P.75.
17. Sabala y Lera, P. España bajo los Borbones. – Barcelona – Buenos Aires. – Editorial Labor, S.A., 1926. – P.52.
18. Sabala y Lera, P. – Op. cit – P.53.
19. Dominguez Ortíz, A. Carlos III y la España de la ilustración. Alianza Editorial. – Madrid, 1988.-P.91.
20. Ramos Pérez, D. – Op.cit. – P.14.
21. При условии, что автор – католик.
22. Ramos Pérez D. – Op.cit. – P.15
23. Pacheco de Leiva. El Conclave de 1774 a 1775. Acción de las Cortes Catolicas en la supreción de la Compañía de Jesús según documentos españoles. – Madrid, 1915. – P.125.
24. Archivo General de Indias. Sevilla. – Fondo-Indiferente 3087. – Fecha documento 1773. – P.24.
25. Ibid. – P.28.
26. Archivo General de Indias. – Op. cit. – P.28.
27. Ibid. – P.33.
28. Ibidem.
29. Archivo General de Indias. – Op. cit. – P.40.
30. Dominguez Ortíz, A. Carlos III y la España de la Ilustración. Alinza Editorial. – Madrid, 1988. – P.92.
31. Ibidem.
32. Ibidem.
33. Ibidem.

ГЛАВА VI

1. Peset, José Luis. Las Ciencias en la America Española en la epoca de Carlos III. – Archivo General de Indias. – Sevilla, 1785-1985. – P.47.
2. Archivo General de Indias. – Colección Archivos Europeos. – Editores, S.A. LUNWERG. – Madrid, 1995. – P.232. // Indiferente General, 1653. – Sevilla.
3. Peset, José Luis. – Op.cit. – Archivo General de Indias. – Sevilla, 1785-1985. – P.50.
4. Peset, José Luis. Las Ciencias en la America Española en la epoca de Carlos III. – Archivo General de Indias. – Sevilla, 1785-1985. – P.46.
5. Ibidem.
6. Селиванов В.Н. Культура колониальной Колумбии. – Сб. “Культура Колумбии”. – Москва, Наука, 1974. – С.68.
7. Archivo General de Indias. – Colección Archivos Europeos. – Madrid, 1995. – P.280.
8. Селиванов В.Н. – Указ.соч. – С.72.
9. Archivo General de Indias. – Op.cit. – P.278.
- 10.Сергиевский А.А., Табунов С.Н. Очерк развития национальной литературы. Проза // Сб. «Культура Колумбии». – Москва, Наука, 1974. – С.148.
- 11.Gómez Restrepo, A. Historia de la literatura colombiana. – V.1. – Bogota, 1956. – P.14-15.
- 12.Сергиевский А.А., Табунов С.А. – Указ.соч. – С.149.
- 13.Синюкова В.С. Живопись Колумбии. – Сб. “Культура Колумбии”. – М., Наука, 1974. – С.214.
- 14.Синюкова В.С. – Указ. соч. – С.221-223.

15. Струйский П.А. Национальная музыкальная культура. (Исторический очерк). – Сб. “Культура Колумбии”. – М., Наука, 1974. – С.254-255.
16. Давыдов В.М. Научно-исследовательская деятельность в Перу. Предыстория, современное состояние и перспектива развития. – В сб. “Культура Перу”. – Изд. Академии наук СССР. – М., Наука, 1975. – С.156.
17. Archivo General de Indias. – Colección Archivos Europeos. – Editores, S.A.LUNWERG, Madrid, 1995. – P.278.
18. Давыдов В.М. – Указ. соч. – С.157.
19. Грибанов А.Б. Краткий очерк истории перуанской литературы колониального периода. – В сб. “Культура Перу”. – М., Наука. 1975. – С.233.
20. Bataillon M. Introducción a Concolocorvo. – Cuadernos Americanos, vol. XIX, № 4. – Mexico, 1960.
21. Шелешнева Н.А. Живопись Перу. – В сб. “Культура Перу”. – М., Наука, 1975. – С.274.
22. Струйский П.А. Национальная музыкальная культура. – В сб. “Культура Перу.” – М., Наука, 1975. – С.333.
23. Струйский П.А. Национальная музыкальная культура. – В сб. “Культура Перу”. – М., Наука, 1975. – С.333.
24. Valcarcel L.E. Ruta cultural del Perú. – Lima, 1964. Escobar G. Organización social y cultural del Peru. – Mexico, 1967.
25. Селиванов В.Н. Культура колониальной Аргентины. – В сб. “Культура Аргентины”. – М., Наука, 1977. – С.15; Мариатеги Х.К. Семь очерков истолкования перуанской действительности. – М., 1963. – С.55-58.

26. Archivo General de Indias. – Collección Archivos Europeos. – Editores, S.A.LUNWERG, Madrid, 1995. – P.280.
27. Селиванов В.Н. – Указ. соч. – С.20.
28. Субичус Б.Ю. Из истории аргентинской литературы XVI – XIX вв. – В сб. “Культура Аргентины”. – М., Наука, 1977. – С.26.
29. Оводов О.Б. Драматургия и театральное искусство Аргентины. – В сб. “Культура Аргентины”. – М., Наука, 1977. – С.309; Breve Historia del teatro Argentino. – Т.1. – Buenos Aires, 1962. – P.16.
30. Струйский П.А. Национальная музыкальная культура Аргентины. Исторический очерк. – В сб. “Культура Аргентины”. – М., Наука, 1977. – С.215.

ГЛАВА VII

1. Arcila Farias, Eduardo. El Siglo ilustrado en America. Reformas economicas del siglo XVIII en Nueva España. – Ediciones del Ministerio de Educación. – Caracas-Venezuela, 1955. – P.260.
2. Ibidem.
3. Ibid. – P.266.
4. Ibidem.
5. Op.cit. – P.267.
6. Ibid. – P.267.
7. Ibid. – 269.
8. Bagu, Sergio. Economia de la Sociedad colonial. Ensayo de historia comparada de America Latina.- Buenos Aires, 1949. – P.P.71-72
9. Arcila Farias E. – Op. cit. – P.271

10. Необрабатываемая помещичья земля
11. Arcila Farias. – Op.cit. – P.272.
12. Ibid. – P.273.
13. Arcila Farias, E. – Op. cit. – P.274
14. Ibidem
15. Ibid. – P.275.

SUMARIOI

1. Поскониная О. История Латинской Америки (до XX века): Москва, Весь мир, 2005. – 247 с.
Posconina Olga. Historia de America Latina (hasta el siglo XX). – Moscú – Mundo Completo, 2005. – 247 p.
2. Ильина Н.Г. Колумбия: от колонии к независимости. – М., Наука, 1976. – 325 с.
Illina N.G. Colombia: de colonia a la independencia. – Moscú, Nauka, 1976. – 325 p.
3. Давыдов В.М. Научно-исследовательская деятельность Перу. – В сб. «Культура Перу». – М., Наука, 1975. – С.153-186.
Davydov V.M. La actividad científico-investigadora en Perú. – Colección “Cultura del Perú”. – Moscú, Nauka, 1975. – P.153-186.
4. Селиванов В.Н. Культура колониальной Колумбии. – В сб. «Культура Перу». – М., Наука, 1974 – С.60-76.
Selivanov V.N. Cultura de Colombia colonial. – Colección “Cultura de Perú”. – Moscú, Nauka, 1974 – P.60-76.

5. Струйский П.А. Национальная музыкальная культура /Исторический очерк/. В сб. «Культура Колумбии». – М., Наука, 1974. – С.229-269.
Struisky P. A. Cultura musical nacional /El ensayo historico/. – Colección “Cultura de Colombia”. – Moscú, Nauka, 1974. – P.229-269.
6. Сергиевский А.А., Табунов С.Н. Очерк развития национальной литературы. Проза. – В сб. «Культура Колумбии». – М., Наука, 1974. – С.148-171.
Sergievsky A.A., Tabunov S.N. Ensayo del desarrollo de literatura nacional. Prosa. – Colección “Cultura del Colombia”. – Moscú, Nauka, 1974 – P.148-171.
7. Грибанов А.Б. Краткий очерк истории перуанской литературы колониального периода. – В сб. «Культура Перу». – М., Наука, 1975. – С.216-233.
Gribanov A.B. Corto ensayo de historia de literatura peruana en el periodo Colonial. – Colección “Cultura del Peru”. – Moscú, Nauka, 1975. – P.216-233.
8. Шелешнева Н.А. Живопись Перу. – В сб. «Культура Перу». – М., Наука, 1975. – С.273-305.
Sheleshniova N.A. Pintura del Perú. – Colección “Cultura del Peru”. – Moscú, Nauka, 1975. – P.273-305.
9. Очерки истории Кубы. – Глава 1. Реформы Карла III и переход к плантационному рабству. – Академия наук СССР, Институт Всеобщей истории. – М., Наука, 1978. – С.3-602.
Ensayos de historia de Cuba. – Capitulol. Las reformas de CarlosIII y transición a la esclavitud colonial. – Academia de la URSS, Instituto de Historia Universal. – Moscú, Nauka, 1978. – P.3-602.

10. Альперович М.С. Франсиско де Миранда в России.
– Академия наук СССР, Институт Всеобщей
истории. – М., Наука, 1986. – 349 с.
Alperovich M.S. Francisco de Miranda en Rúsia. –
Academia de Ciencias de la URSS, Instituto de Historia
Universal. – Moscú, Nauka, 1986. – 349 p.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Baras Escolá, Fernando. El reformismo político de Jovellanos. Nobleza y Poder en la España del siglo XVIII. – Universidad de Zaragoza, 1993. – 270 p.
2. Cepeda Adan, Jose-La política americana vista por un cortesano de Carlos III. – Separata del tomo XXI del “Anuario de Estudios Americanos. – Sevilla, 1964. – P.437-487.
3. Corona E., Carlos. Los motines de 1766 en las provincias vascas. La machinada. – Texto de la Lección Inaugural. Curso 1985-86. – Universidad de Zaragoza. – 1986. – 37 p.
4. Carlos III y la Ilustración. – Tomo I. – Ministerio de la Cultura. – Comisión Nacional Organizadora del Bicentenario /1788-1988/. – LUNWERG Editores. S.A., Madrid, 1988. – 425 p.
5. Carlos III y la Ilustración. – Tomo II. – Ministerio de la Cultura. – Comisión Nacional Organizadora del Bicentenario /1788-1988/. – LUNWERG Editores. S.A., Madrid, 1988. – 791 p.
6. Coloquio Internacional. Carlos III y su siglo. – Actas. – Tomo I. – Universidad Complutense. – Departamento de Historia Moderna. – Madrid, 1990. – 1026 p.
7. Coloquio Internacional. Carlos III y su siglo. – Actas. – Tomo II. – Universidad Complutense. – Departamento de Historia Moderna. – Madrid, 1990. – 1029 p.
8. Dominguez Ortiz, Antonio. Carlos II y España de Ilustración Alianza Editorial, Madrid, 1990. – 232 p.
9. España. Reflexiones sobre el ser de España. – Real Academia de la Historia. – Madrid, 1997. – 587 p.

10. Ferrer Benimeli, José Antonio. El Conde de Aranda y su defenza de España. Refutación del “Viaje de Figaro a España”. – Madrid. – Zaragoza, 1972. – 192 p.
11. Soldevila, Ferran. Historia de España. – Volumen II. – Critica. – Grijablo Mondadori. – Barcelona, 1995. – 590 p.
12. Historia de America Latina. Cambridge University Press. – Editorial CRITICA, Barcelona. 1990. – 371 p.
13. Luciano Franco, José. Comercio clandestino de esclavos. – Aditorial de Ciencias Sociales. La Habana, 1985 – 400 p.
14. Martinez Díaz, Nelson. Los jesuitas en America. – Cuadernos Historia 16. – №153. – Barcelona, 1985. – 32 p.
15. Laviana Cuetos, Maria Lusía. Guayaquil en el siglo XVIII. Recursos naturales y desarrollo economico. – Sevilla, 1987. – 428 p.
16. Navarro García, Luís. Los proyectos de l “Junta de Medios” del virrey Casafuerte. – Separata del Homenaje de professor Carriazo. – Tomo III. – Sevilla, 1973. – P.243-254.
17. Navarro García, Luís. Los oficios vendibles en Nueva España durante la Guerra de Sucesión, Separata del tomo XXXII del “Anuario de Estudios Americanos”. – Sevilla, 1975 – P.133-154.
18. Navarro García, Luís. La Casa de la Contratación en Cádiz. – Instituto de Estudios Gaditanos, Diputación Provincial, 1975. – P.41-82.
19. Navarro García, Luís. La politica de Carlos III en las provincias internas: una valoración. – Separata del Homenajo a Ismael Sanches Bella. – Pamplona, 1992. – P.395-409.

20. Naranjo Orovio, Consuelo. El Caribe Colonial. – Historia colonial III. – Americas 27. – Madrid, 1992. – 55 p.
21. Pagden, Anthony. El imperialismo español y la imaginación política. – Planeta. – Barcelona, 1991. – 253 p.
22. Payne, Stanley G. La España de los Borbones. Desde 1700 hasta la crisis del 98. – Editorial Playor. – Madrid, 1986. – 192 p.
23. Reglamento para el comercio libre, 1778. Facultad de Filosofía y Letras de la Universidad de Sevilla. – Escuela de Estudios Hispano – Americanos (C.S.I.C.) – 107 p.
24. Vaca de Osma, José Antonio. Carlos III. – Ediciones Rialp, S.A. – Madrid, 1997. – 389 p.
25. Альперович М.С. Франсиско де Миранда в России. – Отв. ред. Б.Н.Коваль. – Москва, Наука, 1986 – 394 с.
26. Ильина Н.Т. Колумбия: от колонии к независимости (1781-1819 гг.). – Москва, Наука, 1976.
27. История Латинской Америки. С древнейших времен до начала XX в. – Москва, Высшая школа, 1981. – 295 с.
28. Культура Колумбии. – Москва, Наука, 1974. – 328 с.
29. Культура Мексики. – Москва, Наука, 1980. – 301 с.
30. Леонов Н. С. Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки. Москва, Изд. Мысль, 1975. – 325 с.
31. Очерки истории Кубы. – Москва, Наука, 1978. – 588 с.
32. Поскониная Ольга. История Латинской Америки (до XX века). – Москва, Изд. Весь мир, 2005. – 247 с.

ПРИЛОЖЕНИЯ



Carlos niño

Карл III в детстве



Fernando IV, príncipe de Asturias

Фердинанд IV, сводный брат Карла III



La familia del rey Felip V
Семья короля Филиппа V, отца Карла III



Conde de Aranda

Граф Аранда



Conde de Floridablanca

Граф Флоридабланка



José Patiño
Граф Аранда



Marqués de la Ensenada

Маркиз Энсенада



Carlos IV, príncipe de Asturias

Сын Карла III



Luis I

Сын Филиппа V и Марии Луизы Савойской



Luis XV de Francia

Людовик XV, Франция



Bernardo Tanucci

Сподвижник реформ Карла III



Isabel de Farnesio
Мать Карла III



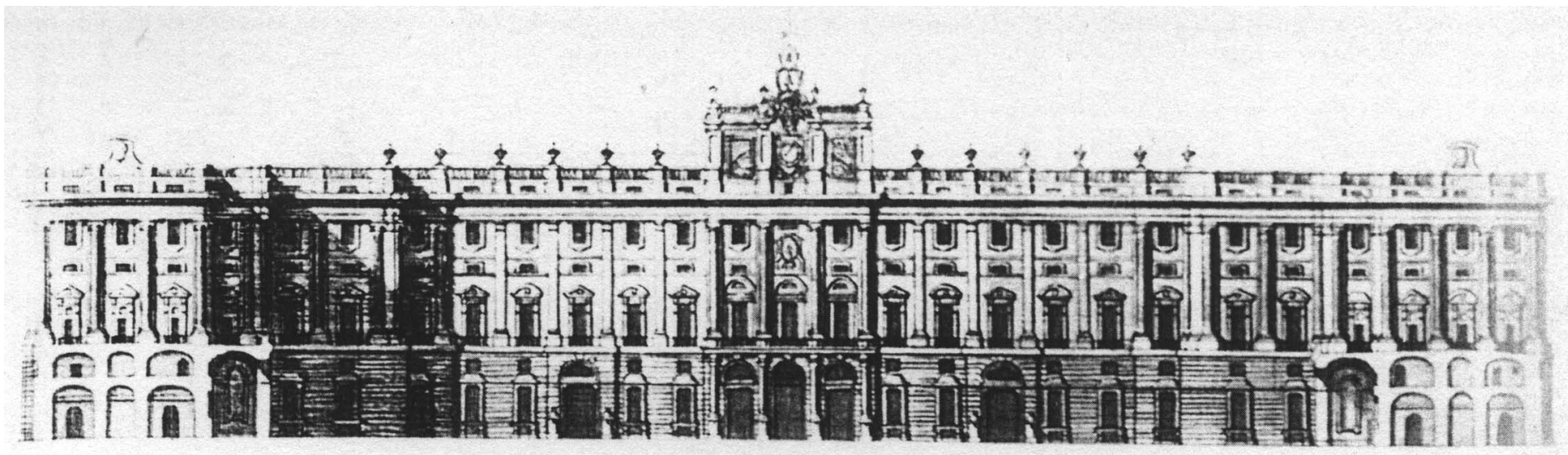
Bárbara de Braganza

Португальская принцесса, жена Фердинанда VI

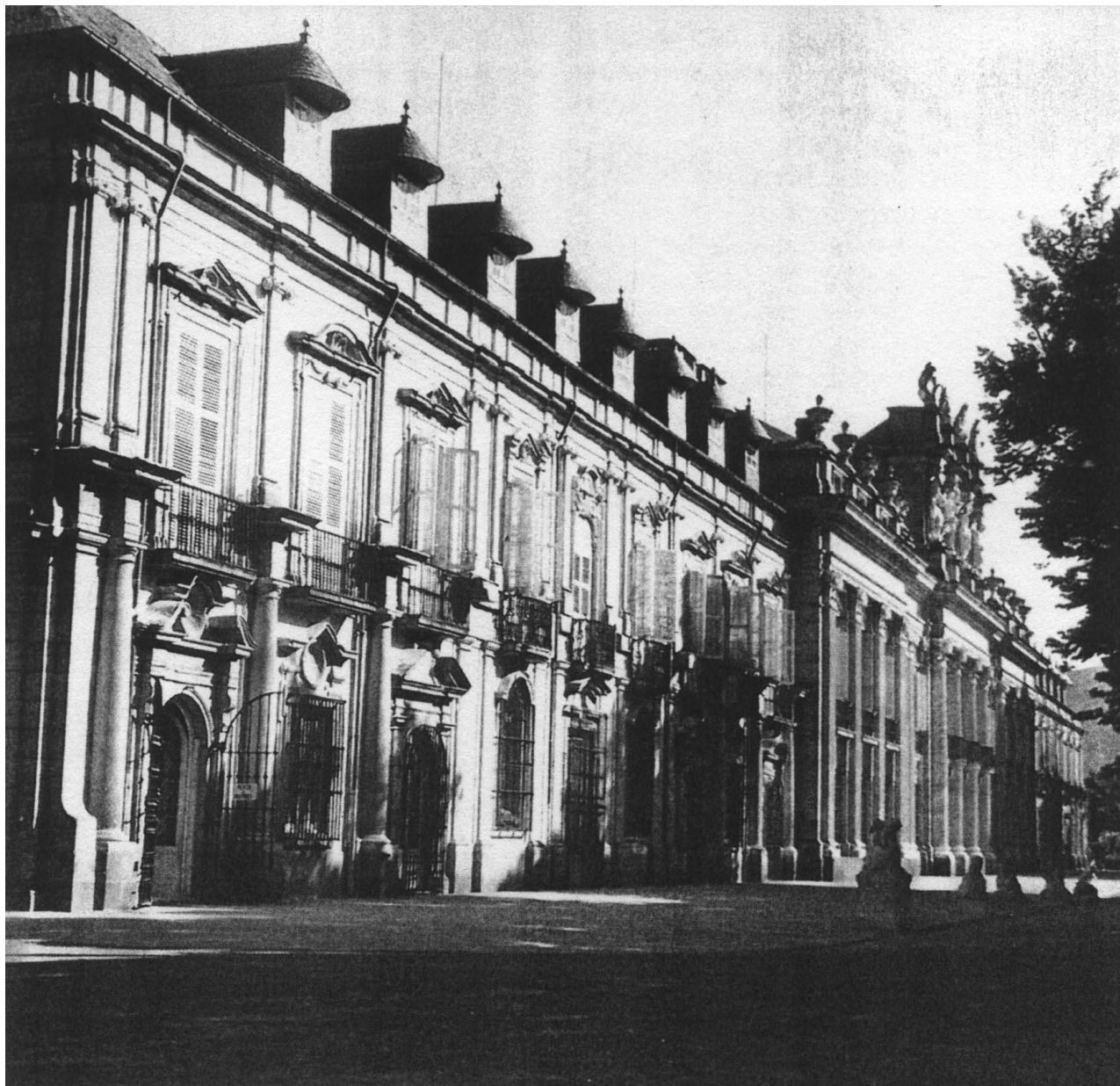


María Amalia de Sajonia

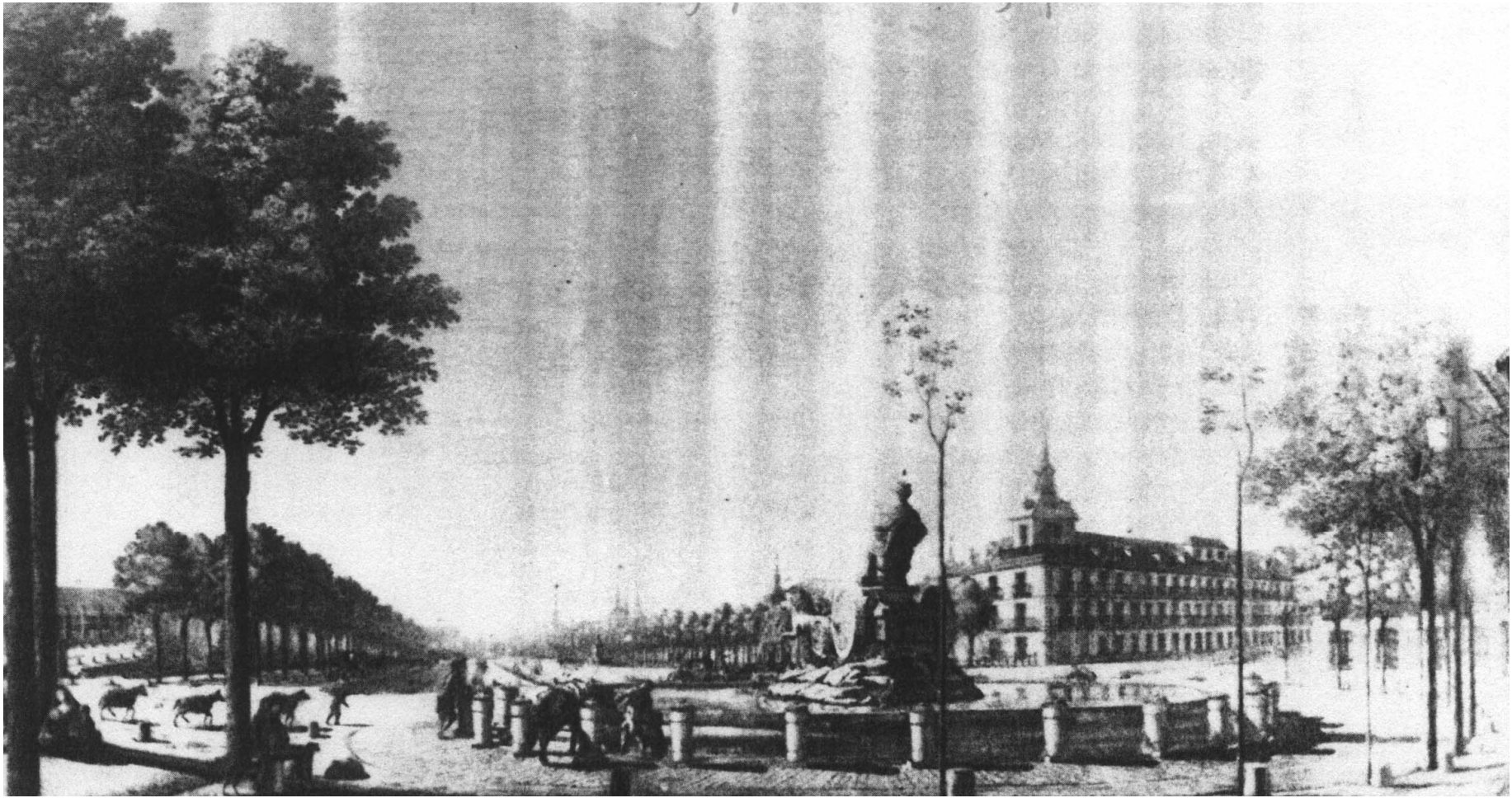
Жена Карла III



..
Palacio Real de Madrid
Королевский дворец в Мадриде



Palacio de La Granja de San Ildefonso
Королевский дворец в Сан Ильдефонсо



La Cibeles, Madrid
Мадрид времен Карла III



El Escorial
Монастырь и королевский дворец Эскуриал



Palacio de Aranjuez
Загородный королевский дворец Аранхуэс



Jorge Washington
Жорж Вашингтон



Federico El Grande
Фридрих Великий, король Пруссии



Catalina de Rusia
Екатерина II

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
Глава I. Первые реформы.....	29
Глава II. Административная реформа.....	50
Глава III. Промышленность	62
Глава IV. Торговля.....	80
Глава V. Антиреформистские течения. Изгнания иезуитов	107
Глава VI. Развитие науки и культуры.....	134
Глава VII. Итоги и последствия реформ.....	164
Биография Карла III.....	175
Sumario	181
ПРИМЕЧАНИЯ:	187
Введение	187
Глава I	189
Глава II	190
Глава III.....	192
Глава IV.....	193
Глава V	195
Глава VI.....	197
Глава VII	199
Sumario	200
ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА	203
ПРИЛОЖЕНИЯ	206

INDICE

INTRODUCCIÓN	5
Capitulo I. Primeros pasos reformatorios	29
Capitulo II. La reforma administrativa	50
Capitulo III. Industria liviana.....	62
Capitulo IV. Comercio inferior y exterior	80
Capitulo V. Cursos antireformatorios. La expulsión de los jesuitas	107
Capitulo VI. Progreso de la ciencia y la cultura	134
Capitulo VII. El saldo y las consecuencias de las reformas	164
Biografía de Carlos III	175
Sumario	181
NOTAS:	187
Introducción	187
Capitulo I	189
Capitulo II	190
Capitulo III.....	192
Capitulo IV.....	193
Capitulo V	195
Capitulo VI.....	197
Capitulo VII	199
Sumario	200
BIBLIOGRAFIA ADICIONAL	203
APÉNDICES	206